

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПЭЭЭЭ

Людмила ЩИПАХИНА
Есть такая женщина на свете...4

Александр БОБРОВ
Замоскворецкий цикл32
На подмосковных высотах37
Про народ40

Пётр ГУЛДЕДАВА
Во всех мирах живёт моя родня...41

Сергей БУДАРИН
Ворох сияющих снов53

Лариса ПРАШКИВСКАЯ
Мне помнится счастье,
что я рисовала упрямо...64

Тамара ПОТАПОВА
Улыбнулся май цветами...72

Юрий ПЕТРАКОВ
На все века83

Юрий ЯХОНТОВ
И нужна была для счастья только
малость...87

Марина НОВИКОВА
Снова в прятки играет
ярких звезд хоровод...115

Инна МУХИНА
Уходит хаос...128

Сергей ЛЕБЕДЕВ
Звоном храм одиноко позвал...134

Ирина ЩЕРВИНА
Сомнений и печалей не страшусь...137

Анатолий ГРЕБНЕВ
Бушует вселенская вьюга...155

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ЧЕРНЫШЁВ
Исторический взгляд на отечественную
экологическую культуру15

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(7) 2013
Выходит четыре раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 01.04.13.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 1608.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2013
© Авторы, 2013

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Валентина БАЛУАШВИЛИ
Когда поёт душа45
- Илья ВЕВЮРКО
«Кто может стать хозяином земли?»
(поэтические этюды И.П. Давыдова)59

ПАМЯТЬ

- Берды КЕРБАБАЕВ
Время весны50

ПЕСНЬ СЛАВЯНСТВА

- Илья ЧИСЛОВ
С запада идёт светлое посланье...
О книге Р. Радовича «Нежность»76
- Йорданка
ТЕОФИЛОВА-ГОСПОДИНОВА
Мне снился дождь111

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Сергей РЫЧЕНКОВ
Кто вы, товарищ Сталин?91
- Александр СВИРИДОВ
На Панджшере118

ПРОЗА

- Светлана КОМРАКОВА
Миниатюры132
- Дмитрий ВОРОНИН
Гиблое место141
Ильич150
- Виталий БОГОМОЛОВ
Божий адамант166
Предатель178
Спорили, перепирались185
Тайна за многими печатями189

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Всё происходящее сегодня в мире свидетельствует о том, что грядут времена перемен, о масштабах и последствиях которых можно только строить предположения. Одно несомненно: система либеральных ценностей, навязываемая человечеству в качестве «универсальной» модели, терпит сокрушительное поражение. Запад и США – так называемый «цивилизованный мир» – агонизируют, находясь в состоянии системного кризиса и одновременно не желая выпускать из рук бразды мирового правления. Признаки вырождения «европейской нации», профессионально камуфлируемые средствами массовой информации, неумолимо проступают трупными пятнами на теле западного общества – в виде практически повсеместной дискредитации традиционных ценностей, при полной неспособности и нежелании государственных органов защитить фундаментальные ценности и устои своих народов. В то же время, Восток, набравшись силы от своих духовных истоков, проявляет решительное намерение расширить своё место в мире, и готов платить за это высокую цену. Время либеральной болтовни подходит к концу, приближается время тех, кто готов к действию и имеет ясную и святую для себя цель...

Россия, как часть европейской, христианской цивилизации, вместе со всем миром стоит перед реальностью и неизбежностью грядущих перемен. В значительной степени (хотя во многом поверхностно и по принуждению) воспринявшая либеральные квазиценности в конце XX века, она стала невольным заложником своего выбора (речь идёт о политическом и мировоззренческом выборе конца XX века). Действительность свидетельствует о том, что изменить парадигму развития за короткое время наша Россия не сможет – слишком глубоко укоренились «общечеловеческие ценности» в общественном сознании при содействии либеральной идеологической машины и иностранных спецслужб. Выход может быть один – принимая неизбежное, опираться на исконные российские ценности и на советский период нашего многонационального Отечества – как самый плодотворный и справедливый в истории мировой цивилизации.

Прошедшие два постсоветских десятилетия стоили России многих потерь – материальных, духовных, человеческих, территориальных, моральных и т.д. Либеральные СМИ при содействии предательской «творческой интеллигенции» изощрённо представляли русского человека презирать себя и свою историю. И в известной степени преуспели в этом чёрном деле. Разного рода «правозащитники» попрекали нас Сталиным, под сурдинку обделявая свои делишки, «приватизируя» общенародную собственность, осваивая иудины сребреники и красуясь на «голубом» экране. Грядущий очередной (окончательный?) этап кризиса, о котором сегодня говорят все, может подарить нам ещё один шанс на возвращение самоуважения, чувства национального достоинства. Прежде всего, народу России необходимо сбросить ярмо духовного рабства, в котором он оказался в результате преступного разрушения СССР. Остальное придёт естественным образом...

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

**Дорогая Людмила Васильевна!
Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Вас с юбилеем!**

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталлистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почета», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живёт в Москве.

Есть такая женщина на свете...

Я давно собиралась сюда.
Торопилась и жаждала встречи.
Мне наскучили – хлеб и вода.
Мне обрыдли – призывы и речи.

В отдаленье – светло и легко.
В отчужденье – покой и отрада.
Я уже от себя далеко,
И меня помогать не надо.

...Жёлтый Нил раздвигает песок.
Льётся солнце на парус фелюги.
Весел ветер и полдень высок.
Я уже позабыла о вьюге.

Я уже зажигаю свечу
В тростниковой чащобе Вьетнама.
Не грущу и домой не хочу,
Где разыграна чёрная драма.

Где темно – от сражений и драк.
Где грешно от вина и дурмана.
Я ловлю, как вселенский рыбак,
Поднебесную синь океана.

И пройдёт изнурительный стресс.
Ляжет путь – в Бангалор или Аден.
Что мне этот несчастный прогресс,
И Чубайс, и Чечня, и Бен Ладен?

...Это я – у окошка стою,
В виртуальном глобальном загуле.
В крупноблочном домашнем раю
И со свежей газетой на стуле.

Есть такая женщина на свете
С кольцами каштановых волос.
Ты её девчонкою заметил,
Ей свое признание принёс.

Или ты дороги перепутал,
Или изменил своей судьбе?
Только где-то, в эти вот минуты
Женщина тоскует о тебе.

Старую потрёпанную книжку
В смуглых пальцах нервно теребя,
Вспоминает женщина мальчишку
Гордого и смелого – тебя.

В синей бухте, у приморских плёсов,
В тех краях, где не смолкает гул,
Ты учился жизни у матросов
И умелым в молодость шагнул.

Но, конечно, робок был вначале –
Обошёл стыдливо стороной,
Увидав впервые на причале
Девушку с каштановой косой.

Майской ночью, в тусклом лунном свете,
Благодарный выпавшей судьбе,
Ты, влюблённый и двадцатилетний,
В первый раз привлек её к себе...

Время, время, ты ли оправданье? –
Лёгкий шаг нарушил тишину...
Ты ко мне приходишь на свиданье,
Бросив дома дочку и жену.

Взяв за руку, водишь по бульварам.
Говоришь о жизни, о делах...
Кажется, что в эти дни недаром
В шумных парках липа расцвела.

У тебя едва заметна проседь,
Хочется идти... Едва дышать...
Ты такой, что очень трудно бросить,
Но ещё труднее – удержать.

Ты такой, что задохнуться можно,
Оббежать, объездить сто дорог,
Чтобы ты по-детски осторожно
Жарких щёк моих коснуться мог.

Только я не стану вёрсты метить
И бежать к тебе, не пряча слёз.
Есть такая женщина на свете
С кольцами каштановых волос.

Может быть, она украдкой плачет,
Долго ждёт, чтоб дверь тебе открыть...
Есть такая женщина, а значит,
Трудно нам о счастье говорить.

Последние мужчины

Последние мужчины –
Поэзия среди прозы, –
Ввергая в изумленье,
Ещё нам дарят розы.
Не ведая корысти
И не во имя жеста,
Последние мужчины
Нам уступают место.
И не застольным тостом,
А просто без причины
Нас греют добрым словом
Последние мужчины...
Чтоб снять пред нами шляпу
И уступить дорогу...
Последние мужчины
Есть в мире, слава Богу!
И пусть вокруг немало
Коллег, сограждан славных, –
Последние мужчины
Себе не знают равных!
Дай Бог им лет предолгих,
Осенних дней и летних!
Последние мужчины –
Друзья не из последних!
Светлы их юбилеи,
Горьки их годовщины.
Всё реже рядом с нами
Последние мужчины.
Всё резче их морщины –
Безжалостней природа...
Последние мужчины
Из рыцарского рода.

Александр Проханову

Когда дела темны и плохи,
Не ты ли шлешь свои лучи
Заложникам крутой эпохи,
Идущим в яростной ночи?

Когда судьба Россию косит,
Лишь ты вещаешь, как пророк,
Чьё слово лечит и возносит,
У горла съёжившись в комок.

Готовая к боям и пыткам,
Кумиры лживые круша,
Каким божественным избытком
Наполнена твоя душа?

Наверно, Родине отрадно
Во дни сомнений и тоски
Погладить синевой прохладной
Горячие твои виски.

А я – зарокотом в новом веке
Теперь печалюсь об одном:
Чтоб берегли тебя вовеки –
И вихрь, и молния, и гром...

В глуши лесов, на пашне стылой,
На перекрёстке всех держав
Спаси безумца и помилуй,
Поклон невидимый воздав.

И пусть всегда с тобой пребудут
Лишь те, чьи души горячи.
С тобой – в тиши смертельных буден.
С тобой – идущие в ночи.

О премиях

Ну, скажу, ребята, – шухер!
Набекрень у них мозги...
Букер-шмукер-антибукер –
Всем подбросили куски.

Всем коварствам, всем изменам
Нынче выдали с лихвой:
Тэффи-шмэффи, редька с хреном
И «Триумф» над головой.

А на днях писали в прессе –
Высший орден – вот так весть! –
Полупьяной поэтессе
За достоинство и честь.

Кто ворюгам угождает,
Меж людей вбивая клин,
Тех засранцев награждают
И обхаживают, блин!

Нам подачек их не надо,
Сыплют пусть себе в подол.
...Наша светлая награда –
православный ореол.

Герои нашего времени

Иль гибель вам – не срам?
Иль в прострации витаете?
Что сидите по домам
Да над Русью причитаете?

Град ограблен, двор сгорел...
Что ж дубинушка не ухнула?
Или порох отсырел?
Или – сердце в пятки бухнуло?

Или бой вам не с руки,
Иль скупили вас начальники?
Воеводы, вожаки,
Современные молчальники.

Что сидите до утра
В позе умного бездельника?
С вами, рыцари пера,
Не дожить до понедельника.

Берегите, женщины, мужчин!

Берегите, женщины, мужчин!
Есть на это тысячи причин:
Их предрасположенность к износу,
К алкоголю, к атеросклерозу...

Женщины, учитесь привыкать
Понимать мужчин и опекать.
Понапрасну их не раздражайте,
Стряпайте,
Работайте,
Рожайте!

Чтоб мужчина вдруг не занемог,
Упрекать его – не дай вам Бог!
Выводы науки не напрасны:
Перегрузки для мужчин – опасны.

Знайте, с медицинской точки зрения,
Подрывает силы их – куренье,
Изнуряет хуже, чем повинность,
Гипокинезия – неподвижность...

Берегите, женщины, мужчин!
Да пребудет худшей из кручин
Тот ваш принцип жизненный, который
Не послужит для мужчин опорой.
И чутки к ним будьте и добры.

Ведь мужчины – хрупкие миры.
Их короткий век не сокращайте:
Уступайте!
Слабости прощайте.

Не шепчитесь горестно с подружкой,
Мол, мужчинам шьют сорочки с рюшкой...
Не ведите недостойно речь,
Мол, у них и волосы до плеч...

Это всё понятно!
Это всё нормально!
Мода, как известно, социальна.
Так что откликайтесь на почин:
Берегите, женщины, мужчин!

Ах, ветер неверности гонит
На голову тысячи бед...
Гляжу – только камень в ладони.
Кричу – ни словечка в ответ...
Зачем приучились чуждаться,
Заморские песенки петь?
В исконном родстве – не нуждаться,
А ближнего – только терпеть?
Не нам ли внушали с порога,
Что дети любой деревушки –
Прямые потомки Даждь-бога
И внуки Царевны-Лягушки?
Не нам ли светило Ярило?
И звуками древнего горна
Не нам ли судьба говорила,
Что мы выживали – соборно.
Зачем же в ненастье и вьюгу,
На ниточке тонкой вися,
Спиной повернулись друг к другу,
На запад лукаво кося?
Ужель не поверили в Слово,
Где наша надежда и боль...
Ужель не возлюбим мы снова
Свою золотую юдоль?

Живущему

Судьбы связующие звенья
И звёзды дивные во мгле.
И слуху твоему, и зренью
Всё угрождает на земле.

Хрустальный дождь и куст примятый,
И холм зелёный вдалеке.
И не затем ли листья мяты
Прохладой гладят по щеке?

Всплеск васильков и ржи метёлки,
И дым берёзовый в трубе –
Пойми, поверь, не сбейся с толку –
Всё предназначено тебе.

Сегодня ты на гребне пира
И властелин всего вокруг.
Сюжеты Кафки и Шекспира
Тебе посвящены, мой друг.

И не тебе ли, в жажде встречи,
На дне потопленных галер,
Шлёт Посейдон – коралл и жемчуг?
Поёт гексаметры Гомер?

И слышишь, как тебя доньне
Зовёт из тихого жилья –
Всепобеждающий Добрыня?
Всепонимающий Илья?

Что ж ты сидишь в угрюмстве хмуром,
Твои владенья – жизнь сама,
И Киев-град, и город Муром,
И золотая Кострома.

Тебе с доверьем и надеждой
Судьба послала поцелуй.
Счастливец, не пребудь невеждой.
Живи, ликуй и торжествуй!

Я там, Маргарита...

«Люся, где ты?»

Из письма подруги Риты Кленовой.

Где циник заморский с душой оккупанта
Готовит для русского участь раба,
Где вольный орёл, превращённый в мутанта,
Застрял в позолоченной клетке герба,

Где стройки элитные грубо и зримо
Кромсают столицу на каждом шагу, –
Я там. Я шагаю по Третьему Риму,
А стольной Москвы разглядеть не могу.

Великие Луки с Великим Ростовом..
К великим глубинкам прижаться хочу.
Но хитрый чиновник во храме Христовом
И там показушно затеплил свечу.

И ложь беззастенчиво лезвия точит,
Фальшиво сбиваясь – то в шёпот, то в крик..
Захлёб словоблудья и пошлости. Отче,
Спаси от лукавого русский язык.

В слезах припадёт к тебе каждый голодный,
Святой обитатель российских широт.
Я там, Маргарита, где самый свободный,
Великий и праведный русский народ.

С кем мне быть, кому мне верить,
Мудрецы, не вам решать.
И напрасно лицемерить,
Угрожать да унижать.

В «сфере ваших интересов»
Русская моя душа.
Но в салонах «Мерседесов»
Вам не светит ни шиша.

Не пытайтесь всем кагалом
Наказать меня рублём.
Не пугайте криминалом
И дорожным патрулём.

Честь и веру в сердце нежном
Злом и лестью – не сгубить.
Даже Римским побережьем
Вам меня не соблазнить.

Я ещё сильнее стану.
Я вас больше – не боюсь.
Не умолкну, не устану
И от горя – не сопьюсь.

Учёному другу

В контакте с прямым назначением
Познаний твоих закрома.
Я кланяюсь с низким почтением
Блистательной силе ума.

И всё ж, предпочтя человека,
Боюсь, наблюденья копя,
Что техника нашего века
Совсем поглотила тебя.

Сквозь графики и диаграммы,
Сквозь блоки, сцепленья, болты –
Какие восторги и драмы
В себе синтезируешь ты.

Научною точностью полон,
Ты всё-таки мне расскажи,
Какое магнитное поле
Влияет на стрелку души?

Какие микронные щели
Нам высветит лазера нить?
И ведать машиной уже ли
Отрадней тебе, чем любить?

Я б слов не теряла, как прежде,
Но эта догадка сладка:
Что квантом любви и надежды
Уже возбуждён ты слегка.

Что свет – не обратное тени,
Что розы растут и во льду,
Что мудрый закон тяготенья
Сегодня с тобою в ладу.

Я мысли твои подытожу:
Быть может, в текущем году
Исправлю тебя и умножу
И в степень тебя возведу.

Солнечные искры в тёплых каплях пота.
Грузят вагонетки уголь и руду...
На хороших людях держится работа,
Древняя, святая преданность труду.

А когда ненастье над судьбой грохочет,
Почитая слабость за великий грех,
Человек хороший отступать не хочет.
На хороших людях держится успех.

И когда скудеют пища и одежда,
И душа тускнеет от пустячных бед,
На хороших людях держится надежда,
Совести и веры негасимый свет.

Суетные страсти пролетают мимо,
Лишь высоким чувствам властвовать веля,
Потому что вечно, с сотворенья мира,
На хороших людях держится земля.

Когда спасенья ты искал,
Когда земля казалась адом,
Когда ты руки опускал –
Прости, что я была не рядом!

Когда светился белый свет
И был твой взгляд хозяйским взглядом,
Для полноты твоих побед
Прости, что я была не рядом!

Когда та женщина в тот день,
Предав особый смысл нарядам,
Возникла над тобой, как тень,
Прости, что я была не рядом!

И каждый час и каждый миг
Неумолкающим набатом
Ты должен слышать этот крик:
«Прости, что я была не рядом!»

Прости, что годы не спасти,
Как незаполненные соты.
За все бессонницы – прости!
За все невзятые высоты.

И поздней встречи торжество
В осенний день с дождём и градом,
Прости!.. Но более всего
Прости, что я была не рядом.

В окне польхают рассветы,
И тучи плывут не спеша...
Хоть светом любви не согрета,
Ещё не пропала душа.

Она на излёте – воскресла,
Как будто рассеялся дым.
И теплится – чудом небесным.
И тешится – даром земным.

Ей надо – ни много ни мало:
 Чтоб русские – веру спасли.
 Чтоб Родина крепко стояла
 И дети спокойно росли.

Отрада душе и награда –
 Осенних деревьев костры.
 И медленный шум листопада,
 И нежность прощальной поры.

Чтоб было легко и спокойно
 В преддверии будущих вьюг.
 Чтоб гуси печально и стройно
 Летели на ласковый юг.

Чтоб были надеждой – рассветы,
 Чтоб стали богатством – года.
 Что кто-то, когда-то и где-то
 Меня вспоминал иногда.

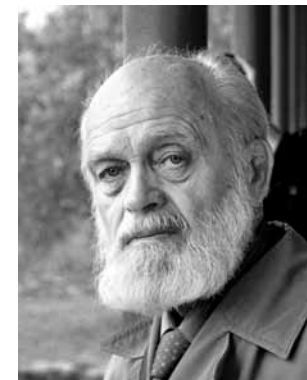
Исторический взгляд на отечественную экологическую культуру

Введение

Экологическая культура всякого народа складывается веками, рождается в зависимости от природных условий национальной территории и верований народа. Она представляет собой систему отношения людей к окружающей природе, использования ресурсов и украшения жизненного пространства.

Чтобы оттенить последующее рассмотрение отечественного природопользования, для контраста сначала несколько слов о Монголии, где автору много раз приходилось бывать и решать специальные геоэкологические задачи. В основе монгольской культуры лежит кочевой образ жизни и ламаистский запрет на обработку земли. Они продиктованы неустойчивостью природных систем на границе пустыни Гоби и таёжной Сибири. Даже носки национальной обуви загнуты кверху, чтобы нечаянно не ковырнуть землю. Юрта – малое, лёгкое, упругое жильё, самое сейсмостойкое сооружение в мире. Монголы вынуждены жить в юртах, так как на значительной части их территории бывают разрушительные землетрясения интенсивностью 10 и более баллов. Всё склоняет к кочевому образу жизни. Несметные стада и табуны, которые до сих пор пасут монголы остаются полудикими. Животные не имеют кличек, не приучены к послушанию. При необходимости воспользоваться лошастью, её ловят лассо, непослушную жестоко смиряют. Питаются преимущественно мясом. Потому постоянно забивают скот.

Иное в России. Обживаемое пространство в период формирования первичной культуры славян покрывали широколиственные и хвойные леса, через которые протекали полноводные реки с обширными травянистыми поймами. Здесь возможно осёдлое скотоводство и земледелие. Здесь нет опасных землетрясений. Здесь есть материалы для строительства жилья из дерева, кирпича и даже камня. Культура природопользования на русской равнине славянскими и угро-финскими народами, нашими предками, в дохристианский и христианский период строилась совсем иначе, чем в Монголии. Великороссы, мы согласны с Л.Н. Гумилёвым (1), в период монгольского владычества кое-что заимствовали из монгольской культуры (например, систему сухопутного

Сергей Николаевич Чернышёв – профессор двух московских университетов – строительного (МГСУ) и православного гуманитарного (ПСТГУ), доктор геолого-минералогических наук. Преподаёт экологию и инженерную геологию в университетах и Закон Божий в воскресной школе. Окончил Московский геолого-разведочный институт (1959) и Православный Свято-Тихоновский институт (1994). Родился в Москве в старомосковской православной семье в 1936 г. Работал на стройках Сибири, Средней Азии, Ирана, Монголии геологом-испытателем. С 1970-х гг. включился в работу по охране и реставрации памятников истории и культуры. Член ЦС ВООПИиК, Научно-методического совета Министерства Культуры. За педагогическую и реставрационную деятельность награждён орденом и медалью Московской Патриархии.

Живёт в Москве.

транспорта и связи, жёсткую иерархическую систему управления), но системы природопользования это не коснулось. Природные условия и религиозные верования продиктовали русскому народу и его соседям на Русской равнине иную экологическую культуру. Она несколько менялась с веками. Удобно разделить историю её развития на три периода: языческий, христианский и советский. Теперь мы вступили в четвертый, постсоветский период, который имеет специфические черты. Они зародились ещё в советской системе в период борьбы научной и художественной общественности против переброски стока северных рек в бассейны Каспийского и Аральского морей. Об этом будет подробно сказано ниже.

Языческий период

Языческий период длился несколько тысячелетий. По археологическим данным, предки славян уже в 3-тнем тысячелетии до Р.Х. жили в бассейнах рек Одры, Лабы, Вислы, Днепра. «Их хозяйство основывалось на осёдлом скотоводстве и земледелии с охотой и рыболовством в качестве дополнений; они жили осёдло в небольших деревнях», – пишет известный археолог академик Б.А. Рыбаков (7). Принципиально не изменился способ хозяйствования и в 1-ом тысячелетии по Р.Х. В это время славяне экспортировали зерно через греческие города Северного Причерноморья. Они вели подсечное земледелие, требовавшее многих рабочих рук. Население увеличилось, но оно было не столь значительным, чтобы оказать влияние на природные экосистемы. К тому же лес был защитой от степных кочевников, во все тысячелетия нападавших с юга. Его не только вырубали, чтобы распахать поля, но и сохраняли для создания засечных защитных полос.

Проблема сохранения зелёного пространства, которая сразу стояла перед монголами, перед языческим населением Русской равнины не стояла. Население на природе оказывало давление далёкое от предельного допустимого. Жили в долинах рек, оставляя обширные водоразделы «заповедными территориями». Наши далёкие предки поклонялись природе, очеловечивали отдельных животных, боялись их трогать, чтобы не навлечь на себя разрушительных стихийных сил. Суеверия и примитивные способы лова оказались живучи. Они сохранялись веками.

С пережитками язычества мне пришлось столкнуться в начале 60-х годов прошлого века на Ангаре. Мужики добывали рыбу (стерлядь, тайменя) древними варварскими способами: ловили крюками, били острогой. При этом многие подранки срывались со снасти. Выловленная рыба в значительной части погибала из-за неумелого засаливания. В старину недоставало соли, в XX веке уже по традиции соли клали мало, ели рыбу «с душиком» пока можно, а негодную выбрасывали бочками. Охотники загоняли сохатых по апрельскому насту; с собакой охотились на медведя. Освежёванный медведь страшно похож на человека. Старики, рождения ещё XIX века, ели сохатину, но не ели медвежатину, считая этого мудрого и, по их мнению, человекообразного зверя хозяином тайги. Церквей в тот период на Ангаре не было на протяжении многих сотен километров. Их почти не было и до революции. Народ поголовно не был приобщён к христианской культуре. Очеловечивая зверя, они тем приравнивали себя к животным. Так было и в древности: «И человек в чести сый не разуме, приложися скотом бессмысленным, и уподобися им» (Пс 48:21). Человек, возвышенный Богом, «в чести сый», не понял Бога и присоединился к скотам. Интересный пример приводит М.И. Зеликин в книге «История вечнозелёной жизни» (3). Видимо, это было в 70-х годах того же прошлого века. Некий учёный из Москвы, залетевший на север с экспедицией, идёт с местным пожилым ненцем по северному мелколесью. Ищут тонкую жердочку, такую, какая сломалась в чуме. Просмотрели сотню берёзок, но все не подходящие. Прямостоящую там действительно найти трудно. Наконец хозяин подобрал с земли прямую палку. Вскоре гость заметил такую же растущую берёзку. Он посоветовал бросить ненадёжную находку и взять свежее деревце. На что получил ответ, что нельзя: «Ведь оно живое».

Эти два случая вводят нас в психологию далёких предков, которые любили природу, одушевляли её, считали себя её составляющей частью, видели себя как бы

равноправными с некоторыми животными. Они боялись природы, которая мощной стихией могла разрушить их достояние или нападением хищника лишит их жизни. Изучая природные процессы, они учились понимать язык обожествлённой природы, создавали приметы, которые помогали определить сроки сева и уборки урожая, сроки и места лова рыбы и зверя. Наряду с реальными приметами, скажем, смены погоды, они создали тьмочисленные суеверия, которые есть в «Слове о полку Игореве». Суевериями многие руководствовались ещё в XVIII-XX веках. Так А.С. Пушкин, отправившись из Михайловского в Санкт-Петербург в 1825 году, в момент декабрьского восстания, велел развернуть лошадей, когда дорогу перебежал заяц. Заяц по Божьему промыслу спас нам поэта от монаршего гнева.

Итак, на протяжении тысячелетий народ обожествлял природу, поклонялся отдельным её явлениям. Он видел себя частью природы, не смел возвыситься над ней. Однако он разделял её на две части: одной поклонялся, другую использовал и по неумению варварски наносил ей ущерб. Примеры такого отношения к природе находим даже до XX века. Однако малая плотность населения и могучий потенциал экосистем осваиваемой территории не привели к заметному ущербу окружающей среде. Эти же факторы требовали коллективных усилий для сельскохозяйственного освоения земель. Создавался артельный стиль работы и общественный способ владения обширнейшими угодьями.

Христианский период

Крещение с XI века освободило славян от рабства в отношениях с природой. С принятием христианских догматов народ стал хозяином природы, подчинённым Богу. Положение человека между Творцом и тварным миром на протяжении 1000-летней истории народа и его Церкви было основным понятием, которым люди руководствовались в общении с природой. Предельно ясно оно было высказано в 1246 году святыми мучениками великим князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским и его боярином Феодором (9). Тогда Церковь оставалась единственным объединяющим началом для народа, разделённого удельными князьями и поверженного завоевателями. Батый пытался и эту последнюю опору единства порушить. Он приказал всем князьям приезжать к нему на поклон для получения ярлыка. А как вводить к нему князей «он злохитрый очень лукаво придумал: каждый из русских князей являлся перед его лицом не прежде, чем проходил сквозь огонь, бросал в него что-нибудь и кланялся кусту и огню», – донёс нам сербский писатель XVI века Лев Филолог. Свв. Михаил и Феодор отказались принести жертву огню и поклониться кусту. «Поклониться и воздать честь царю, который ниспроверг царство на Руси, и возможно для меня, да это и подобает, а послушаться злочестивого повеления – это мерзость» – сказал св. кн. Михаил Черниговский. И далее: «Я знаю, что истинного Бога надо чтить и тому одному поклоняться. Православную службу любя, я никак не привык боготворить сотворённое Богом, особенно же то, что нам служить предназначено, каково и солнце, которому вы поклоняетесь. Большое для Бога досаждение таковое творить и божественной службой почитать тварь паче Творца. Я же поклоняюсь пребожественной Троице».

Положение человека между Богом и землёй давало право людям пользоваться природой как даром Божиим. И одновременно обязывало украшать землю, заботиться о ней. Жизнь на земле мыслится, по-христиански, как гармоничное сообщество, как процветающая мегасистема, возглавляемая человеком и освящаемая его любовью. Этот идеал изображён в рельефах на стенах соборов XII века во Владимире и в росписи Владимирского собора в Киеве, выполненной В.М. Васнецовым и М.В. Нестеровым, а также в картинах М.В. Нестерова («Юность преп. Сергия» и др.). Удивительны улыбающиеся львы и спокойные дружелюбные медведи! Однако, любя животных, русский православный человек резко выделял себя над ними. Это выражалось в разрешении косить траву, рубить дерево, резать животное. Отражалось это и в языке. О человеке: родился и умер, а в старину более точно – успе, так как человек бессмертен. О лошади, корове – пала; о курице, овце, собаке – издохла. О женщине говорили беременна и родила; о кобыле – жереба и ожеребилась; о кошке, овце – котна и окотилась; о суке,

лисице – сущенна и оценилась и так далее. Сравним: у советского поэта для детей: «А у нас в квартире кошка родила вчера котят ...». Животное, птицу можно было убить при необходимости, но убить для развлечения считалось грехом. Этого не знали господа-охотники, как пишет А.А. Новикова-Строганова (6). Экологическая культура, как и фольклор, как и искусство кустарей, была в последние века царской России народной культурой. Образованные люди в большинстве от неё, к сожалению, отошли, пленившись культурой запада. Но среди них нашлись и те, кто послужили сохранению этой культуры, записав фольклор, создав предприятия для кустарей, хоровые и танцевальные коллективы народного творчества. Имена этих хранителей весьма многочисленны.

Созная себя между небом и землёй, между Творцом и остальной тварью, русский человек в соответствии с учением Церкви в природопользовании ставил себе задачи:

- полностью обеспечить семью природными ресурсами,
- ограничить свои потребности,
- до конца переработать всё взятое у природы,
- использовать возобновляемые источники энергии,
- иметь в общественной собственности хотя бы часть ресурсов,
- совместно, артельно выполнять некоторые трудоёмкие работы,
- украсить землю трудом.

Полностью обеспечить свои потребности из природных ресурсов можно и нужно в соответствии с заповедью Адаму и Еве «плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и обладайте ею» (Быт 1:28). Земля не заповедник. Человек создан для «возделывания земли» (Быт 2:5). В псалме (Пс 127:1-5) русский православный человек читал: «Блаженни вси боящиеся Господа... блажен еси и добро тебе будет. Жена твоя яко лоза плодovита в странах дома твоего: сынове твои яко новонасаждения масляничная окрест трапезы твоея. Се так благословится человек бояйся Господа». В соответствии с этим он устраивал свою жизнь в семейном достатке. Примеры такой жизни дают жития Иова Многострадального (ранее XV века до Р.Х.), Филарета Милостивого (Византия, VIII в.), Серафима Вырицкого (XX в.) и других святых. Следуя им, русский человек смело осваивал землю, строил на севере просторные избы-хоромы в несколько этажей с многочисленными жилыми помещениями различного назначения, с добротными банями и амбарами, для чего валил лес, а также держал немало скота, пахал, охотился, ловил рыбу, бортничал.

Счастье видели в обеспеченной жизни. Потому брали от природы, сколько нужно для безбедного существования. Но высшее счастье видели в духовном богатстве, которое достигалось отречением от земного изобилия. Не счесть душ, которые пошли по пути преп. Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иова Почаевского. Но не только в монастырях, также и в миру *самоограничение было идеалом*. Вспомним аскетический облик А.В. Суворова – народного героя. Самоограничение в повседневной жизни всего народа выражалось в постах общей продолжительностью 16 недель. Постными были почти все среды и пятницы. Это путь к сохранению живой природы. Другой формой всеобщего ограничения были установленные Церковью сроки начала сбора яблок, мёда, орехов, так называемые Яблочный Спас (Преображение), Медовый Спас (праздник Выноса Креста) и Ореховый Спас (праздник иконы «Нерукотворный Спас»). Ограничение проявлялось также в том, что брать в кладовой природы можно было только необходимое количество, как Бог заповедал евреям, подав манну небесную. Христиане, они же крестьяне, в старину не ловили рыбы больше, чем нужно, не били зверя для потехи, но только для потребности и в установленные сроки. Знал сроки первый «зелёный» – дед Мазай. Он, выпускная спасённых зайцев,

Лодку причалил – и «с Богом!» сказал...

.....
*Смотри, косою,
 Теперь спасайся,
 А чур зимой
 Не попадайся!*

.....
*Я их не бью ни весною, ни летом,
 Шкура плохая, – линяет косою ...*

Последнее, прагматическое, он, думается, добавил для слушателя-барина, чтобы не казаться чудачком.

На Севере этого принципа ограничения добычи придерживались до конца. С.Н. Дурьлин рассказывал мне, как в 1914 году, путешествуя с воспитанниками мальчишками, на Кен-озере он брал у крестьян лодку и снасти для ловли рыбы. Давали, но предупреждали, чтобы приносили рыбы столько, сколько надо самим на день. Завтра будет новый день и новый лов.

К самоограничению в охоте и рыбной ловле очень близко примыкает традиция *использовать до конца всё взятое от природы*. Запрещалось бросать не только хлеб, но и хлебные крошки. Однако уже в древности этого идеала не всегда придерживались люди богатые. В повести о святых праведных князьях Муромских Петре и Февронии (2) рассказано, как боярыни укоряли княгиню-крестьянку за обычай собирать крошки со стола. Однако и обычай использовать взятое подчистую перешагнул в XX век. Хорошо помню, как в 1950 году меня учили до чёрной земли выкашивать траву и тщательно сгребать сено, ничего не оставляя на покосе. Использовалось всё принесённое в дом. Современных ТБО (твёрдые бытовые отходы) не было. Всё, что не съедено людьми, отдавали скоту. Всё, что непригодно скоту – шло в печь, давало тепло и золу для удобрения огорода и борьбы с вредителями. Через навоз и золу в землю завершался оборот веществ в крестьянском хозяйстве. Человек кормил скот, подкармливал почву, ухаживал за ними и пользовался от них. Принцип безотходного производства, провозглашённый современной экологией, был реализован в крестьянском хозяйстве. Одновременно осуществлялась очистка среды от отходов. Действовала замкнутая трофическая (питательная) цепь, подобная природной. У деревни не было ни помойки, ни свалки. Дорогие железные детали возвращались в кузницу. Черепки глиняной посуды ложились на дорогу, улущая её.

Потребление энергии в средневековой Руси и царской России до конца XIX века было основано на использовании возобновляемых источников: овса, сена, дров, ветра, воды, навоза (кизяки). Вместо электроэнергии современных холодильников в погребах использовали отрицательный запас теплоты грунтов под зоной интенсивных сезонных колебаний температуры. Этот ресурс и сейчас может быть эффективно использован для организации крупных городских хранилищ продуктов питания. На глубине 15–20 метров от поверхности температура круглый год удерживается равной среднегодовому значению температуры воздуха. В снесённой гостинице «Россия», от которой освободили центр Москвы, холодную подземную воду использовали для охлаждения помещений в летнее время. В старину дефицит холода в погребе восполняли закладкой в него в марте глыб льда с реки или пруда. Впрочем, старина эта не давняя, так как мне в детстве приходилось участвовать в закладке льда в ледники музея Поленова, устроенные художником В.Д. Поленовым в своём имении Борок (ныне Поленово) на рубеже XIX и XX веков.

В русской традиции до XX века сохранялось *общинное владение некоторыми угодьями*. К общему владению первоначально склоняли большие не обжитые просторы междуречий, малая численность населения, непрерывность плодородного пространства. В противовес этому в центральной и западной Азии плодородные участки были дискретны и немногочисленны, как оазисы в пустыне или малые террасы на горных склонах (их искусственно ущирали). Потому там рано возникло частное владение. В России в общественном пользовании находились источники и колодцы, пастбища и сенокосы. Старики мне рассказывали, как до самой революции сообща косили заливные луга на Оке под Тарусой. Один луг принадлежал селу Страхову, другой селу Бёхову. Осенью сельчане сообща срезали кочки, а летом косили, выходя всем селом на покос. Косили рядами, становясь в спину. Косили не для себя, а на общину. Потом делили сено. Если в какой-то семье по несчастью не было косца, её не лишали доли. По сей день лесные грибы, ягоды, орехи в России считаются общим достоянием. Мне с моим русским представлением об общественном владении пришлось попасть дважды

в неловкое положение, когда в геологических походах по горам Кавказа и Тянь-Шаня я собирал грецкие орехи и какие-то ягоды с деревьев, росших вдали от аулов в диких местах. Оказалось, что каждое дерево имеет своего хозяина. Общее владение всем хозяйством, зачастую немалым, имелось в тысячах общежительных монастырей России. Перед революцией, в самые последние годы, в 1913-1916 годах, стали возникать коллективные крестьянские хозяйства для совместного приобретения сельхозтехники. Это были прообразы колхозов. Но грубая насильственная большевистская коллективизация погубила ростки нарождавшегося общественного землепользования. Коллективные хозяйства создавались, в противовес сталинской идее хуторов, после смерти Петра Аркадьевича, который не допускал коллективизации (8).

Общественное владение склоняло к *артельному способу работ*. Дорожные и мелiorативные работы дома и подрядные строительные работы на стороне выполнялись артельно. Ярким примером успешного общественного труда являются обydенные храмы, построенные миром за один световой день, храмы, конечно, деревянные.

Приятная *обязанность людей перед Богом украшать окружающее пространство*. «О светло светлая и украсно украшена земля Русская» – вздыхает автор «Слова о погибели Русской земли» в XIII веке. Украшение земли городами, сёлами, храмами, а также мелкими изделиями и словом, и песней хорошо известно. Дошедшие до нас предметы старины и архитектурные сооружения в советское время официально назывались памятниками культуры. Тем подчёркивается, что культура эта умерла, поскольку памятник – напоминание о чём-то утраченном. Сейчас идёт возрождение культуры, и «памятники», бывшие мёртвыми монументами, воскресают как храмы.

Заканчивая о христианском периоде, сравним его с языческим. Христианский период отличается более рачительным отношением к природе под действием веры и при необходимости сохранять среду, которая всё более превращалась в собственность семей. Забота о будущем требовала сохранения ресурсов поля, леса, реки. Осёдлый образ жизни позволял хорошо знать, а религия с детства учила любить родную землю. Крестьянин хорошо понимал, где и как можно нанести вред природе. В языческий период такого знания, видимо, не было, да и «неисчерпаемые» ресурсы окружающей среды не побуждали к мыслям о сохранении. 900-летний христианский период не оставил невосполнимых утрат в окружающей среде в отличие от последующего столетия.

Можно привести другие примеры исполнения положения, исповеданного св. вел. кн. Михаилом и боярином Феодором, но пора сказать о втором переломе в религиозном и экологическом сознании русского народа, связанном по времени и по существу с революциями начала XX века.

Советский период

Последние десятилетия императорской России отмечены развитием капиталистического хозяйства. В это время всё более широкие массы в народе хотели стать господами-европейцами. Рост индивидуального потребления, умноженный на рост численности населения, привёл к необходимости разделить землю, уходить от общественного владения, извлекать из недр ископаемые горючие – уголь, нефть, газ и другие материалы. Созданные излишки изделий привели к распространению роскоши и заметному неравенству. С целью передела власти, славы, земли и имущества генералами и думской верхушкой был совершён переворот в феврале 1917 г., а потом захват власти большевиками в октябре 1917 г. К власти пришли люди далёкие от национальных традиций природопользования и далёкие от Бога.

В этот период, на новом витке диалектической спирали мировоззрение технической интеллигенции и правящей партийной олигархии, их взгляд на природопользование характеризуются двумя особенностями. Первая – человек-правитель возвысился над всем. В отсутствие Бога он стал единовластным хозяином мира, которому всё дозволено. Это было уродливое развитие христианского взгляда на главенство человека, который Богом был возвышен надо всем миром, но оставлен в подчинении Богу. Вторая особенность советского периода – возврат к языческому взгляду на человека как одно из животных.

Рассмотрим первую особенность эпохи, потом – вторую. Революционер, возвысившийся над миром, освободившийся от Бога, от 8-ой заповеди Ветхого Завета «не укради», провозгласил лозунг: «Грaбь награбленное», под которым осуществлялся передел собственности, часто со сломом системы хозяйствования, с гибелью результатов труда предыдущих поколений. Последнее особенно характерно при захвате церковной собственности. Покончив с капиталистами, кулаками, середняками, сложившаяся советская власть провозгласила лозунг: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё наша задача». С ним пошло безудержное наращивание темпов эксплуатации природной среды без оглядки на её охрану. Это была хищническая эксплуатация, которая не прекращается и теперь.

Хищник убивает жертву, берёт лакомое и оставляет труп, его находят другие животные и потребляют, очищая жизненное пространство. В природопользовании хищничество, когда на лесосеке оставляют вершины, сучки, высокие пни, глубокие колеи от машин; когда в недрах остаётся нефть, если её трудно и дорого извлечь; когда в погоне за урожаем из-за излишнего полива и подъёма уровня грунтовых вод засоляют почву; когда над землёй оставляют пустую породу в терриконах; когда в погоне за дешёвой электроэнергией затопляют неочищенные от леса территории. Всё это происходило в советский период. К примеру, Братская ГЭС построена в очень выгодных природных условиях, от Бога предназначенных для получения дешёвой возобновляемой электроэнергии. Параллельно с ГЭС было создано необходимое для её работы водохранилище, одно из крупнейших в мире по площади. Тайга перед затоплением не была сведена. На это не хватило времени и денег. Она ушла под воду. В результате вода, прозрачная вода Ангары, была загрязнена так, что по радио для сёл расположенных ниже плотины объявляли: не пейте воду из Ангары. За один месяц исчезло стадо осетровых, которые составляли значительную часть питания приангарских крестьян. Я жил тогда в 250 км ниже плотины. В Братске тогда говорили, что немцы из ФРГ предлагали очистить водохранилище бесплатно, точнее, в уплату взять лес, который ушёл под воду, но Н.С. Хрущёв не согласился.

Хищничество в советский период было не от неумения, как в древности, а от небрежения к богоданному богатству природы.

Вторая особенность советского периода – возврат к языческому взгляду на человека как одно из животных. Такое понимание положения человека в мире привело к изменению взгляда на семейные отношения, которые уже больше не регулировались ни новозаветным законом, ни ветхозаветными заповедями 7-й и 10-й. В двадцатых годах прошлого века развернулась кампания против семейных отношений, значительно позже, вопреки общечеловеческим представлениям о преступлении и 6-ой заповеди «не убий», легализовали аборты. Подсознательное смешение человека с животными выразилось и в языке. В бульварном жаргоне к собакам более не применяли нарицательные сука и кобель. Чаще так стали называть соседей и сослуживцев, иногда не без оснований. Щенков же стали называть девочками и мальчиками, конечно, от большой любви к животным. Можно было слышать, что они лучше людей: не обижают, хранят верность. Так было в быту.

В официальной науке и государственной политике также состоялось смешение людей с животными. Я не говорю об условиях, в которых людей заставляли жить в концентрационных лагерях, и не только в лагерях. Идеология правящей олигархии с отказом от Бога приравняла человека к животному. Это произошло в форме принятия за догму гипотезы о происхождении человека от обезьяны. В науке объединение человека с животными до сих пор выражено в экопирамиде (рис. 1) и трофической цепи, которые есть во всех учебниках экологии. Человек и всеядные животные объединены по принципу питания в один класс «Консументы II рода». Нам это представляется неверным. Православный христианин, католик и христиане некоторых других конфессий потребляют нечто, совершенно недоступное животным. В евангелии от Иоанна (Ин 6:48-56): «Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сошедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. Тогда иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он

Рис. 1. Традиционная экопирамида

может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть моя истинно есть пища, и Кровь моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем». В последующих строках Евангелия говорится, что не все могли понять и принять эти слова. Произошло разделение даже между учениками Иисуса Христа. «С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ин 6:66). И это разделение утвердилось на все времена.

Итак, человек отличается тем, что он причащается Плоти и Крови Христа Спасителя, он принимает крещенскую воду, антидор, артос, просфору, помазуется миром. Всё это отделяет от животных. С этой пищей человек обретает Духа Святого и становится связующим звеном между миром духовным и материальным: «Ядущий

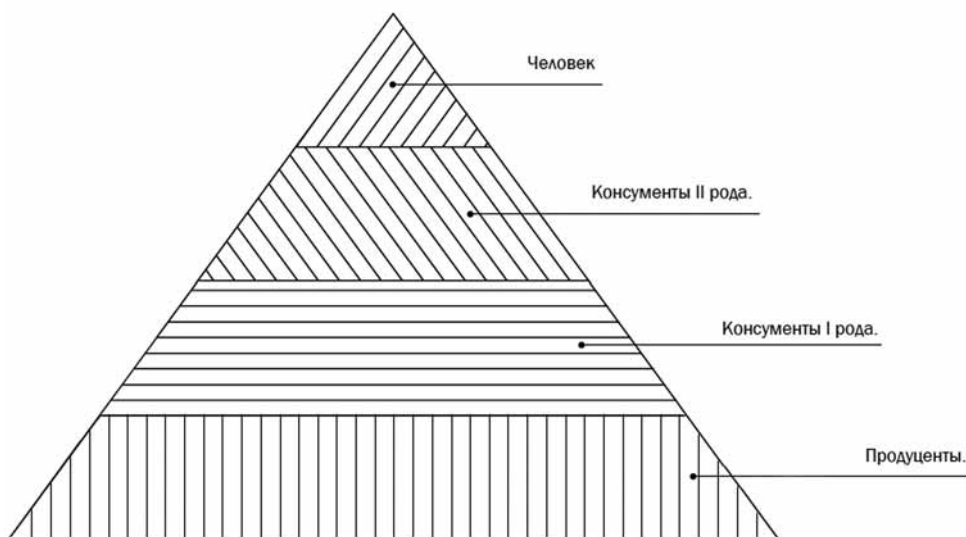

Рис. 2. Экопирамида с отделением человека от животных в верхний уровень

Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин 6:56). Господь для того вочеловечился, чтобы восстановить связь духовного и материального мира. Это тривиально для богословия, но ново для экологии. Вследствие сказанного необходимо при вершине экопирамиды над консументами II выделить пространство для человека (рис. 2). Наше дополнение к экопирамиде этим не ограничивается. Над пирамидой материального мира мы поместим пирамиду мира духовного (рис. 3). Они соприкасаются в области, где находится человек. Материальная пирамида базируется на косном и биокосном веществе. Это вода, воздух, почва и все минеральные и органические вещества, в них содержащиеся – всё, чем питаются растения, названные в данной ассоциации продуцентами. Материальная пирамида населена продуцентами, консументами и людьми. Духовная пирамида населена душами святых и ангелами. У вершины её, которая в самом низу (пирамида перевернута!), находится человек духовный. В основании, которое покрывает её сверху, находится Бог. Всё тварное таким образом «в сени крылу». Бог питает сверху вниз своей любовью ангелов, святых и духовных людей, а через них, через людей, питает любовью всё материальное, живое. Через людей Бог управляет миром. Мы знаем, что духоносные старцы могут руководить не только духовной жизнью человека, но даже и его хозяйственной деятельностью. Впрочем, Бог управляет миром не только через человека, но шлёт ему свою любовь и подаёт в нужный момент питание помимо человека. Об этом в псалме 103, ст. 27 и 28.

Отказ в советский период от духовного руководства свыше привёл к многочисленным ошибкам в экологической политике, к утратам в природной среде громадным в сравнении с утратами предыдущих тысячелетий. Но страна наша велика и в большей части покрыта устойчивыми природными системами, поэтому природа наша ещё богата.

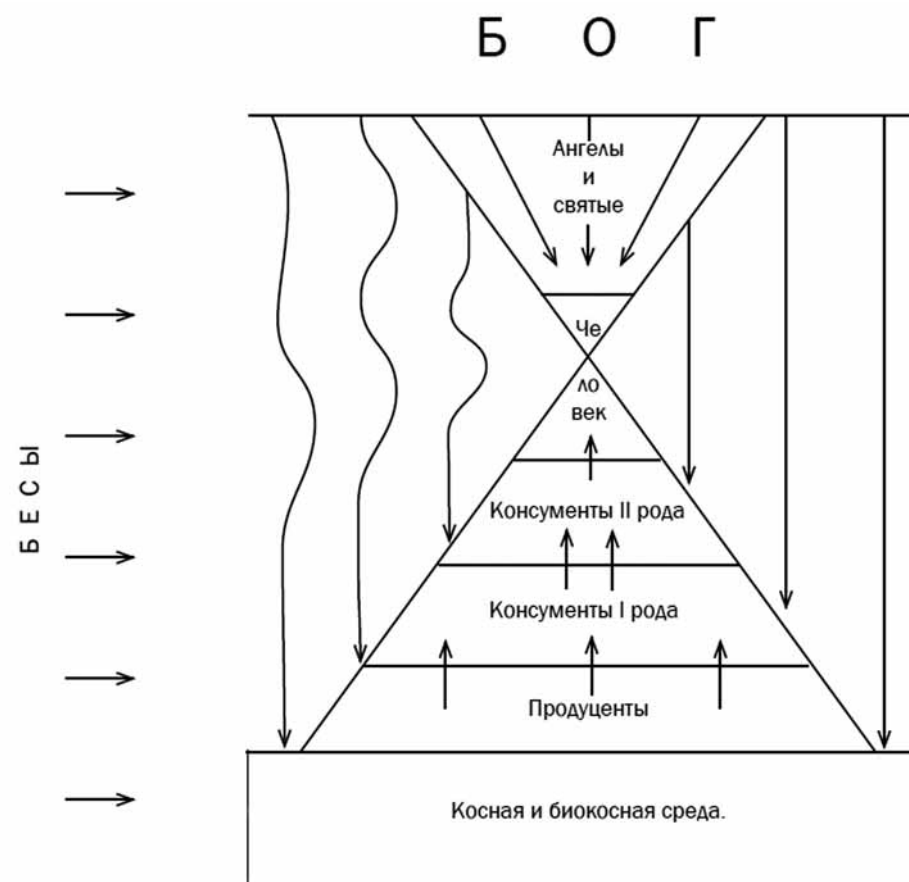

Рис. 3. Схема управления биосферой

Поворот к новому экологическому мировоззрению

Характеристика движения и его итоги

По этому богатству в 80-х годах прошлого века готовился очередной тяжёлый удар. На XXV съезде КПСС было принято решение о переброске стока северных рек – Невы, Онеги, Сухоны, Печоры, Оби с Иртышом в бассейн Каспийского, Азовского и Аральского морей. В народе этот проект известен под именем проекта Поворота рек. Поворот рек не состоялся, но он стимулировал поворот экологического сознания в массах людей и, главное, в умах правящей советской олигархии. Отмена поворота рек была победой общественного движения 1982-86 годов. Движение зародилось на моих глазах; мне довелось до конца в нём участвовать. Это было особое движение, которому, видимо, нельзя подобрать аналог в истории России.

Отличительные особенности нашего движения:

- легальные, честные, словесные (письменно и устно) формы борьбы;
 - не массовый характер движения. (В нём участвовали выдающиеся русские учёные и деятели художественной культуры, отмеченные самыми высокими званиями и наградами, пользовавшиеся авторитетом в народе и всесильном партийном руководстве. Заслуженные, преимущественно, пожилые люди опирались на узкий круг энергичной научной «молодёжи» в возрасте 30-50 лет, которая в расцвете творческих сил жертвенно служила избранной идее);
 - малая причастность к борьбе СМИ, которые не определяли хода борьбы и только иногда информировали о ней широкую общественность, напряжённо и сочувственно следившую за нашими действиями;
 - полное отсутствие каких-либо демонстраций и массовых шествий;
 - неослабная, жертвенная и без всякой материальной поддержки работа сотрудников днём и ночью в течение 4,5 лет с начала 1982 года до 19.07.1986 года;
 - большинство деятельных участников были православные, многие свою работу предваряли и сопровождали молитвой и молебнами в храмах (В.Г. Брюсова помолилась и благословила наш 1-ый труд при отправке в ЦК КПСС осенью 1982 года; протоиерей Александр Егоров совершал молебен 19.07.86 г. в час решающего заседания Совмина СССР);
 - почти все участники были людьми высокой общей культуры и культуры труда, наследственной или благоприобретённой, так что Д.С. Лихачёв, Г.С. Голицын не были исключением;
 - ряды противников поворота рек не оформлялись в какие-то организации: люди приходили, делали своё дело и уходили, не получая ничего, даже благодарности.
- Результаты общественного движения против Поворота рек:
- прекращение строительных работ по переброске стока, которые были начаты в Вологодской области в бассейнах озёр Лаче и Воже;
 - прекращение проектных и научно-исследовательских работ по проблеме переброски;
 - рождение в России новой неклассической экологии, точнее выход её из узкого круга специалистов, широкое общественное признание, всестороннее развитие и внедрение в систему преподавания;
 - внедрение экологической тематики в СМИ (практически в каждом номере солидной газеты и журнала в 1980-х годах была экологическая статья);
 - на новой научной основе были существенно структурно обновлены органы охраны среды и памятников культуры, создана экологическая экспертиза проектов; созданы экологические кафедры практически во всех ВУЗах и отделы охраны среды в проектных организациях;
 - активизировалась законодотворческая работа в области охраны среды.

Многие из этих мер не дали результата в связи с падением власти.

Может быть, главным итогом победы движения против переброски стало осознание хрупкости жёстких партийных решений и возможности повлиять на ход событий общественным движением, что не удавалось никогда ранее в советский период. Трудно сказать, насколько положительным было это открытие.

Как это было

Общественное движение против Поворота рек началось в сфере культуры. Через год-полтора в него влились математики, позже создавшие сильнейшие аргументы против переброски. Затем в этом деле объединились видные учёные самых разных специальностей и создали комплексное экологическое обоснование недопустимости переброски стока северных рек на юг.

Первый этап. Незнакомые люди в феврале 1982 года собрались на Волхонке, где теперь Храм Христа Спасителя, чтобы поговорить о защите Соловецкого и Кирилло-Белозёрского монастыря, так как прошёл слух, что им угрожает некое новое строительство. Планировалось провести разговор в зале института Русского языка АН СССР, но в институт нас не пустили. А.Б. Ефимов извлёк из группы собравшихся несколько человек и увёл на квартиру Веры Григорьевны Брюсовой, известной исследовательницы русской иконы, вдовы брата поэта. Она возглавила движение на первом этапе. Задачу поставил Василий Иванович Белов, писатель-вологжанин, который, между прочим, сказал, зачем воду на юг подавать: пусть везут чернозём к нам. Но это в шутку, а всерьёз он просил защитить север от гидротехников-мелиораторов. Они, в поисках способов получить невиданные государственные ассигнования для своего ведомства, провели через решение XXV партсъезда идею подачи воды северных рек в Каспий, а так же в Арал. Уровень Каспия в то время на протяжении многих десятилетий снижался и упал до отметки – 29 м, Арал усыхал из-за разбора воды на орошение. Предполагалось перекрыть дамбой Онежскую губу, соединив Соловецкий архипелаг с берегами, построить ряд плотин на Онеге, воду из Онежской губы энергией ряда специальных атомных электростанций поднять на водораздел Онеги и Волги в оз. Воже на высоту 122 м, а оттуда пустить в Рыбинское водохранилище, то есть в Волгу. Одновременно по реконструируемой Мариинской системе перебросить часть стока Невы в оз. Белое к стенам Кирилло-Белозёрского монастыря и далее в Волгу. Планировалось также повернуть р. Сухону от устья и пустить её в ту же систему через Кубенское озеро. Далее на востоке планировали повернуть Печору и бросить её в Каму (рис. 4). В Сибири намечались более грандиозные стройки, чем в Европе. Там полноводные Обь с Иртышом планировалось перекрыть плотинами и часть стока через 1000-километровые пространства перекачивать в Арал. Всё это во имя спасения Каспия и Арала и для обеспечения поливного земледелия на юге. Это означало: перегрузить экономику СССР, который с трудом поддерживал баланс в холодной войне, нанести тяжёлый экологический удар по населённым долинам рек России, уничтожить археологические памятники и с ними следы истории расселения наших предков по Русской равнине, истории формирования великорусской народности, покуситься на древние памятники архитектуры севера, включая Соловки, устроить смешение народов на территориях исконно занятых русским населением и малочисленными народами севера.

Собравшиеся у В.Г. Брюсовой специалисты по охране среды и гидротехнике С.Г. Жуков, Е.М. Подольский и С.Н. Чернышёв вместе с хозяйкой и В.И. Беловым и А.Б. Ефимовым решили обратиться к всесильному генсеку Л.И. Брежневу с просьбой отменить Поворот рек. Составили два кратких письма от учёных и от деятелей культуры. К ним приложили научное обоснование необходимости отказа от переброски в 2-х томах, один по ущербу культуре, другой по нарушениям природной среды. На изучение громадного опубликованного и архивного материала по теме ушло полгода. Письма подписали, насколько помню, каждое по 11 человек. Среди них В.И. Белов, И.С. Козловский, Г.И. Свиридов, С.Т. Рихтер, Ю.Н. Никулин, А.В. Васнецов, Л.С. Понтрягин, Д.С. Лихачёв, И.Р. Шафаревич, Г.С. Голицын, Б.А. Рыбаков. Со всеми ними были личные отношения у кого-то из нас или наших близких. Можно было придти, обстоятельно побеседовать и предложить участие в начинании, которое предпринято по инициативе известного писателя В.И. Белова. В этот начальный момент мы очень ощущали единство культурной среды, в которой работали, доброжелательность тех, к кому обращались. Помогали связи, иногда очень давние. Когда один из нас пришёл к академику Голицыну, то они за чаем вспомнили общих предков XVIII века и тесную дружбу родителей. В результате Георгий Сергеевич подписал письмо

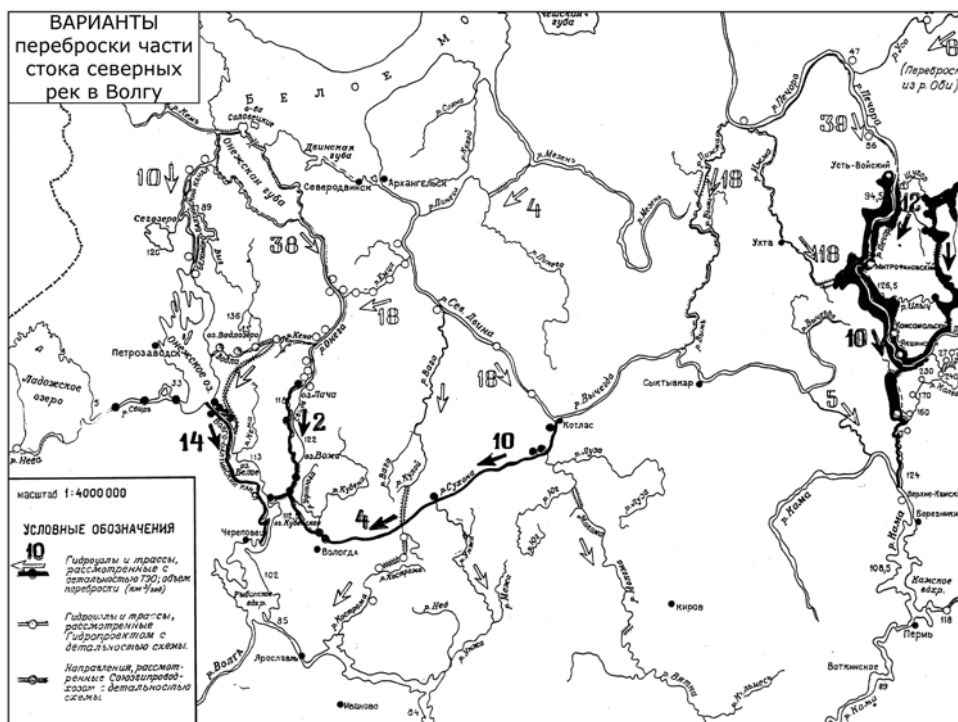

Рис.4. Направления переброски стока северных рек в Волгу, предусмотренные Минводхозом СССР и проработанные в разной степени к 1983 году (по М.И. Зеликину).

генсеку, несмотря на то, что это могло ему повредить. Он как директор Института Физики Атмосферы АН СССР был тесно связан служебными отношениями с Институтом Водных Проблем АН СССР, который был мозговым центром Переброски. При подписании сказал примерно следующее: «Голицын не может отказаться от подписи под таким письмом, если к нему пришёл потомок Самариных». Та же ситуация повторилась в служебном кабинете Председателя Союза Советских художников А.В. Васнецова, внука В.М. Васнецова. К нему послали правнука С.И. Мамонтова. Андрей Владимирович подписал наше письмо, памятуя то доброе, что дед его получил от Мамонтовых. Ему, при его высоком положении в советской иерархии, члену КПСС, по уставу партии было неудобно обращаться к генсеку Л.И. Брежневу с критикой решения партсъезда. Но он как фронтовик принял трудное решение, поступил не по уставу, по сердцу и разуму. Он подписал, мотивируя для себя и для нас дружбой В.М. Васнецова с С.И. Мамонтовым. Когда всё было собрано, В.Г. Брюсова положила материалы стопкой на стол, прочла краткую молитву и перекрестила наш труд, отправляемый в ЦК КПСС. Доставить его на Старую площадь и зарегистрировать от собственного имени взялся сотрудник музея Андрея Рублёва, а ныне протоиерей Александр Салтыков. Было это в октябре 1982 года. В ноябре Л.И. Брежнев скончался. Он поддерживал проект поворота. Сам когда-то учился в гидромелиоративном техникуме и создал Минводхоз для друзей юности. Письма были рассмотрены без него. Итог был значительный – создание Государственной комиссии для внеочередной экспертизы проекта Переброски. Будь жив Л.И. Брежнев, реакция на письма могла бы быть и другой.

Начался второй этап борьбы с переброской. Из всех составителей документов первого этапа только меня как доктора наук, специалиста по охране геологической среды и памятников архитектуры, эксперта Минкультуры СССР и члена ЦС ВООПИиК включили в состав экспертов и поручили вести группу охраны памятников. В группу согласились войти академик Д.С. Лихачёв, заместитель министра Культуры РСФСР А.И. Шкурко, ст. научный сотрудник Института истории АН СССР С.А. Беляев. Д.С. Лихачёв незадолго перед этим выдвинул идею создания нового научного

направления под названием Экология культуры (4,5,10), которое и использовал для защиты культуры севера. Однако экспертировать нам было нечего: в материалах ТЭО (технико-экономическое обоснование) среди многих десятков томов не было тома по охране памятников культуры. Том был срочно составлен. Мы единодушно и незамедлительно дали по нему полностью отрицательное заключение, в котором писали, что переброска несовместима с сохранением памятников культуры. Но это было заключение только пяти экспертов, а их было около семидесяти по разным сторонам проблемы. Отрицательное заключение с рекомендацией отказаться от переброски дали доктора наук А.С. Некрасов и Н.Д. Матрусов, с которыми мы много встречались на квартире Александра Сергеевича. Он – старый москвич, с молодости был знаком с моей семьёй и оказался единомышленником. Другие эксперты давали уклончивые заключения о целесообразности доработки ТЭО или даже рекомендовали его одобрить. В обстановке противоречий под вопрос было поставлено качество научного обоснования целесообразности переброски. Одно из определяющих заседаний комиссии состоялось 9 апреля 1983 года. Утром, отправляясь на заседание, я открыл церковный календарь, чтобы помолиться святому дня. Оказался день неизвестной мне мученицы Матроны Солунской. Я обратился к ней за поддержкой. Как потом узнал, она, раба иудейки, пострадала от своей хозяйки, которая требовала прекратить поклонение Распятому и за упорное несогласие столкнула Матрону со скалы в пропасть. В тот день выступление Д.С. Лихачёва, приехавшего специально из Ленинграда, было с большим вниманием воспринято руководством экспертов. Он говорил об угрозе исчезновения народа вепсов, которых тогда оставалось около 40 человек, о единстве культурного наследия, которое пошатнётся без памятников, затапливаемых и подтапливаемых переброской. Ему особенно дороги были Соловки, где он был приговорён к расстрелу, будучи в молодости заключён в СЛОН. Д.С. Лихачёв заставил считаться с нашим мнением. Мученица помогла.

Общее заключение Государственной экспертной комиссии было подписано только в июне 1983 года. Выводы его были неопределённые. Рекомендации об отказе от переброски не было, но научное обоснование было признано не вполне достаточным. Некоторые эксперты надеялись, что будет стимулирована новая волна финансирования их научно-исследовательских институтов, работающих по проблематике переброски. Но это вызвало поручение АН СССР разобраться в научном обосновании идеи перераспределения стока. Назрел третий этап борьбы с Проектом века, как называли его апологеты переброски. На этом этапе нашим центром стал Президиум АН СССР, где работу возглавил академик Александр Леонидович Яншин. Но прежде, чем рассказать о «комиссии Яншина», расскажу об эпизоде в Институте географии АН СССР.

Осенью 1983 года основные идеи Переброски в качестве докторской диссертации в Институте географии АН СССР защищал ГИП ТЭО Переброски А.С. Березнер. Прошло 1,5 года с начала нашей борьбы. Мы уже не были группой незнакомых людей, что мёрзли у бассейна на Волхонке. К группе специалистов, собиравшихся у В.Г. Брюсовой и А.С. Некрасова присоединились учёные-экономисты и математики из ЦЭМИ АН СССР (Центральный Экономико-Математический институт) во главе с М.Я. Лемешевым, Л.Ф. Зеликиной, Н.П. Юриной. В ЦЭМИ незадолго до этого организовалось движение против переброски. Наши ряды ширились, отношения складывались самые простые, дружеские. Проблемой горячо заинтересовался великий математик и патриот Л.С. Понтрягин. Его ученики начали исследовать математические модели прогноза колебания уровня Каспия и находить ошибки. Активно включились в борьбу писатель-географ Ю.К. Ефремов и его жена Н.А. Лебедева, доктор геолого-минералогических наук. Математик Людмила Филипповна Зеликина, неутомимая наша сотрудница, генератор идей по нанесению ударов противнику и организатор этих ударов, размножила реферат А.С. Березнера и раздала его многим нашим единомышленникам. В итоге ко дню защиты в учёный совет географов поступило около 30 отрицательных отзывов на автореферат и диссертацию. Среди них был отзыв А.Л. Яншина, вице-президента АН СССР, возглавлявшего науки о Земле, которому был подчинён Институт географии. Некоторые неофициальные оппоненты проработали диссертацию в библиотеке Института географии. Их отзывы содержали множество аргументированных

замечаний и занимали по несколько десятков страниц. Первый день защиты ушёл на чтение отрицательных отзывов. На второй день заседание не состоялось: диссертант снял работу с защиты. Это была победа, но работа над проектом Поворота рек от этого не замедлилась. Десятки проектных, научно-исследовательских и учебных институтов продолжали разрабатывать темы Поворота рек. «По всем канонам эпохи, бороться против идеи переброски казалось абсолютно бессмысленно. Она стала подобна локомотиву, развившему полную скорость. На её стороне была вся партийная и государственная машина СССР. В дело были замешаны материальные интересы одного из могущественнейших министерств страны. И всё же нашлось несколько десятков человек, которые поднялись на борьбу, и, как ни странно, победили!», – написал в воспоминаниях М.И. Зеликин (3).

Вскоре после провала Березнера нас собрал в своём кабинете в Нескучном дворце на Ленинском проспекте А.Л. Яншин. Он сгруппировал вокруг себя с два десятка докторов и кандидатов наук разных специальностей в возрасте около 40 лет, энергичных, преданных делу, способных писать и выступать в дискуссиях. Состав не был постоянным, но некоторые, как Н.Ф. Глазовский, К.Н. Дьяконов, Ю.К. Ефремов, С.Г. Жуков, М.И. Зеликин, Л.Ф. Зеликина, Н.А. Лебедева, М.Я. Лемешев, Ф.Я. Шипунов, Н.П. Юрина и автор трудились от начала до конца. На протяжении почти 3-х лет они вели непрерывную острую научную полемику с Институтом водных проблем АН СССР, институтом Союзгипроводхоз, основными разработчиками обоснования Переброски. Комиссия Яншина противостояла тысячи специалистов, вооружённые множительной и вычислительной техникой, лабораторным оборудованием. Наши противники были специалисты, много лет погруженные в частные направления общей комплексной проблемы. Только высокий профессионализм таких людей, как Зеликины, Н.Ф. Реймерс и другие, только находчивость в дискуссиях Л.Ф. Зеликиной, М.Я. Лемешева и, конечно, выдающиеся во всех отношениях человеческие возможности А.Л. Яншина позволяли нам с переменным успехом, но всё же теснить защитников переброски.

Главным итогом этого третьего этапа стали постановления девяти отделений АН СССР о научной необоснованности ТЭО Переброски. Проблема действительно была комплексной, потому в её обсуждении приняли активное участие и 9 отделений, каждое по своей части. Первое по времени и главнейшее по существу было постановление «О научной несостоятельности методики прогнозирования уровня Каспийского моря и солёности Азовского моря, использованной Минводхозом СССР при обосновании проектов переброски части стока северных рек в бассейн р. Волги», принятое на бюро отделения математики 26 ноября 1985 года, подготовленное Зеликиными. Нас никто не торопил. Перебросчики выступали в роли кота в известной басне И.А. Крылова, но нам не подходила роль повара. Дискуссия была вынесена на заседание Президиума АН СССР совместное с Президиумом ВАСХНИЛ, которое прошло в зале заседаний Нескучного дворца 9.12.85. К сожалению, здесь нет места для рассказа о том заседании, но об этом рассказал М.И. Зеликин в книге (3). Президент ак. А.П. Александров продиктовал решение, отразившее его нейтральную позицию: не отказываться от переброски, но минимизировать её до 5,8 км³/год из озёр Лаче и Воже, что не нанесёт существенного ущерба и станет производственным экспериментом. Темп работ был сбит, но они продолжались в проектной и исследовательской части и, конечно, при удобной ситуации могли быть развёрнуты по полной программе.

В это время интерес к проблеме в широких слоях интеллигенции возрастал. Это и активность крупнейших учёных и деятелей культуры было известно руководителям СССР. Они решили поставить точку на проблеме и прекратить её дальнейшее муссирование. Но каково будет решение нового генсека М.С. Горбачёва и Председателя Н.И. Рыжкова? Заседание Совета министров СССР 19 июля 1986 года по вопросу переброски вёл Н.И. Рыжков. Выступавшие не знали мнения председателя, потому все выступали за переброску, в поддержку ранее предначертанной линии партии. А.П. Александров выступил «за» от АН СССР. Только А.Л. Яншин выступил против, раздав участникам решения 9 отделений АН СССР. А.П. Александров получил от Н.И. Рыжкова замечание за то, что ввёл в заблуждение Правительство относительно мнения Академии. Тем самым мнение председателя стало проясняться для присутствующих.

Председатель Совмина РСФСР В.И. Воротников поддержал А.Л. Яншина. Незадолго перед тем А.Л. Яншин был приглашён к В.И. Воротникову на беседу по нашей проблеме. Приглашавший его помощник премьера сказал, что на приём выделено 15 минут. Но В.И. Воротников, выслушав 10-минутное сообщение академика, просил продолжить беседу. Она шла 3 часа. Очевидно чиновники, блюдя интересы всемогущего Минводхоза, не хотели, чтобы руководство было правильно информировано. Длительность беседы свидетельствует о значимости, сложности вопроса и отсутствии на тот момент в верхах сложившегося мнения «быть или не быть Повороту рек». В.И. Воротников стал нашим сторонником. М.С. Горбачёву через одно лицо также удалось передать нашу информацию из рук в руки. Он склонился к нашей позиции. В результате Н.И. Рыжков, ссылаясь на авторитет академиков и назвав имя Л.С. Понтрягина, принял решение о прекращении работ по переброске стока. Так родилось постановление Совета Министров СССР от 14 августа 1986 года №978 «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек». Знаменательно, что это постановление датировано днём Первого Спаса, когда Церковь поклоняется кресту и освящает воды, а заседание состоялось в день всех Радонежских святых.

В день и час заседания у Н.И. Рыжкова, рядом с Кремлём в храме св. Пророка Илии Обыденном протоиерей Александр Егоров совершал длительный молебен специально для защиты от переброски. С нами горячо молилась кн. К.П. Трубецкая, как и о. Александр горячо любившая Россию. Молебен шёл у иконы преп. Сергия, также трудившегося для устройства земли Русской. Д.С. Лихачёв говорил мне, что преп. Сергий был почитаем народом за умение делать любую крестьянскую работу, и уважаем князьями как человек из их круга по рождению и воспитанию, который не только хорошо понимает задачи государственного строительства, но и решает их по просьбе князей. Имеются в виду его походы в Рязань и Нижний Новгород для примирения с Москвой, а также духовное участие в Куликовской битве. Одновременно служили молебны и в других храмах Москвы. Вообще, на протяжении всех лет борьбы с Поворотом рек мы постоянно обращались к Богу. Так, к заседанию в Президиуме АН СССР мне выпало доставить демонстрационные листы, изготовленные добровольными помощниками-художниками. С ними я заехал в Хамовники, попал на молебен. Листы были окроплены святой водой. За нас молился Георгий Шевкунов, теперь архимандрит Тихон, наместник Сретенского монастыря в Москве. Он был близок к Л.С. Понтрягину.

Опыт патриотического движения и возможность его использования

Борьба с проектом Поворота рек была событием более значительным, чем решение технической задачи в области строительства, и даже большим, чем защита природной среды западной половины громадной страны, от Дуная до Енисея. Это была борьба патриотической интеллигенции с группой чиновников и специалистов, толкавших страну к разрушению экономики, природной среды и культуры. Это было патриотическое движение, которое незримо имело православную основу. Его начали И.С. Козловский, Ю.В. Никулин, которые ходили в ЦК КПСС. Полем для битвы мы сразу избрали науку, форма борьбы – легальное обращение к ещё прочной власти. Власть пошла на это, хотя могла перевести борьбу из научной плоскости в политическую, вспомним сессию ВАСХНИЛ 1948 года, но этого не произошло. КГБ занял позицию наблюдателя. Отчасти известно, чьими глазами он наблюдал. В частности, была попытка ввести в наши ряды, в качестве фотографа, тогда никому не известного человека, который вскоре всплыл в общественной жизни вождём организации «Память».

Научную дискуссию с апологетами переброски повели крупнейшие учёные Л.С. Понтрягин, Г.И. Петров, Д.С. Лихачёв, А.Л. Яншин, Г.С. Голицын и другие в тесном союзе с учёными более молодыми. Со стороны творческой интеллигенции учёным была оказана сильная поддержка редакцией журнала «Наш современник», писателями С.П. Залыгиным (гидротехник по образованию), В.И. Беловым (инициатор движения), В.Н. Крупиным, Ю.К. Ефремовым (писатель-географ). Они сделали борьбу широко известной общественности. Опыт легальной борьбы за решение крупной

государственной проблемы без политизирования может быть использован при сильной власти, способной проводить в жизнь народные, а не антинародные решения. В современной России можно попробовать организовать аналогичное патриотическое движение за закон о запрете абортов, производства и распространения противозачаточных средств.

Сейчас в окружающем нас Богозданном мире главное нарушение от человека – массовое убийство младенцев. В языческое время человеческие жертвы приносились богам, «которые суть бесове», человек тогда видел себя одним из животных. Современный человек, поправ в себе образ Божий, отделив себя от Духа Святого, вновь опустился на уровень животных. В этом качестве мы позволяем себе убивать младенцев, ханжески запрещая смертную казнь за тяжкие преступления. «Пока не существует закон о запрете абортов – пишет «Почаевский листок» – кровь невинных младенцев ложится на каждого из нас. Современный греческий старец Паисий так сказал: «когда государственный закон не запрещает аборт, тогда последствия ложатся на каждого гражданин, так как Бог наказывает весь народ, но когда выходит закон, запрещающий аборты, тогда наказанию подвергается только лицо, которое совершает». Только официально путём абортов ежегодно на Украине, в России и Белоруссии погибает 8 млн. младенцев». Если нас спросят, как Земля сможет прокормить эти миллионы, то укажем на пустующие поля России, на излишки продуктов питания в миллиардном Китае и ответим словами пророка Давида: «не видех праведника оставлена, ниже семени его, прясница хлебы» (Пс 36:25). Чтобы решить эту новую задачу, нужно обратиться к президенту от лица видных уважаемых им лиц и приложить к письму всестороннее научное обоснование, в котором с исчерпывающей полнотой изложить духовные, медицинские, демографические, юридические, криминалистические, экономические и другие аспекты проблемы.

Заключение

На протяжении истории русского этноса и исторически сопутствующих ему народов взгляды на природопользование менялись от варварских хищнических к христианским природоохранным и далее к атеистическим хищническим. Человек вначале ставил себя вровень с животными. Затем возвысил себя над ними, подчинившись Творцу. Затем, отвергнув Бога, полностью взял на себя управление природой и преобразование её, что обернулось экологическим кризисом. Наконец, на данном этапе он в лице крупнейших учёных осознал единство мира как гигантской, сложнейшей мегасистемы, крупное вмешательство в которую чревато непредсказуемыми последствиями. Очевиден вывод: такая мегасистема не могла сложиться случайно. Она создана Творцом, и управлять человек может только какой-то её частью, сообразуясь с волей Творца. Размер и состав этой части зависит от духовных и интеллектуальных возможностей личности.

Сказанное позволяет нам сформулировать принципы современной христианской экологической этики, которые в некоторых пунктах совпадают с природоохранной политикой современных государств:

1. Принцип удовлетворения потребностей: каждый человек, независимо от вероисповедания, имеет данное от Бога право полностью обеспечить свои потребности в природных ресурсах и созданных на их основе продуктах.
2. Принцип самоограничения: счастье не в росте материального достатка и потребления, а в росте духовном, потому христианин лично стремится ограничить свои потребности, отвергая приобретение лишних вещей, многоедение и другие излишества в пределе до аскетизма.
3. Принцип безотходного производства: на производстве и в быту полностью, до конца использовать все составляющие взятого у природы так, чтобы и пепел от сжигаемого остатка вернулся в землю удобрением.
4. Энергетический принцип: использовать преимущественно возобновляемые источники энергии – энергию солнца в её лучистом виде, в виде ветра, текучей воды, включая приливы, в виде энергии, заключённой в животных и растениях.

5. Эстетический принцип: человек имеет право и обязан перед Богом преобразить землю своим трудом, украшать её и приспособлять для жизни людей, животных и растений.

6. Принцип владения: народ имеет в общественной собственности часть природных ресурсов и рукотворных сооружений (воздух, воду, леса, школы, больницы, дороги и др.) и обеспечивает государственный уход за ними; наряду с этим каждый из народа может иметь в частной собственности некоторые природные и рукотворные объекты; он лично перед Богом и государством несёт ответственность за их состояние, рациональное использование и воспроизведение.

7. Принцип ограничения рождаемости: в рамках самоограничения, по апостолу (1 Кор 7:38) поощряется целомудренное безбрачие.

Совершенной, обеспечившей сохранение природных условий на протяжении почти тысячелетия, была система природопользования в христианский период. Наши предки тогда ощущали себя виноградарями (уточним, «другими виноградарями») из Евангельской притчи о виноградарях (Мф 21:33-41). Подчиняясь Богу, они возвышались над всем тварным миром. В этом положении они, не формулируя, руководствовались следующим:

- полностью обеспечить свои потребности в природных ресурсах;
- лично ограничить свои потребности на доступном для себя уровне;
- до конца использовать всё взятое у природы (безотходное производство);
- использовать только возобновляемые источники энергии;
- иметь в общественной собственности часть ресурсов;
- совместно, общиной, выполнять общественно значимые работы;
- украсить землю трудом.

Эти положения не устарели и сегодня. Используя их, наши предки находили счастье не в полнейшем удовлетворении возрастающих материальных потребностей, а в духовном совершенствовании и духовном общении с живыми и ушедшими, с окружающей природной и рукотворной средой. Значительное место в их жизни занимало пользование красотой природы, что выражалось в песенном, архитектурном и другом творчестве. Материальное благосостояние служило необходимой базой духовной жизни.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Москва: АСТ «Хранитель», 2007. С. 655.
2. Ермолай-Эразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских. «Памятники литературы древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века». Москва, 1984. С. 627-647.
3. Зеликин М.И. История вечнозелёной жизни. Москва: «Факториал пресс», 2001. С. 143.
4. Лихачёв Д.С. Экология культуры. «Москва» № 7, 1979. С.173-179.
5. Лихачёв Д.С. Экология культуры. Гл. из кн. «Земля родная». Москва: «Просвещение», 1983. С. 256.
6. Новикова-Строганова А.А. Христианский дух земли русской в «Записках охотника» И.С. Тургенева. Литературно-исторический журнал «Великоросс» № 3(5), 2012. С. 154-168.
7. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и Русские княжества XII-XIII вв. Москва, 1982. С. 590.
8. Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. Москва: Изд. МГУ, 1973. С. 335.
9. Филолог Л. Слово похвальное Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговским. «Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI века». Ред. Д.С. Лихачёв. Москва, 1986. С. 482-515.
10. Чернышёв С.Н. Экология культуры как база для широкого воссоздания русской культуры с православным ликом. Кадашевские чтения. Сб. докладов конференции. Вып. VII. Москва, 2010. С. 116-126.

ПОЭЗИЯ

Александр БОБРОВ

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

Александр Александрович Бобров – лирический поэт, публицист, бард, тележурналист, фольклорист, кандидат филологических наук. Родился в подмосковном поселке Кучино, рос и учился в старинном Замоскворечье. Закончил Радио-механический техникум, служил в армии в Воронежской и Тульской областях, учился с отличием в Литературном институте и в аспирантуре. Много лет работал на руководящих редакторских постах в газете «Литературная Россия», в издательствах «Советский писатель», «Эллис Лак», был специальным корреспондентом телеканала «Московия», ведущим программы «Русские струны» и «Подмосковные встречи». Автор 35 книг лирических стихов, авторских песен, литературных пародий, путевой и просветительской прозы. Лауреат многих литературных премий. Секретарь правления Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Замоскворецкий цикл

* * *

Я показать хочу тебе
Из глубины веков дошедший
Мой переулочек Кадашевский
И первый дом в моей судьбе.
Зачем – не знаю, не скажу.
Я сам сюда хожу не часто.
Захочешь ли ты быть причастна
К тому, чем так я дорожу?
Увидишь ли, ступив сюда,
Как, светом лица озаряя,
Вдруг оживает озорная
Мастеровая слобода?
Как ходят струги по реке
И шумом полнятся подворья,
Как струны рвёт поэт Григорьев,
О прошлом плача в кабаке?
И ветви – чернь по февралю –
Деревьев, инеем кипящих,
Звенят у храма Всех скорбящих,
Что я люблю, а не скорблю.
Хотя не знаю наяву,
Нужны ль тебе все эти речи.
Да что! – само Замоскворечье,
Куда я всё-таки зову!

Московское наречие

На подмосковных шумных ветках
Я слушать в тамбуре готов
Смешенье разных диалектов,
Вернее даже – говорков.

Твердит дорога: погоди, мол,
Хоть ты не дока в языках,
Послушай – окнул Володимир,
А отозвалось в Петушках.

Ступай на Серпухов по тракту,
И по дороге лишь к Оке
Тебе в деревне так поддакнут
И акнут чище, чем в Москве.

Зато на севере, под Клином
Молодка встанет на крыльце,
Окинет взглядом длинным-длинным
И тронет косу на плече.

Не будь в крови того-другого
У наших предков – москвичей,
Откуда б взялся этот говор –
И общерусский и ничей?

Ни новгородский, ни рязанский,
А тот, что слиться им помог.
В Москве недаром завязался
Неповторимый узелок
Дорог, обычаев наречий.

И я согласен сохранить
Хоть часть своих противоречий,
Чтоб по-московски говорить.

Боярышник

Вместо ограды облезлой
В местности незалесённой
Рядом с дорогой железной
Вырос кустарник весёлый.
Сгынёт осенняя слякоть,
С холодом в гроздьях тяжёлых
Красная сладкая мякоть
Тает на косточках жёлтых.
Жухнет трава по откосам,
Ягоды брызжут салютом.
Радость – мальчишкам курносым,
Радость – дроздам длинноклювым.
Ни для кого не запрещен,
С каждым он счастлив делиться:
Нижние ягоды – детям,
Верхние ягоды – птицам.

Гостиница. Полночь

Стих ресторан, шумевший подо мной,
Но оглашалась криками округа:
– Григорьев, гад, пойдёшь ли ты домой?
Взывала чья-то верная подруга.

Григорьев, может, ты и вправду гад? –
Откуда знать...
Но думаю всё чаще,
Что каждый третий, почитай, не рад
Семейному свалившемуся счастью.

Я понимаю прежде: недород,
Борьба за выживание, хозяйство,
И, хошь не хошь – терпи, пока придёт
Смирение, привычка, постоянство.
Ну а теперь посмотришь: Боже мой! –
Не семьи – озлобление и горе...

– Григорьев, гад, пойдёшь ли ты домой?
Я крикну в фортку: «Не ходи, Григорьев!
Дыши вольней: семь бед – один ответ,
Да сколько мы живём на этом свете!»

Один лишь довод вес имеет: «Дети...»
Тогда, конечно. Всё. Вопросов нет.

* * *

Ценилось в школе прилежание.
Когда задание получал:
«Перескажите содержание...» –
Я на пятёрку отвечал.
Прошли года. И в наказание
За ту святую простоту
Как перескажешь содержание,
Так получаешь пустоту.

И знаю я теперь заранее,
Что, все детали сохраняя,
Не перескажешь содержание
Ни сна, ни повести, ни дня.

Глухая осень. Листья ржавые.
Ты обернулась, уходя...
Пересказать бы содержание
Того осеннего дождя...

Аполлон Григорьев

Владимиру Бондаренко

Литератор, не знающий страха,
Ни в трактирах, ни даже в стихах,
Вы сидите в красивой рубашке,
С неизменной гитарой в руках.

Аполлон Алексаньч Григорьев,
Перестаньте, пожалуйста, пить!
Неужели в России так горько
И писать, и Россию любить?

Мещанин, коренной москвитянин,
Породнившийся с целой страной,
Мы по следу по вашему тянем
Ту же лямку упряжки двойной.

И с таким же напевом печальным,
С тем же бантом из шёлковых лент
Многострунным и многотрадальным
Остаётся в руках инструмент.

Аполлон Алексаньч Григорьев,
Перестаньте, пожалуйста, пить...
А и вправду, в России так горько
И писать, и Россию любить!

* * *

Я разлюбил Москву. Она – чужая:
Святую часть моей большой земли,
По камешку, по капле разрушая,
До города-мутанта низвели.

Не собираюсь мыслить чёрно-бело,
Судачить: хороши – не хороши
Все офисы, соборы-новоделы,
Все башенки, дома-карандаши –
Ужасный вкус..

Но суть – не только в этом.
Какая жизнь открытая текла!
И в воздухе, разреженном, прогретом,
Мне не хватает прежнего тепла,

Дворов уютных, смены настроений
Среди домов, построенных с душой.
Пусть Москва останется деревней,
Пусть даже олимпийской и большой.

Не доведётся в этом убедиться.
 Как вернуть во сне ли – наяву?
 По-нашему? – напиться и забыться...
 А может, по-бесстрашному влюбиться
 И рассказать тебе
 свою Москву?..

Москворецкая излука

Собирала держава полки,
 Чтобы фронт обозначить изгибом
 От Каширы у южной Оки
 И до северных речек за Клином.
 Все истоки побед – под Москвой.
 Вот и снова рябины багряны,
 И окрасился снег молодой
 В Белом Расте и в Красной Поляне.

Напряжённо звенит тетива,
 Москворецкая гнётся излука.
 Собирала дружины Москва,
 Как стрелу выпускала из лука.
 Бьют ожившие колокола,
 Польшают знамёна бурливо.
 Доставала Победы стрела
 От столицы и до Берлина.

Поднебесный зов

Первый снег полетел на Покров
 Над ещё не остывшими крышами.
 Этот звон поднебесный и зов
 Суetyащиеся – не слышали.

Но на звук обернулось дитя,
 Озабочено тайными мыслями.
 Это голуби ходят, хрустя
 Золотыми подмёрзшими листьями.

Вновь зима настигает врасплох,
 От дыхания шарфик заиндевел...
 Этот мир – непредвиденно плох,
 Но и столь же хорош непредвиденно.

На земле Преподобного Сергия

Пролетит паутина осенняя,
 Скоро – темень, Покров, холода.
 Над землёй Преподобного Сергия
 Путеводная всходит звезда.

Вслед святому глядит Одигитрия,
 А игумен уходит во мглу,
 Чтоб московского князя Димитрия
 Укрепить.
 И – возвысить Москву.

Будет Дон и мамаева конница,
 Станет князь победивший – Донским,
 И удельные княжества кончатся,
 Чтобы стать государством одним.

Оказалось, заглавное надо-то:
 Общей верой
 сердца спасены,
 Чтоб не кончилась вечная пахота
 На немереном поле страны.

Если убрано всё, что посеяно,
 То опять снизойдёт благодать.
 Над землёй Преподобного Сергия
 Будет русское солнце сиять.

На подмосковных высотах

Скирмановские высоты

Такие открылись красоты! –
 Московия сверху видна...
 Скирмановские высоты –
 Свист ветра и тишина.

А осень проходит краями
 Полей и селений вдали,
 Оставленных, взятых с боями
 Шесть раз на свинце и крови.

Не в дымке скрываются – в дыме
 Ребята, презревшие смерть,
 Оставшиеся молодыми...

Герои – не могут стареть!

Стыдно!

Нам не сносить повинной головы.
Да что же сможет привести нас в чувство! –
По тысяче – защитникам Москвы
К тому ж единовременно. Не густо.

Я думаю на берегах Оки,
Москвы-реки, какой-нибудь Маглуши:
Какие же такие сквозняки
Опустошили и убили души?

Что стало бы с жирующей Москвой,
С первейшими на свете богачами,
Когда бы не закрыл её собой
Тот, кто не спит от горечи ночами?

Всё чаще говорят фронтовики,
Что вовсе не привыкли жить задаром:
Накрыть бы эти все особняки
Одним декабрьским Жуковским ударом!

И я уверен, что они – правы:
Ни память в них, ни гордость не убиты.
Да сколько их, защитников Москвы,
С трудом дошедших к юбилею Битвы....

В подмосковной чаще

За жаркими днями и зноем,
За маревом впереди
Над западным Подмосковьем
Пошли наконец-то дожди.
И, страстью грибною ведомы,
Мы взяли свои тесы.

Болотины, буреломы –
Стареющие леса.
Никто их давно уж не чистит,
А ждёт, чтоб под корень свести.
Лишь леший какой-нибудь свистнет,
Чтоб сбить с векового пути.

Каков же он? – встречный не спросит,
Но прошлое – снова со мной.

На дальнем скрещении просек,
На старой дороге лесной,
Где сходятся Памяти тропы
О страшных боях под Москвой,
Я снова увидел окопы
И дзоты Второй мировой.

Казалось бы, в эдакой чаще –
Ни трассы, ни светлой реки,
Куда и стекаются чаще
Громоздкие особняки,
Но здесь, в глухомани, когда-то
Стоял топоров перестук,
Ходили в ночное ребята,
Девчата спешили на круг.
Теперь – только дачники...

Душно.
Меж елей – просвет голубой,
Но помнит корнями опушка
Значения местного бой.
Казалось, чего б это ради
Загинуть в лесу
молодым?

Здесь клятва понятней: ни пяди
Родимой земли – не сдадим!

В Ново-Иерусалимском монастыре

Как мощно предки возводили стены!
На церкви Константина и Елены,
Что в Истринском стоит монастыре,
Остался след снаряда на стене.

Не вмятина, а рваная щербина.
Несокрушима русская твердыня.
Дотронешься – и чувствует рука,
Что ей ни враг не страшен, ни века.

Берёзы на крови

Спал с рюкзаком в изголовье,
Шёл и не верил глазам:
Сколько берёз в Подмосковьи
По боевым рубежам!
Здесь, где во имя столицы
В первую осень войны
Было приказано биться
Насмерть солдатам страны.
И на великом погосте
Многострадальной земли
Их побелевшие кости
Берёзами проросли.
Солнце скрывается в тучах
И пробивается вновь.
Ветви берёзок плакучих
Горько шумят про любовь.

Многие парни не знали
Даже о первой любви.
Встали под красное знамя...

Сколько берёз на крови!

Про народ

Нет никакого спасения
От подступивших невзгод.
Власти нашли объяснение:
Просто народ – не тот!

На индивиды не делится,
Щуку Емелину ждёт,
На государство надеется
И за компанию пьёт.

То ему свойственна мнительность,
То поддаётся мечтам.
Даже производительность
Хуже гораздо, чем «там».

Что ни прикажешь оболтусам –
Всё обращается в смех.
Видимо, судя по бонусам,
Пащут банкиры за всех.

Менеджеры, правительство –
Вот кто герои труда.
Экое небожительность!
Вдумайтесь, господа:

Вы ещё с кризисом свяжетесь,
НАТО стоит у ворот.
Где же вы завтра окажетесь,
Если народ – не тот?

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда», дипломант конкурса московской городской организации Союза писателей России «Лучшая книга 2008–2011» за сборник «Песни старого шарманщика». Живёт в Москве.

Во всех мирах живёт моя родня...

Погасли звёзды-фонари,
и там, где чуть светлее высь,
наносит акварель зари
рассвета солнечная кисть.

А тёмно-синий грунт небес
стекает, тая, за угор,
и оживает спящий лес
под петушиный переспор.

Туман восходит от земли –
поплутовал – и был таков,
а в розовеющей дали
плывут пастилки облаков.

Вселяя радостный кураж
в людские сонные сердца,
рисует утренний пейзаж
рука Небесного Творца.

Как видно, и Творец влюблён
и в эти росы на траве,
и в этот птичий перезвон
в размытой солнцем синеве.

*Герману Арутюнову,
мыслителю и поэту*

Ночная тьма раскинула свой плед,
и звёзды мелким бисером повисли.
Какой пустяк – десяток тысяч лет
и километров – для полёта мысли.

Люблю с Луны за небом наблюдать.
Глазеть на марсианские закаты.
До фараонов мне рукой подать,
и два шага до ложа Клеопатры.

Во всех мирах живёт моя родня:
Архангелы, волхвы, и злые дэвы.
Запретный плод заманчив для меня,
и сам я – плод грехопаденья Евы.

Чем дальше провожаю птиц на юг,
чем ближе мой ночлег в землянке тленной,
тем глубже я себя осознаю
частицей многополюсной Вселенной.

Не видя глаз ареопага,
который рядом, но незрим,
не отделяя зла от блага,
не разумею, что творим.

По зову плоти счастья ищем,
но, чем дряхлей телесный щит,
тем громче вещей голос слышнее
сквозь дебри разума звучит.

А мы, не напрягая слуха,
листаем дни в земной пыли, –
личинки зреющего духа
в утробе Матушки-Земли.

И по проторенным бороздам,
в края, где нет морей и суши,
через колючки терний – к звёздам
взлетаем бабочками душ.

Когда кого-то рядом подсекает
слепой удар невидимой косы,
любой из нас внезапно постигает
насколько коротки его часы.

Когда печаль над головой витает:
«очередным, возможно, буду я!» –
негаданную сладость обретает
прившаяся горечь бытия.

И тает покаянными строками
грехами переполненная кладь.
И смолоду разбросанные камни
мы спешно начинаем собирать.

Умножая беды и невзгоды,
земли пашен обращая в сушь,
в перестройке матушки-природы
мы дошли до перекройки душ.

И не можем выполоть никак
в гуще насаждаемых иллюзий –
розово-оранжевый сорняк
экспорта ползучих революций.

Сколько Бога за страну ни молим,
как ни охраняем, – всё равно
сеют на исконно русском поле
чьё-то чужеродное зерно.

Пришли в наш дом повальные грехи,
разброд идей, духовная разруха;
и в старые российские мехи
вливается вино чужого духа.

Пришла пора сановных обезьян
и ренегатов, возведённых «в князи»,
и не осталось в списках россиян
имён героев, избежавших грязи.

Ушли в отстой: закаты, соловьи –
мы привыкаем жить «по-забугровски»,
и бриллианты слёз бывлой любви
сменила мишура камней Swarovski.

Не хожу я по праздникам в гости,
весь досуг отдавая перу.
Стало больше друзей на погосте,
но всё меньше – на званом пиру.

На останках бывшего покоясь
за витриной роскошных кулис, –
окружает меня мегаполис
озабоченной хмуростью лиц.

Цепью памяти скован я с прошлым,
но считается нынче худым
то, что виделось раньше хорошим
сквозь доверчивой юности дым.

Настоящее – горше и горше,
а грядущая доля – во мгле.
С каждым годом себя я всё больше
ощущаю чужим на Земле.

Зачем живёт комок земного праха,
когда пороки в нём сильнее страха,
когда не избежать земного тлена
рабам страстей адамова колена?!

Ужель спасут от гибельных стихий
Небесные Посланники – стихи,
и засияют новые рассветы
за таинством крещения в поэты?

Но вряд ли, в час расплаты по заслугам,
мне суждено пройти Небесным Лугом.
И рвутся из души моей остылой
всего два слова: «Господи, помилуй!»

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 55-летию со дня рождения
Ю.Н. Колодного

Когда поёт душа

Общеизвестно, что каждый поэт интересен читателю своеобразием и неповторимостью своего художественного мира. В истинно поэтическом творчестве по своему выражено отношение к родной земле, природе, окружающему миру. Но только тогда, когда произведение волнует читателя, находит отклик в его мыслях, заставляет сопереживать – можно говорить о подлинном таланте художника. Таким талантом, несомненно, обладает Юрий Николаевич Колодный.

Отечество – Россия, малая Родина – Кубань, казачество, родная природа, любовь в самом широком смысле, верная мужская дружба – вот чем живёт и дышит поэзия Юрия Колодного.

Казак по происхождению, родившийся в кубанской станице, верен в своём творчестве традициям казачества. Главные из них, по определению поэта, – Слава, Доблесть и Честь:

*Казаку без чести,
Как без правды бой.*

Меткое сравнение раскрывается глубже и полнее, когда автор преломляет его в стихотворении «Честь имею» сквозь призму собственной жизненной позиции:

*Честь имею, друзья, честь имею.
Жить во лжи без мечты не сумею.
...Промолчать и предать не посмею.*

Для Юрия Колодного, как и для всего казачества, важнейшие нравственные ценности жизни: Православная вера, Совесть, Доброта, Святое братство.

Размышляя о жизни и о себе, поэт утверждает как высшее духовное достоинство человека – Совесть:

*Пусть лоцманом будет
Нам Совесть всегда.*

Поэт замечает: «Каждый в жизни сдаёт ежечасно, ежеминутно, ежесекундно свой индивидуальный "экзаме́н совести". Идёт своей, только ему присущей дорогой».

Веление совести и сердца побуждает Юрия Колодного неустанно звать своих читателей вершить добро, помогать ближнему:

Валентина
БАЛУАШВИЛИ

Валентина Иосифовна Балуашвили – профессор, доктор филологических наук, журналист, учёный, литературовед. Сорок три года проработала в Тбилисском государственном педагогическом институте. Имеет более 100 печатных трудов. Заслуженный работник народного образования Грузинской ССР. Восемь лет была деканом факультета русского языка и литературы, заведовала кафедрой истории русской литературы.

Живёт в Пушкино Московской области.

*Живём в стране, где нет покоя.
Невольно ищем свой предел.
Одно прошу я, ради Бога,
Пусть больше будет добрых дел.*

Призыв к добру звучит и в строфе другого стихотворения: «Сила не в порохе, // в капле дождя. // Отдай всё, что дорого, // к людям идя».

Стремление казаков к Добру, Справедливости, их духовность проявляются и в крепости Святого братства. Казаки познали его цену и прочность ещё в героическом прошлом, в кровавых битвах, в лишениях, доставшихся на их долю.

Юрий Колодный передаёт силу и надёжность казачьего братства, проверенного и закалённого огнём и смертью, в волнующих строках ряда стихотворений:

*Так было века
И в бою, и в труде,
Казак казака
Не бросит в беде,
Не бросит в дороге
На милость судьбе.*

Мотив гибели в бою неразрывно связан у поэта с мотивом бессмертия. Человек, отдавший жизнь за Родину, своей смертью звал к отмщению и, множа ратные подвиги, сам оставался в памяти казачества. Таков, например, подтекст стихотворения «Черноморцы», заключительная строка которого вновь утверждает: «...В ридном братстве суть».

К теме казачества, своей малой Родины – Кубани Юрий Колодный возвращается не раз. Он всем сердцем любит край, в котором родился и рос, свою станицу Калининскую. Поэт сам признаётся в этом:

*Кубанские узоры –
Любимая земля.
Широкие просторы,
И в них душа моя.*

Для Кубани он находит в стихотворениях самые поэтические определения: «Земной Рай», «Тополиная страна», «Казачья повесть былой старины» и др.

Кубань для него – «Светлый», «Отчий дом», о котором он постоянно думает, мечтая вновь побывать в нём. Поэтому так выразительны и проникновенны строки стихотворения «Светлый дом»:

*Мой Отчий край, краса и сила!
Богат и славен ты трудом!
Люблю тебя, где всё мне мило,
Люблю Кубанский светлый дом!*

*Рассветы ранние, закаты,
И тихий шелест тополей,
И вишни белые у хаты,
И ширь, простор родных полей.*

Сюда, в этот благословенный край влекут поэта и воспоминания детства. Об этом у него в одном из лучших произведений его лирики «Сиреневый сад». Куст сирени, который расцвёл в станице у родного крыльца, ассоциируется со счастливым детством. Удачно найденные перифраз (сирень – счастье расписное), метафора-олицетворение помогают автору ярче и глубже выразить радость встречи с прошлым: «Я к тебе всю жизнь иду // счастье расписное», «...Детство в дымке золотой // с юностью играет».

Природа Кубани, русская природа органически вплетаются в художественную ткань многих стихотворений Юрия Колодного. Порой, его поэтический мир естественно и непреднамеренно сливается с красотой окружающего:

*Улыбнулось мне солнце в окошко.
Луч рассветный рисует зарю.
Собирает на небе в лукошко
Звёзды месяца в небесном бору.*

В некоторых стихотворениях природа оказывается главным персонажем, отображающим внутреннее состояние души человека, его помыслы и переживания. О многом, например, могут рассказать читателю Берёза, которую годы «Преклонили над землёю, // но не поломали», *Осенние листья*, оторвавшиеся от родного дерева, но так и не нашедшие нигде добра, – потому-то и разрывают их в полёте «мысли прожитого дня». Или *Белая роза*, своим снежным цветом отражающая холод и стужу несостоявшейся любви, которая «Отзвучала, не согрела // белой розой отцвела».

Юрий Колодный, бесконечно любящий природу (это ощущение не покидает при чтении его стихотворений), относится к ней как к живому, близкому ему существу. Поэтому олицетворение – его излюбленный поэтический приём: «Скучает без рыцаря Дама – // Берёза над тихой рекой», или: «Рассыпает звёзды вечер // по лугам и по реке» и т. д.

Любовь к родной природе для Юрия Колодного это и любовь ко всей русской земле. Человек, природа, Русь предстают в его поэзии в реальном единстве. Россия для него – и жизнь, и судьба. Об этом пишет он сам:

*Ничего не прошу,
В облаках не летаю.
Я Россией дышу,
В ней живу и страдаю.*

По убеждению Юрия Колодного, поэт, по сути, «пишет в своей жизни одну единственную книгу, отражая различные грани собственной судьбы, вплетаясь нитями души и сердца в судьбу своей Родины». Для Юрия Колодного книга эта – Россия. Поэт вновь и вновь возвращается к ней, не уставая повторять:

*Проплывают века –
Облака белизной!
И живу я, пока
Ты, Россия, со мной.*

Именно любовь к России, преданность её святыням и традициям побуждают автора остро чувствовать свою ответственность за её настоящее и будущее: «Мы за тебя душой, страна, // пред Богом, совестью в ответе». Поэтому-то поэт и не приемлет невежество, корысть, цинизм, пошлость.

До драматизма, до трагедийности доходят порой строки стихотворений «Танцы, танцы на костях», «Подводная лодка», «Крестьянство» и др. В этих стихотворениях, как и во всём творчестве Юрия Колодного, отражено всё то, что поэт ощутил, выстрадал, пережил. Его возмущает танцплощадка, устроенная на месте кладбища, где хоронили казаков – героев Первой мировой войны:

*Танцы, танцы на костях
Русского народа...*

Поэт негодует, видя разруху деревень и нищету крестьян, в прежние времена кормивших страну:

*Перестроили, сожгли,
Замесили хамство...
Как обычно впереди
Нищее крестьянство.*

Сила, выразительность и лаконизм этих строк усиливают их эмоциональное воздействие на читателя.

Поэт остро переживает и разрушение вековой культуры русского народа, разбивающее человеческие души об «айсберг судьбы». Побывав в различных городах

России, поэт убедился, как пишет он сам в автобиографии, что «...продолжается планомерное, целенаправленное разрушение душ молодых людей». Так рождаются строки:

*Россия-Мать, прости...
Мы песню не допели.
Святыни сберегли,
Но души не согрели...*

В стихотворении «Очнись, одумайся страна» поэт, переживая за Родину, за не бережённые души, приходит к неутешительному выводу: «Ты, словно скифская гора // Лежишь могильно у порога».

Однако, при всём том, пессимизма у поэта нет. Он верит в возрождение духовной культуры народа и в этом видит его спасение. Равно, как и в мудрости, правде, вере, любви, доброте, которые составляют суть жизни и не могут не восторжествовать: «Я верю в мудрость, // верю в доброту», «Счастью – "Да", а горю – "Нет"...».

Убеждённый в победе светлого начала над злом и всем негативным, Юрий Колодный утверждает: «Не поставят на колени // Россию тёмные миры». И ещё:

*Не померкнет Честь и Слава –
Русь душою высока.*

Не померкнет, будет жить в веках и русская литература, русская поэзия, поэзия Пушкина и Лермонтова, Есенина и Пастернака, Ахматовой и Рубцова. Их Юрий Колодный преданно любит и считает своими наставниками. У них он учится отображать духовный мир человека в совокупности с национальной историей, проблемами, волнующими народ, его героическим прошлым, оставаясь при этом всегда на уровне современности. «Если не жить современностью – нельзя писать» – утверждал Александр Блок.

В своей поэзии Юрий Колодный придерживается активной гражданской позиции, решительно отвергая, как уже отмечалось, всё негативное в окружающей действительности, и призывая к Добру и Справедливости. Поэтому-то лейтмотивом в его стихотворениях, посвящённых поэтам-классикам, проходит мысль о том, что они творили «По велению сердца, волей доброты».

Задумав стихотворения, посвящённые певцу Руси – Есенину. Поездка в Константиново дала ему возможность самому ощутить вдохновенную красоту родины поэта:

*Край берёз, любви и боли,
Той, Есенинской, мечты,
Безотрадной грустной доли
И великой доброты!*

О том, как близок и дорог поэту Есенин, можно судить и по тому, что Юрий Колодный посвящает ему всё новые и новые стихотворения, такие же мелодичные и музыкальные.

Поэтическая музыкальность, напевность отличают и многие другие стихотворения Юрия Колодного: в них словно поёт душа автора. Сам он ставит музыкальность во главу угла поэтического дарования – «В стихах должна присутствовать музыка», «стихи живут музыкой». Невольно вспоминается требование, высказанное ещё Верленом: «Музыки, музыки, прежде всего!»

Любимые композиторы соседствуют в сборниках Юрия Колодного с любимыми поэтами. «Звучал орган на переулочке // На перекрёстке всех дорог» – так начинается стихотворение «Двенадцать хоралов И.С. Баха», «Утончённые мысли печали» – это о романах Вергинского.

В романах самого Юрия Колодного слышатся мелодии любви, ожидания встреч, прощания – «звучанье музыки печальной».

Поэту, конечно, дорога и народная музыка, русские композиторы и исполнители. Им посвящены такие стихотворения, как «Пой душа, играй тальянка», «Не тревожьте

баяниста» и др. Задором и удалью наполнены строки стихотворения «Русская гармонь», в котором поэт находит очень удачный перифраз – гармонь – «русская крестьянка»:

*Ты играй, гармонь, играй,
Развернись, тальянка!
Всю Россию собирай,
Милая крестьянка!*

Музыкальности стихотворений Юрий Колодный достигает многими поэтическими приёмами: он разнообразит ритм стихотворений (а ритм, как известно, сердце поэзии), размеры силлабо-тонической системы, способы рифмовки, использует цезуру (паузу в середине стихотворной строки), переносы, подчёркивая тем самым нужные слова и придавая им особую выразительность. А выразительное слово – это и музыка, и ритм, и весомость его значения: «Слово – Бог, в нём живёт бесконечность» – метко сформулировал мысль Юрий Колодный.

Благодаря мелодичности, песенному ритму, стихотворения Юрия Колодного легко запоминаются и перекладываются композиторами на музыку.

Ряд песен поэта вошёл в репертуар Государственного академического Кубанского казачьего хора, которым свыше тридцати восьми лет руководит народный артист России и Украины, композитор Виктор Гаврилович Захарченко, сыгравший важную роль в становлении поэтического дарования Юрия Колодного. О Кубанском казачьем хоре автор проникновенно пишет:

*Когда поёт Кубанский хор,
Невольно сердце замирает,
Душа России оживает,
Когда поёт Кубанский хор.*

Поэт посвящает стихотворения и В.Г. Захарченко, и Ю.И. Афанасьеву, и другим музыкальным деятелям, с которыми его связали судьба и Кубань.

Возвращаясь к ранее сказанному, хочется отметить, что в стихотворениях Юрия Колодного, посвящённых России, родной Кубани, казачеству, природе, содержатся философские раздумья, раскрываются чувства и настроения, свойственные каждому человеку, любящему Родину и народ, и потому интересные ему и волнующие его. Вот почему и следовало бы привлечь внимание к автору возможно большего числа читателей.

С годами поэтическое мастерство Юрия Колодного, естественно, растёт. В новых стихотворениях глубже философское осмысление явлений, шире кругозор, разнообразнее тематика, обновляются средства художественной выразительности – тропы, поэтические фигуры. При этом сохраняется главное: искренность, душевная открытость, многообразие лирических интонаций, передающих оттенки чувств и настроения автора.

Цель творчества Юрия Колодного видит в том, чтобы очищать души людей, делать их лучше, добрее, благороднее. Осуществлению этой высокой цели и посвящены произведения поэта-казака, патриота и гуманиста Юрия Колодного.

ПАМЯТЬ

Берды КЕРБАБАЕВ

Берды Мурадович Кербабаев (1894-1974) – основоположник советской туркменской литературы, общественный деятель. Творчество Кербабаева – многожанрово. Он был не только ярким беллетристом, поэтом, драматургом, киносценаристом, но и публицистом. Его статьи регулярно публиковались как в республиканской, так и центральной прессе. Родился 3 (15) марта 1894 года в ауле Коуки-Зерен Закаспийской области. Обучался в медресе Каахка и Горджова, в Бухарской духовной семинарии. После Октябрьской революции сначала принудительно попал в один из басмаческих отрядов, затем в мае 1919 года перешёл на сторону Красной Армии. В эти же годы он начинает заниматься литературной деятельностью – с 1923 года печатается как поэт-сатирик. Лауреат государственных наград. Произведения Кербабаева переводились на все языки народов СССР.

Время весны

Пусть цветут

Только цветом розовым оденется
Сеть ветвей на персиковом деревце,
Будто слышу, как у изголовья,
Открывая маленькие рты,
Спрашивают: «Как твоё здоровье?» –
Под окошком красные цветы.

Будто обещают: «Осень снова
С добрыми плодами встретишь ты!»
Ах, цветы! Вы – как узор ковровый
Или вязь душевной красоты.

Чем помочь вам? «Нам твоя забота
И любовь ответная нужна,
Как и у тебя, у нас работа –
Трудный рост с рассвета до темна!».

Ах, цветы, как дети, вы красивы!
Лепет ваш умея понимать,
Рад я поделиться с вами силой –
Любящему сил не занимать!

Пусть сады цветут в моей Туркмении,
Пусть плечом к плечу друзья встают,
Пусть в делах прибавится умения,
Пусть уважен будет всякий труд!

1955

Перевод Юрия Гордиенко

Время весны

Из четырёх времён есть лучшее в году.
И это ты, весна! С тобой и мы – крылаты!
Не знаю, что со мной. Лиющийся иду...
И птахи и цветы теплу со мною рады.

По правде говоря, не каждый день весны
Весенним днём назвать порой имеем право.
Но если день хорош, то нет ему цены –
По капелькам его мы пить готовы, право!

Весна, но нет дождей... Уж это – не весна!
Но если у дождей идёт работа, спорясь, –
Что лето, что зима, что осень! – всех она,
Поливами щедрa, тогда заткнёт за пояс.

Я нынешней весне рад ото всей души:
Тюльпаны расцвели, степь отливает красным...
Как дали широки! Как травы хороши!
В них глаз не перечтёт цветов и злаков разных.

Степь изменяет цвет: зелёный, золотой...
Тоскует соловей залиvisto и тонко.
Качает ветерок добротный травостой,
И каждый лепесток, и каждую метёлку.

Душа поёт, хотя душа – не соловей,
Исчезли грусть и лень – пустой зимы наследье.
И снова мыслю я и чувствую живею,
Сливаются в одно – весна и долголетье!

Весна, пребудь весной! Гости не день, не два...
Поля и города одень своею сенью,
Чтоб о моей земле всесветная молва
Сказала: это край цветущий и весенний!

1965

Перевод Юрия Гордиенко

* * *

Седина бороды – причина моей печали
Кемине.

Не замечаю седину.
Как в двадцать пятую весну,
В семидесятую свою
Всё удивляюсь бытию.

Ах, семьдесят ли, двадцать пять –
Моих желаний не унять!
Их у меня невпроворот, –
Как юноша, гляжу вперёд.

Нет, мне не тяжёк груз годов,
Да я хоть вечность жить готов!
И кровь моя полна огня,
И цель большая у меня.

Меня сжигает страсть труда,
Усталым не был никогда.
Хмельную чашу жизни пью,
От молодых не отстаю.

Люблю я нашу жизнь-весну,
Во всем ценю я новизну,
И даже ткущийся ковёр
Мне сердце радует и взор.

А сердце, как часы, стучит,
Не отстаёт, а жить спешит
И обещает неспроста,
Что проживу побольше ста...

Я гордо жил, не гнул колен,
Мне, повторяю, жить не лень,
Могу железо я согнуть,
Себе железный выбрал путь!

Бумагу украшай, твори,
Пиши! В твоих руках – дары!
Опора жизни – их тори! –
Стихотворения твои.

1965

Перевод Владимира Корнилова

Фото и стихотворения из семейного
архива З.А. Кербабаевой (Москва)

ПОЭЗИЯ

Сергей БУДАРИН

Сергей Сергеевич Бударин – родился в 1990 г. в г. Новокуйбышевске Самарской области. В настоящее время учится в Самарском государственном техническом университете, по будущей профессии – информатик-экономист. Стихи Сергея Бударина востребованы многими региональными и федеральными журналами и альманахами. Участник Первого Международного семинара-совещания молодых писателей в Переделкино (октябрь 2011 г.). Лауреат Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли-2011». Победитель Всероссийского литературного конкурса «имени Льва Ивановича Ошанина». Лауреат III Славянского Форума искусств «Золотой Витязь» в номинации «Большая поэзия» (2012 г.). Член Союза писателей России.

Живёт в Новокуйбышевске.

Ворох сияющих снов...

С грустных осенних дорог
Лютых ветров помело
Прямо к избе на порог
Пламя листвы намело.

Пасмурных дней жернова
Вязнут в бору золотом.
Лунных лучей рукава
Мокнут в пруду под окном.

Запах гвоздики тягуч.
Спит у скамьи лебеда.
В бочках сверкающих туч
Плещет о донья вода.

Цаплей повисло гнездо,
Злой пустотою гудя.
Сквозь облаков решето
Сеются зёрна дождя.

Лей, дождевая вода!
Пейте, поля и луга!
Взвейся над гладью пруда
Радуги звонкой дуга!

Ты не болей о былом,
Буйна моя голова.
В жизни над всяким двором
Грома висит булава.

Подхожу я знакомой тропюю
К свету синих цветов луговых.
Вдалеке из лесов вековых
Мне берёзонька машет рукою.

И струится из озера хлеба
Вниз по склону овсяная медь.
И рассвет, словно бурый медведь,
Медовуху лакает из неба.

Заалели зарёю залесья.
Засияли вдали облака.
И светла мне о прошлом тоска,
Как льняных колокольчиков песня.

Потому-то, в тоске утопая,
Я пришёл под сиянье лугов
Расплескать синеву лепестков,
В буйство вешних цветов наступаю.

Где близки под напевами ветра
Сердцу быстрые волны овса.
И сочится мне счастьем в глаза
Зорька нежною аlostью света.

Порывистый ветер огня
Летит от степного костра
К реке, где у чёрного пня
Тревожно гудит мошкара.

Звезды разгоревшейся звон
Швыряет зловещий огонь
Листвы от берёзовых крон
На горестной речки ладонь.

О, ветры сторон четырёх,
Гудите осенней тоской!..
Татарник и чертополох
Мне не обещают покой.

Пусть ворох сияющих снов,
Что чудился в жизни былой,
Звенит под гуденье ветров
В горенье листвы огневой.

Под вспыхивый месяца свет
Златая звезда отзвенит.
И тихий осенний рассвет
Глаза синевой напоит.

Я уйду в ночные степи
Под гуденье звёзд златых,
Ощущая дивный трепет
Босоногих дней былых.

Там, в степях, гуляет осень,
Золотит заря стога.
И в звенящих кронах сосен
Проплывают облака.

И сегодня помню ясно,
Как бежал мальчишкой в бор,
Чтоб сквозь облачные прясла
Привести рассвет в наш двор.

Я бежал в родные степи
Под гуденье звёзд златых.
Да сдувало ветром кепи
У меня с волос ржанных.

Там, в степях, гуляла осень,
Золотя зарей стога.
А в лучистых кронах сосен
Проплывали облака.

Я уйду в ночные степи
Босоногих детских лет.
И, забросив в небо кепи,
Встречу юности рассвет.

Сердце моё молодое
Нежный туманит закат.
Дремлют полынь с лебедою
Возле дороженьки в сад.

Звёзды, как жемчуг зернистый
В небе над тихим прудом.
Сел соловей серебристый
На покосившийся дом.

Ивы выводят в тумане
Возле пруда хоровод...
Тонет в предутренней рани
Жемчуг небесных высот.

Сердце моё молодое,
В эту ночную теплынь
Про дорогое былое
Шепчет украдкой полынью.

Мчится над огненной бездной
Зорька в багряных шелках.
Жемчуг сверкает небесный
В рыжих её волосах.

Прямо к пруду дорогому –
Звёздной дороженькой в сад.
Прямо к тебе, молодому,
Под соловьиный раскат.

Лунный кувшин на рассвете
Млечность тумана разлил.
На огневом бересклете
Пламя цветов погасил.

Руку мне ветер игривый
Влажным лизнул языком.
Я по осоке сонливой
К речке бегу босиком.

Мчится за мной неустанно
Ветер, как пёс озорной...
Я никогда не расстанусь
С милой степной стороной.

Что ж ты расплакалась, ива,
Голову низко склоня?...
Говором нежным прилива
Речка встречает меня.

Млечным туманом вскормлённый
На заливном берегу,
В край свой приволжский влюблённый,
Рухну в траву на бегу.

Не забыть под звон капли
Мне свой ветхий дом родной,
Где играет на свирели
На крыльце апрель шальной.

Где на днях под звёздной кущей
Залепечет милый плёс.
Наливаясь соком в пуще,
Зазвенят стволы берёз.

То ли звёзды шепчут в уши,
То ли вижу в снах чудных,
Что мальцом босым по лужам
Я бреду в краях родных.

И, вскормлённый слёзным соком,
Я иду тропой сырой,
Где стоит в лесу высоком
Неизбывный дом родной.

Колесом вселенским солнца
Золотой раскручен день.
А у милого оконца
Золотых лучей плетень.

Чтоб я был всегда везучий,
Чтоб мне жизнь была светла,
Нить из пламя грозной тучи
Для рубахи мать спряла.

Возмужал в рубахе красной,
С волосами цвета медь...
И пошёл тропой ненастной
По Руси в свирель дудеть.

Полночь сыра и душиста.
Кони стоят у плетня.
Хрипит гармонь гармониста.
Тлеет костёр без огня.

Сосны глухими рядами
Стонут на диком юру.
Хвойными держат руками
Месяц в гудящем бору.

С грустью кукует кукушка,
Сидя на ветке сухой.
И покосилась избушка
Под невесёлой ольхой.

О, ты, сосна дорогая,
Полночь и месяц седой!..
Пусть меня тройка гнедая
К жизни несёт молодой.

Пусть распоётся гармошка,
Пляшет огонь над костром.
И загрузит у окошка
Мать обо мне, дорогом.

Будет гадалкой кукушка
Врать мне о жизни иной.
Каждая рядом избушка
Будет казаться родной.

Зреют в заоблачной ниве
Звёздные зёрна зари...
Звон в колокольном разливе
Льют по земле звонари.

Звёздную высью рябою
Зёрна зари расцветут.
В роще пред сонной избой
Тихо старухи поют

Песню о жизни неспешной
В светлой своей стороне...
Скачет в долине безбрежной
Всадник на белом коне.

Колос в заоблачной ниве
Лунным срезает серпом.
Кормится в радужной жниве
Конь его звёздным овсом.

Песню о жизни неспешной
Тихо старухи поют.
Звон колокольный утешный
В сердце своём берегут.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Илья ВЕВЬОРКО

«Кто может стать хозяином земли?»

(поэтические этюды И.П. Давыдова)*

Жизнь проходит в несколько этапов, ничто не об-
ращается вспять, но всегда остаётся то важное, без чего
мы были бы другими существами, – память. Избранные
для печати стихи Ивана Павловича Давыдова, универ-
ситетского лектора и философа, – это его взгляды на себя
самого, десятилетней и двадцатилетней давности. В них
мальчишеское воображение постепенно уступает опы-
ту, так и складывается взрослый человек, но затем уже
во взрослости он вспоминает правду воображения, ко-
торая некогда помрачилась и была утрачена.

Меняется качество души, которой овладевает рас-
судок, скудеет язык бытия, становясь виртуознее в
передаче язвительных сомнений, и наконец прошлое
предстает в его истинном свете – как то, что, будучи не-
возвратимым, указывает на родной дом, истинные очер-
тания которого не могли быть разгаданы вначале за об-
лаками юношеской мечты.

Таковы общие впечатления от этого маленького
сборника, охватывающего чрезвычайно важное для
нашей страны десятилетие великой, ещё не завершив-
шейся Смуты.

На обложке – мир, окрашенный в цвета восхода;
красные и жёлтые скалы; спрятанный в скале меч; две
светлые смиренные фигуры, идущие к источнику за
водой. Это собственный рисунок автора, единственный
во всей книге, который дан в цвете. Мысль Ивана Да-
выдова изначально художественна, и кажется, что его
любовь к иконописи, проявившаяся в позднейшие годы
как профессиональный интерес религиоведа-система-
тизатора, изначально возникает как любовь к цвету. Во
многих стихотворениях господствуют цвета, в основном
это тёплая и светлая части спектра: белый, золотой,
красный, алый, фиолетовый, синий, кармин, лазурь,
малахит.

Но если присмотреться повнимательнее, то это не
просто чувственно воспринимаемый цвет. И в конеч-
ном итоге – даже вовсе не цвет, потому что речь может
идти о храме, погруженном в полутьму, когда цветов не

Илья Сергеевич Ве-
вюрко – родился 13 июля
1982 г. В 2004 г. окончил
философский факультет
МГУ им. М.В. Ломоносо-
ва, в 2007 г. защитил кан-
дидатскую диссертацию
на тему «Апостол Павел:
начала христианской ан-
тропологии». Работает
на кафедре Философии ре-
лигии и религиоведения с
2010 г. в должности стар-
шего преподавателя.
Живёт в Москве.

* Иван Давыдов. Из старого этюдника. Стихи 1990–2000 гг. М., 2012.

разобрать. Но раскрашенной тогда становится память, а мысль осязательно, «по памяти» перебирая как чётки цвета, ищет выхода к иерархии света как такового:

*А на стенах – чуть различимы
По памяти – в своей красе
Блестят венцами херувимы,
Купаясь в Божией росе.*

*Но если вверх взглянуть, то видно,
Что тот же луч, взметнувшись ввысь,
Трепещет в крыльях серафимов,
Что к самому Христу взвились.*

(1992)

И ещё – уход в бесконечность сквозь однотонный цвет, утверждение – через дважды повторённое отрицание:

*В куполе необозримом
Недоступной синевы –
Пантократор, серафимы...
А внизу столпились мы...*

Это максимальное выражение чистоты юношеского восприятия, подкупающее наивностью, безыскусностью, неотделанностью стиха. Перед временем и опытом оно так же отступает, как чистый декабрьский снег перед внезапно начавшейся оттепелью.

Есть жестокий опыт разочарований, а есть – прямого столкновения с громадой мира, за которой не видно Бога. И с мертвящим холодом равнодушия в других и в себе. Стихотворения конца 1990-х более отточены стилистически, зорки, самоуглублённы, рефлексивны, а значит – и содержательно более бедны. В них меньше вещей. Переводы из Новалиса 1997 г., которыми завершается книга, мрачно-романтичны. Появляется слово «миф» – то, чем никогда не называют свою веру. Здесь уже чувствуется рука учёного, испытателя.

*Человек ошибается дважды:
Первый раз – веря в сомкнутость век,
А второй раз – надеясь, что каждый
Миг стремительно сложится в век...*

(1998)

Век противостоит веку – век мёртвый веку живому, и ни один из них не может перетянуть. Накапливаются мгновения, которые не сложены один к одному, не собраны в картину, сингулярны, а значит абсурдны, и живопись отступает перед анализом. Классическое движение, описываемое самой жизнью: тезис и антитезис. Переход совершается через переоценку.

*Из напряжений, грёз, душевной немоты,
Ненужных жертв, лукавств телодвижений
Кристаллизуется пра-образ пустоты,
Язвящий злее, глубже искушений.*

*Какою мукой вдруг окажется – сидеть
И ждать – уставясь чутким слухом
Во тьму неставшего, откуда слово «смерть»
Грозит, шуриша змеиным брюхом...*

(2000)

Всякое нисхождение должно дойти до конца, хотя всякий конец нисхождения относителен. Каждый пишет, рисует, поёт или играет «повесть собственных лет, бед и дум», которая завершается познанием самого себя во всей возможной определённости. На этом пути встают иные цвета, оторачивающие холод вселенной, повернутой к возмужавшему человеку своей большей, враждебной гранью – бездной.

*Зелёный хлад. Мертвяца отчуждённость.
Фигуры у окна размыты и темны.
Опять голодной пробудилась совесть.
И – в спину – ядовитый свет Луны.*

(1995)

Это об Иуде, состояние души которого есть последний предел отчаянья и служит архетипом нижней границы движения души в пределах времени.

А образом голодной совести, похоже, обернулся постоянно возникающий в стихах Давыдова мотив таинственного, ужасающего и по-своему благородного зверя – волка. Едва ли не единственное животное, которое появляется в его стихах регулярно – волк. Но вначале волков пасёт Никола-Чудотворец: в стихотворении 1991 года «Никола – волчий пастырь» в хорошей скупой манере описано народное поверье о декабрьском празднике святого Николая, епископа Мир Ликийских, происходящее, видимо, из Малой Азии («ликос» по-гречески значит «волк»). Обычно святые пасут мирных животных, а Николай в свой день пасёт волков, и канун праздника – ночь, когда они полуют свои законные права, оттесняя человека из пределов природы. Но в том стихотворении это не наступление зла – гармония человека и мира. Падший, человек должен уступить волку часть своей территории. Так справедливо.

Подобно волку же завывает орган, играющий музыку Баха, и в его строгом звучании автор чувствует музыку Бога (стихотворение «В предчувствии музыки»).

*Из чащи труб
Вдруг появлялись звуки,
Как зимней ночью на опушку волки
Выходят для своих ночных забот...*

(1992)

Может ли волчий вой быть голосом Бога? Может, когда вся вселенная наполнена отзвуками одного этого последнего. Любой звук, природный, органический, красивый, указывает в ту сторону, так же, как и цвет, не будучи тем, на что он указывает, и одновременно будучи этим в качестве символа. Мир иконичен. Вой тосклив, потому что человек тоскует по Богу. Тоска – как и ночь – не беспросветна.

*Должна быть некая
насторожённость слуха
К той стороне,
откуда Бог молчит.*

(1994)

Путь к опыту пролегает через снег, ночь, дорогу и бездорожье, бессонницу, холод, но и всегда – действие. Через бездействие нет пути. Автор стихов имеет прикосновенность к деятельной жизни – как мирянина, так и послушника, монастырского паломника.

Накопление опыта заставляет поэзию перейти от умозрительной мечтательности первых лет – яркой, красочной, чистой, иногда неумелой – к напряжённому вниманию себе. Так начинается уход красок в одноцветность: чёрное, белое.

*В келии один. Не спится.
Темень. Скит. Пурга и пост.
Кающуюся блудницею
Плачь, душа, под хохот звёзд.*

*Жду, когда же белой чащей
Чрез снежинок колоброд
С колокола губ слетящий
Гул к молитве призовет.*

(1993)

И ещё:

*Глянь-ка: уже закрылись
Тусклого вечера вежды.
Глянь, как в природе быстро
Всё отошло ко сну.*

*Вот почему надели
Мы чёрные наши одежды.
Вот почему ушли мы
Этой зимой в весну...*

(1993)

В самом таком уходе кроется предчувствие возвращения. Идти в зиму, чтобы уйти в весну, где снова раскрываются краски: это, собственно, и есть путь мысли, которая не хочет разрешиться бесплодием. А потому бездна, которая открывается взрослому уму, не только устрашает его: это «бездна бытия», которая «манит» (стихотворение «Везувию», 1998). Неправда опыта – только в том, что состояние потускнелой от рефлексии души он выдаёт за монотонность самого мира. И автор это хорошо видит.

*Конечность сменяет конечность,
Рифмуя все «здесь» и «сейчас» –
На прочность так пробует вечность
Всевидающий Сущего глаз.*

Холодная вечность и Бог. Они друг друга «пробуют»: глаз Сущего испытывает вечность, но и наоборот, вечность испытывает – не закроется ли, не устанет ли смотреть, не помрачится ли в калейдоскопе событий, настолько пёстрых, что им невозможно не стать бесцветными. Нет, не устанет и не помрачится. Краска, рифма, музыка удивительным образом предшествуют бесцветности бытия, потому что самая эта бесцветность была устроена только для того, чтобы разукрасить её.

*Не-сущее – время былого,
Ещё не начавшего быть.
И только Поэт Сыном-Словом
Способен был мир сотворить!*

(1998)

Так движется, конечно, и мысль: от внутреннего стихийного богатства ещё не ставшего сознания к внешней нищете ставшего, и опять от нищеты – к уже некрадому богатству, если хватит сил для подъёма вверх. В замечательном раннем стихотворении «Рефрен струны с продолжением», которое автор посвятил музыкантам-поэтам, есть узнаваемый «вещий» мотив, указывающий на судьбу мысли:

*На тетивы натянутых струн
Свои пальцы кладёшь, точно стрелы,
И пускаешь к намеченной цели
Строки рифм и звучание струн.*

Судьба мысли определяется не только её предпосылками, но и заранее намеченной целью. Сравнение со стрелой, поэтому, в мировой поэзии не раз показывало свою плодотворность.

В стихотворениях Ивана Давыдова единственная проговоренная цель мысли есть её адресат. Она отправляется в бескрайнюю вселенную не для того, чтобы констатировать холод слишком близко и очевидно зияющей смерти: банальность из банальностей

для всякого смертного, пустую фразу и позу для небоющихся холода. Подлинная мысль есть письмо, отправленное в бесконечность, чтобы возвратиться. Так с Богом, так же и с человеком, и с миром.

*Только сердце ближнего поймёт.
Сердце дальнего – письмо. Оно стучится
У нераспечатанных ворот,
Чтоб, став ближним, с остальными слиться.*

(«Что есть письмо», 1992)

Что такое сердце дальнего, понять которое может лишь сердце ближнего? В этом четверостишии дважды применена инверсия: дальний становится ближним, коим изначально является, потому что без понимания нельзя никому ничего адресовать; конверт посланного письма оборачивается запечатанными воротами самого адресата, который есть ближний, но становится дальним, если не откроет ворот. Это напоминает известную притчу Руми о стучавшемся в ворота. И в последней строке – тема всеединства.

Есть большая разница между бесцельным движением и путём. Существует мнение, что мысль, и философия как её квинтэссенция, представляет собой именно только движение, саморефлексию, разлагающую всё, кроме (якобы) её самой, возвращение к себе, то есть в пустоту, и вновь движение сомнения, отрицания, скепсиса или, если есть смелость, ни к чему не обязывающей фантазии. Такое движение, конечно, не есть полёт стрелы, оно больше напоминает не всегда поддающийся истолкованию шаг змеи. «На персех твоих и чреве ходити будеши, и землю снеси вся дни живота твоего».

Путь иначе относится к земле. Он придаёт ей собственное измерение, как горизонтальное, так и вертикальное. Для идущего по пути всё относительно кроме цели. Его мысль не возвращается к себе, а уходит от себя и ищет того, что могло бы её насытить. В путешествии по безднам человеческой обречённости она изживает скептицизм рассудка и приобретает смирение, свойственное разуму: ту кротость, которая даёт «наследовать землю», потому что земля, если вообще может быть унаследована человеком, то лишь в качестве пути.

Этот полёт мысли-стрелы, несущей письмо, не прекращается с первых страниц сборника до последних: сколько бы фаз бытия ни пролетела она, ценность не в них, а в цели, что придаёт авторскому стиху динамику часто вопреки несовершенству формы. Читается не изящно свёрстанный отчёт о найденном и сделанном в жизни, а эхо шагов человека, отправившегося в дорогу. Над смутным десятилетием, и как приговор, и как оправдание, замирают слова, не важно, каким годом датированные:

*Кто может стать хозяином земли
И, глины горсть зажав в сухую руку,
Молитвой усмиряя темь и муку,
Идти, пока истлеют сапоги?
Кто может стать хозяином земли?..*

ПОЭЗИЯ

Лариса ПРАШКИВСКАЯ

ЛАРИСА ПРАШКИВСКАЯ

Лариса Прашкивская (урождённая Маринина) – поэт, прозаик. Родилась на границе Москвы в старинном селе Очаково, месте известном расположением там усадьбы Михаила Матвеевича Хераскова. Крещена в 1959 году в церкви Преображения Господня в Переделкино. По образованию и роду деятельности модельер, ещё в советские времена имела своё маленькое частное ателье, известное многим дамам в Москве. В настоящее время секретарь Общественного Совета при Префекте ЦАО, создатель и руководитель международного сообщества авторов «Арт-салон Фелисион», член клуба профессиональных литераторов «Московитянка» при ЦДЛ, член Союза Писателей России (МГО).

Живёт в Москве.

Мне помнится счастье, что я рисовала упрямо...

Быть мёртвым совсем не трудно

*...А небо над Колизеем
такое же голубое,
как над родиной нашей,
которую зря покинул
ради истин,
а также
ради богатства римлян
«Гладиаторы». Иосиф Бродский*

Вхожу, просыпаясь, в утро
и в тысячный свой понедельник.
Быть мёртвым совсем не трудно,
живым быть – не колизейно.
Кто выставил на арену,
ревущей толпе, зверя?
И выдох мой воздух рубит,
а вдох – дух, открывший двери..
Ощериться есть причина
во тьме этой плотоядной,
И чья дальше будет кончина,
мне вовсе уже не важно..
Не ради богатства.., впрочем,
другие уже меры..
А хочется жить очень,
но не озверевшей стервой.

И...

(из цикла «Гипнос»)

В разрезе пепельных небес сочится свет на кромку тучи.,
мне помнится, мы были лучше, хоть лучше нас, конечно, нет..
Проникновенна тишина, проникновеннее и звука,
её волшебная наука
погибнуть в нас обречена..
Как жаль,
в ней всё и все мы в Бозе..
И..
Вечность-Женщина!
она
глядит рябиною гроздью,
осенней зрелости полна..
.....
Прощая вёснам их наивность,
и гордость,
и обильность слов,
Октябрь дарует неба милость,
Снега
рожда
на Покров

Два крыла и одна одинокая миля

До воды два орлиных крыла
И одна одинокая миля.
Она растянулась, прикрывшись туманом
И пористой тучей.
И нет ничего на реке, только лодка
В объятии штиля.
И нет ничего на земле,
только старые
Тучные кручи.

Я верила в солнце, что спит нынче в сумрачной коме,
Мне помнится счастье, что я рисовала упрямо
В тетрадах потёртых, где в клетчатой тихой истоме
Оно восседало на троне оранжевым ламой.

От памяти этой устали замёрзшие губы,
Земля или пламя – совсем не велик нынче выбор.
В порыве лишь ветер мне шепчет, что всё ещё любит
И плещется в небе, как в речке охотница-рыба.

Мне ветер не мил, как любовник он много не стоит.
В его лёгкой силе лишь буйство, да боль от обмана..
Как хочется, мало ли – много, пусть призрачной, воли,
Взлететь и зависнуть над краем глухого тумана.

От пропасти этой на время суметь оторваться,
Отбиться от рук этой сумрачной серой рутины.
Как хочется быть, а не просто собой показаться
Кому-то, зачем-то, где лица – они же и спины.

Пластмассовых устриц наловит рыбак и напьётся
Холодного спирта, чтоб сжечь свою душу до праха...

Река... – та течёт, как старуха под ручку плетётся,
Опершись о жизнь, как о Будду, Христа и Аллаха.

Созрело яблоко в раю,
Пора его сорвать.
Я перед выбором стою –
К чему его мне брать?
Давно уже Адама нет,
И Ева я – не та...
Но плода так же яростен цвет,
Всё та же красота.
И так же стоек аромат
От трав и от цветов...
И так же поджидает гад
Греха живой улов.
Мир этот будто наяву,
А, может быть, во сне.
Понять бы, где я не живу
И где живётся мне.
А яблоко... Оно уже
Скатилось за холмы,
И воздух легче и свежей,
Но хочется зимы...

Про...

А ждали мы любви,
Её мы только ждали...
Среди седой зари,
Среди пустой печали,
Среди полночных грёз,
Цветочных вдохновений.
И был наш путь так прост –
Он прост, как откровенье,
Что видим мы в глазах
Ребёнка или птицы,
Что слышим мы в часах,
Что и в груди стучится.
Что бьётся от и до,
И докучает жизнью...
О чём я? Это про
Поток небесной сини,
Про стальные ручьи
И чёрные сугробы,
Про – как летят грачи,
Прудов во льдах утробы,

Про пёстрые поля
И восхищенье светом...
Нет, не про юность я.,
Но, всё же, я об этом...

А день прошёл

Слушая «Счастье» Вагнера

А день прошёл, как вольная ничейность,
и не догнать
Ни солнечных лучей, ни безмятежность,
Ни тени стать.
Ни кипарисов, приунывших в парке,
Ни тишины,
Ни голубей, застывших в тёмной арке...
Слезой весны
Упала на окно роса тепла...
Темным-темно,
И где-то в темноте
Я замерла.

Тараканьи бега

Боль моя по Москве процокает,
Каблуками морзянку стуча.
Я люблю тебя, светлоокая,
Дочь кремлёвского кирпича.
Жаль, тебя кислотой повыело,
Не щербата, но всё же крива,
Благодать и при храмах повымерла,
Да была ли?
Людская молва
Носит байки и сказки, побасенки
То на соточку, то на две...
А по Яузе тянут лодочки,
А потом на закат, по Москве...
По вокзалам народ шелапутится,
И бездомные, словно псы,
Меж ларьков за обедками мутятся,
Не считая затратой часы.
Им понятно давно безвременье,
И куда уж, в такую мать,
Напрягать своё темя в темени,
Коли проще в углу отрыгать
Эту боль, эту грязь ползучую,
Этот грех несварения зла
И послав всё, упасть вшивой кучею,
Не считая падений числа.
Вот такая у нас история –

Тараканьи вокруг бега,
Ресторанная бутафория,
Барчуки, голытьбы недолга.
Там псковские, тут ярославские,
Здесь казахи метут метлой.
Что-то лихо мы забабахали,
Забабахали о-ё-ёй!
И заводы отдав за семечки,
Пронирванили всю страну.
Стонет где-то на небе Стенечка,
Не одну уже стонет весну.
И гудит мостовая выборно,
Не отрекшись от права знать,
Сколько правды из правды выбыло,
Чтоб дурниною не завывать.

Верю, тебе я верю

Верю тебе я, верю,
Знаю, что ты придёшь,
всё до тебя перемерю –
радость познания, ложь,
правду, прощение боли,
чашу добра, чашу зла,
свет ослепительной воли,
тени безволя,
тепла
добрые руки и
холод,
тела проснувшийся жар,
сытость по горло
и голод –
жизни обычный навар.
Мне ли не знать, что шагом
не отделить от тебя
час мой, земную радость,
тихую повесть дня.
Смысл постижения истин
не обойдёт обет
Памяти тех горьких писем,
Где права выбора нет.
Вечность, рождённая тайной,
Мудрости высшей совьё..
Жизнь не бывает случайной,
можно ль уйти из неё
Просто по праву смены
и без твоей руки,
что пробуждает вселенных
мёртвые языки.

Я встала ночью (Из цикла «Гипнос»)

Качает ветви бессонной ночью упорный ветер.
Луны ловушка лучи от солнца собирает в соты.
А лист осенний индийской охры несёт приметы,
и вкус у яблок в саду сегодня коричной ноты.
И свет забытый на горизонте сквозь пепел – сонный,
И черноплодка дрожащей кистью чернеет влажно..
А воздух пахнет ушедшим в землю вчерашним громом,
И ожиданье вокруг витает. И стало важно
Взглянуть на небо и обратиться с последним словом,
Отдать поклоны земле, промокшей в дождях тягучих,
И потянуться в другое время за счастьем новым,
Но ощутить, что год был этот из многих – лучший.
.....

Я встала ночью, в тарелке лунной лежал рогалик,
И захотелось, вдруг, помолиться за эту милость..
А утром просто смотрела в небо, «считала галок» –
в широких складках туч пышнотелых..
искала лица.

Водомерки

*Во днях аки в воде –
Везде рябит и водомерки...*

.....

Оплакана зима грозой,
Что улыбнулась радугой нечаянной
И, путь измерив тормозной,
Дугою расцвела отчаянно.
Кто видел те цветы и сам расцвёл
И, сотворяя крестное знамение,
Хоть на минуту, но в себе нашёл
Божественную искру сотворения.

И сквозь автомобильное стекло
И я смотрела вслед, почти изгнанница,
А солнце на железо потекло,
Поджаривая по дороге странницу.
.....

Исходен мир исходом
В благовест
Разбухшей от воды земли,
Беременной цветущими лугами.
И звёзды снова повели
Нас за собой, играя с нами...

Луны поджаренный лаваш
Напомнил о полях пшеничных
Ещё о том, что мир не наш.,
Весь этот мир... – мир пограничный.
Он между небом и землёй,
А мы лишь держимся покуда,
Цепляясь хлипкою душой
За стенки хрупкого сосуда.

В городе у Финского залива

Дочери Анне

В городе у Финского залива,
В городе, очерченном Невой,
Медленной волной, как сталь, лениво
Тучи проплывают надо мной.
Кажется, что солнце здесь так ложно,
И случайно ляжет на асфальт
Луч его, как голос осторожный,
Тихой колыбельной робкий альт.
Мы с тобою целый день на Невском,
Как верблюды сквозь мираж бредём,
По мостам, связавшим с нами вечность
И историй мировой содом.
Аничков тебе, конечно, ближе,
По каналам путь начнём с него...
Вот волна зелёный камень лижет,
Тяжестью притянута его.
Сухопутным нам, конечно, странно,
И Нева для нас, что океан...
Ты моя не Аничкова Анна,
Только мой ещё ты капитан.
Шкиперский, Бумажный и Обводный,
Как дорога тянется вода...
Не склоняйся низко, осторожно...
Не грусти, вернёмся мы сюда.
Навестим ещё и эти волны,
В гавани посмотрим корабли,
И пройдем дорогою окольной
Этой незнакомой нам земли.
Переулки без экскурсовода
Словно обеззвученный мотив,
Иерарх священного синода
Он вершит экскурсии актив.
И оставит нам на память вехи,
Знаменуя русские века,
И войдут в нас странным долгим эхом
Каменного Питера бока.

Я тебя позову

Свет где-то там вдали,
Свет там, в чужом окне...
Так же, как ты молчит,
И не спешит ко мне...
Съедена пустотой
Комнаты тишина,
Жалится на покой
В пыльных углах стена.

Небо гуляет в март,
Ветры играют в снег,
Солнца ждёт серый сад,
В лето берёт разбег.
Где-то под снегом страх
Словно слепой даос,
Словно глухой монах,
Словно бездомный пёс,

Сброшенный с тополей
Листьями в ноябре
В вере припал к земле,
Замер огнём в золе.

Мне ли среди этих стен
Ждать день ко дню тебя?
Мне ли из синих вен
Слов тебе навязать?

Мне ли звучать струной,
Пряча за песню всё,
Что я несу с собой,
Что соберу ещё.

Я протяну, смотри,
Руку и позову,
Просто ко мне приди,
Я тебя обниму.

Портянки

Мой дед учил меня наматывать портянки...
И по сей день я понимаю то,
Что может пригодиться горожанке
Портяночного счастья полотно.

И ведая за длинною дорогой
Извилины житейского пути,
Недоли русской памятую ноги,
И знаю, что нам с ней ещё идти.

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТАПОВА

Тамара Александровна Потапова – много лет работала на радио, в настоящее время – пенсионерка. Член Ассоциации московских литературных объединений, печатается в поэтических сборниках, выступает в концертных программах, лауреат конкурса «Недаром помнит вся Россия».

Живёт в Москве

Улыбнулся май цветами...

Любимая сторонка

Довезёт меня автобус до большой лесной опушки,
А потом в широком поле я тропиночку найду,
Мимо пруда, где под вечер громко квакают лягушки,
Я по шаткому мосточку в свою юность перейду.
И у встреченной берёзки я поглажу ствол шершавый,
Мокрою от слёз щекою я к тому стволу прижмусь,
Помню, здесь меня когда-то парень целовал кудрявый,
Разделили мы с берёзкой о былом девичью грусть.

Тучка тёмненьким барашком заблудилась в небе синем,
Пролилась дождём поспешным на зелёные луга,
Белокрылою ромашкой расцвела моя Россия,
И над полем коромыслом изогнулась радуга.

А в садах, цветущих дивно, соловьи выводят трели,
Развевается по ветру белоснежная фата,
Я – счастливая студентка, я – невеста в платье белом...
Так сбылась моя надежда и исполнилась мечта.

Парашиотик невесомый одуванчик подарил мне,
Полетела я пушинкой сквозь прошедшие года,
Всех простила, кто обидел, навестила тех, кто мил мне,
Я любимую сторонку не забуду никогда!

Я тебя увидел... сердцем!

На скамье в осеннем парке мальчик отдыхал незрячий,
Дети прыгали в скакалки, девочка играла в мячик,
Листья по ветру кружились над фигуркою склонённой
И у детских ног ложились красотой неоценённой.

Мяч запрыгал, покатился, в руки девочке не дался,
У скамьи остановился, там хозяйку дождался.
Вслед за мячиком вприпрыжку и малышка прибежала,
Подошла она к мальчишке, улыбнулась и сказала:

«Ты чего один скучаешь? Вот же мяч, и есть скакалка,
Может, с нами поиграешь? На, возьми, ведь мне не жалко!»
А поняв, что он незрячий, убежать и не спешила,
Свой любимый яркий мячик в руки мальчику вложила.

Повернулся он к девчонке, мячик сжал, что было силы,
И сказал ей восхищённо: «До чего же ты... красива!»
Тут девчушка удивилась, банты в косах поправляя:
«Ты меня совсем не видишь, так откуда это знаешь?»

Был ответ совсем недетским, он для всех уроком станет:
«Я тебя увидел... сердцем, а оно ведь не обманет!
Если ты добра душою, некрасивой быть не можешь,
Если сердце золотое, то лицо прекрасно тоже!»

Короткая любовь

Закружился в небе лист осенний
В тихом парке на исходе дня,
И представилось мне на мгновение,
Что листочек падающий – я.

Сорвалась я с дерева от ветра,
Что ж ты, друг, меня не удержал?
Не прикрыл раскидистой веткой
И к стволу покрепче не прижал?

Ты же обещал, что будем вместе,
Шелестел зелёною листвою,
И ласкал ветвями как невесту
Маленький листочек молодой.

Я под лаской этой трепетала,
Я смущалась откровенных слов,
И от счастья сердце замирало,
Я поверила в твою любовь!

Я в тебя влюбилась беззаветно,
Только очень горьким был урок:
За зелёной молодою веткой
Прятался корявенький сучок.

Ветерок по кронам пробежался,
Листья золотые теребя,
Треснул тот сучок и оборвался,
Как любовь короткая моя.

Посвящение отцу

Улыбнулся май цветами, нет России нашей краше!
Небо мирное над нами сберегли солдаты наши.
В том далёком сорок пятом отгремела вся война,
И отец мой был солдатом, он хлебнул тогда сполна.

Воевал на Ленинградском, Белорусском, Украинском,
Напоследок с боем адским взяли пригород берлинский.
А на фронтовом затишье брал отец аккордеон,
Был трофеем тот дорог слишком, с ним не расставался он.

И лилась рекою песня, по округе всей слышна,
Если мы душою вместе, вражья сила не страшна!
И по фронтовым дорогам, и по жизни всей потом
Прошагал с отцом он в ногу, боевой аккордеон.

В каждый праздник – День Победы, в голубой цветущий май
Просит внук героя-деда: «Ну-ка, дедушка, сыграй!»
А когда уж сил не хватит инструмент в руках держать,
Рядом правнук на подхвате, чтобы песни перенять.

Велика наша Россия, нас врагу не одолеть,
В нас живёт такая сила: пока живы, будем петь!
И пока не смолкнет песня, воли к жизни не сломить,
Музыка – она же вечна, значит, долго будем жить!

Счастливая

Я в счастье, словно в платье, наряжаюсь,
Царицей перед зеркалом верчусь,
Сияньем глаз, улыбкой отражаюсь,
Всею гаммою раскрепощённых чувств.

Тебя мне жизнь преподнесла в подарок,
За что такое счастье, не пойму,
Но для меня мир сказочен и ярок,
Благодаря тебе лишь одному!

Мои стихи попробуйте на вкус!

Мои стихи потрогать можно:
В них снег пушистый, словно пух,
Держите! Только осторожно,
Не застудите ваших рук!

А то простынете случайно,
Придётся вас тогда лечить,
Ну, ничего, целебным чаем
Я постараюсь напоить.

А в нём малинка – просто чудо!
Её я летом собрала,
Сложила в чистую посуду
И с сахарочком потолкла.

Ещё смородинку протёрла,
А это – жизни эликсир!
Ромашка – для большого горла,
И мёд прибавит сразу сил.

Я мёду положу немножко,
В нём столько солнца и тепла!
Так, где моя большая ложка?
Сперва попробую сама!

Ещё я заварю листочки
Сушёной мяты – лета дар,
И липы жёлтые цветочки,
Они легко снимают жар.

Ну, вот: попробуйте, попейте,
И сразу станет легче вам,
Но только больше не болейте:
Микробы вредны и стихам!

Кустики в снегу

Я спешила по своим делам,
Пробегаю через зимний скверик,
Но остановилась, замерла,
В сказку белоснежную поверив.

А всего-то: кустики в снегу,
Но каков наклон у них изящный!
Я отца уроки берегу,
Дал мне их художник настоящий.

Мог перед травинкой замереть
И сучком корявым восхищаться,
Вглубь себя учил меня смотреть
И по пустякам не огорчаться.

Жил без фальши, честно и светло,
Это в жизни далеко непросто,
И его душевное тепло
Согревало малышей и взрослых.

Я стараюсь так же жить сама,
Завещаю дочерям и внукам,
И сверяю мысли и дела
По бесценным папиным наукам.

С запада идёт светлое посланье...

О книге Р. Радовича «Нежность»
(Белград, «Парфенон», 2012 г.)

*Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита...*

«Боривой» А.К. Толстой

«Буен яр Стрибога»... *Билье Стрибогово*, Злаки Стрибоговы, Стрибожьи травы... Любой перевод, а тем более поэтический, как сие ни прискорбно, почти всегда есть лишь несовершенное отражение оригинала. При самом тщательном переложении художественного текста с одного языка на другой неминуемо возникают всевозможные препоны, часто вызванные не только и не столько личным знанием или незнанием, сколько объективными причинами, проистекающими из принципиального различия двух языковых систем. В нашем случае, несмотря на кажущуюся славянскую близость, таковым препятствием является в первую очередь коренное отличие метрико-фонической системы сербского языка от аналогичной системы в русском. Древняя протославянская просодия, отличающая сербскую речь вообще и поэтическую в частности (для последней, естественно, это куда как более значимо), была частично утрачена уже древнерусским языком, поэтому для нас сегодня малопонятны рассуждения о нескольких типах ударения (в сербском их четыре), равно как и акцентирование внимания на заударных долготах, продолжающих существовать в литературном сербском языке и по сей день. С другой стороны, многие «славянские архаизмы», о которых упоминает автор в своём словаре-послесловии (а вслед за ним – и автор статьи-послесловия; по сути, краткого исследования, облечённого в форму, скромно заявленную как *поговор*), для русского языка, в лексическом плане неизмеримо более богатого, чем современный сербский (литературный), являются не нарочитыми украшениями, как это было бы в сербском языке, но обычной принадлежностью высокого стиля. Церковнославянизмы, изгнанные Вуком Караджичем, Пушкин сохранил и узаконил, что и поныне благотворно сказывается на нашей языковой стихии, не нуждающейся, быть может, в

Илья ЧИСЛОВ

Илья Михайлович Числов – родился в 1965 г. Окончил славянское отделение филологического факультета МГУ. Славист, переводчик. Член СП России с 1992 г.

Живёт в Москве.

столь радикальных методах очищения и смелых решениях, каковые предпринимали и предпринимает периодически сербские поэты во имя возвращения к исконной полноте слова. Впрочем, защита от новейших – сознательных наслоений чужеродной грязи, безусловно, является такой же насущной задачей для русских, как и для сербов. Вообще же у каждого из индоевропейских, европейских и славянских народов есть, по-видимому, свои «слабые и сильные языковые стороны». Сербский язык, если выразиться образно, сохранил чистое славянское дыхание, не осквернённое инородной отрыжкой. Иными словами, сохранил древнюю индоевропейскую мелодику цветущей славянской речи, не опоганенной животными ритмами африканской и ближневосточной пустыни. Русский же язык не утратил изначального многоуровневого богатства, не поддавшись «всеобщему» процессу нивелирования, захлестнувшему в новое время европейский мир, благодаря чему мы и сейчас свободно читаем и понимаем «Слово о полку Игоревом», тогда как англичанам с трудом даётся даже Шекспир, отстающий от своих нынешних соотечественников всего на несколько столетий.

Отражённые в языке особенности национального менталитета двух наших братских народов видны сегодня невооружённым глазом. Особенно – на примере недавних великих потрясений, захлестнувших как Сербскую, так и Русскую землю. Говорят, со стороны – виднее. Не знаю, насколько универсальна сия истина. Однако если говорить о русской стойкости (не политического и не сиюминутного плана), то, возможно, сербы, неизменно восхищающиеся ею, даже сегодня имеют все основания видеть в России те неистребимые достоинства, которые позволяют им рассуждать о преемственности идеи Святой Руси.

Сузится ли великая страна до Урала, возобладают ли в мегаполисах полукровчатые биомассы и гастарбайтеры с юга, поощряемые местечковой нежитью, – душа русская всё равно сохранится, подобно немеркнущему Фаворскому Свету и светлomu Граду Китежу. Во многом – благодаря многомерности и глубинности русского пространства. Слишком уж много пластов нужно преодолеть инородным сорнякам, чтобы окончательно укорениться на этих просторах. А у перекаати-поля, вечно гонимого тяжкими ветрами давнего греха богоубийства, корни, по определению, коротки. (Здесь нам представляется уместным обратить внимание русского читателя на флористическо-мифологическую – сегодня, по сути, уже экзистенциальную – символику буквально каждого стихотворения Ранко Радовича. Всё, что открывается нашему восхищённому взору в этом необычном поэтическом произведении, несёт на себе отпечаток глубокой **укоренённости**. Где-то мы с радостным трепетом узнаём наше общее родовое начало. Где-то отмечаем славяно-германские и даже славяно-кельтские фольклорно-эпические параллели – не зря ведь Сербию называют сегодня мостом между европейским Востоком и Западом. А где-то, как, например, в сонете «Рябина», констатируем совмещение традиций в балканской точке пересечения: «*Ах, как вкусна, словно Смоква младая, / Та горько-сладкая Рябина! / (Силой она обладает бычиной, / Всё размыкая и замыкая)...*» – Поистине, от Москвы до Британских морей – рукой подать...) Конечно, кому-то сербский оптимизм по отношению к России покажется не вполне оправданным (по немощи своей я и сам порою не до конца его разделяю), но факт, тем не менее, остаётся фактом. Возможно, в этом заключен *hic et nunc* определенный вящий смысл. Подобный тем промыслительным откровением, что рождались в тяжкую для славянства годину (в чём-то схожую с нынешним смутным временем) из-под гениального пера святителя Николая Сербского, прозревшего величие России и её подвига раньше многих отечественных мыслителей и патриотов. Полемизировал владыка и с собственными соотечественниками. В том числе с искренним и горячим русофилом Димитрием Лётичем. Среди сербских политических и общественных деятелей того времени не было человека более твёрдого и цельного, более мудрого и мужественного (не говоря уже о воцерковлённости). И всё-таки, его исключительно верный и точный взгляд и анализ не мог проникнуть сквозь все пласты русского бытия, более понятного сегодня – благодаря Владыке Николаю – самым неискушённым землякам отважного Лётича, «политика мирового масштаба» (свт. Николай Сербский), смело бросившего вызов сатанинской тайне беззакония и положившего живот свой за други своя

(включая и русских единоверных братьев) в неравной борьбе с извечным врагом Европы и славянства.

Вот этот-то борбени активизам, европейское волево начало, присущее сербской душе и отражённое даже в современной любовной лирике, – чувство часто безоглядное, не просчитывающее наперёд возможный исход и грядущие последствия, однако неизменно тяготеющее к правде Божией, – бесконечно дорого в наши дни русскому человеку, сохранившему, быть может, главные и основополагающие качества своего исконного естества, но лишённого на сегодняшний момент элементарной защитной реакции и простого ощущения национальной гордости и достоинства. На рубеже третьего тысячелетия христианской эры сербы явили нам пример подлинного героизма и мужества, став на какой-то ослепительный миг символом надежды и судьбоносным примером для огромного славянского мира – самого стойкого победителя и самой цветущей ветви великого индоевропейского древа. То был глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере бердичевского удушья, напоминание о наших общих праисточках, или «глубинах праотцовства», как замечательно выразился крупнейший современный сербский поэт Матия Бечкович (р. 1939), а также о нерастроченных возможностях и великой духовной (и культурной) миссии славянства. Равно как и о вящей ответственности за судьбу европейской цивилизации. По мнению мудрой сербки Исидоры Секулчи (1877–1958), известной писательницы и хранительницы национальной традиции, «малый (читай: сербский – И.Ч.) народ – удивительное явление. Иногда он вовсе даже и не малый. Просто кажется таковым. Тогда как на самом деле является консервативной, смиренной и долготерпеливой составляющей некоего великого народа или целой расовой общности. И он осознаёт это... осознаёт себя как закваску (выделено нами – И.Ч.) и расовую сущность чего-то большого и вечно создаваемого». В этих словах верной ученицы и последовательницы владыки Николая заключена, на наш взгляд, самая суть понятий сербство и сербскость. «Через борьбу национальную, расовую, природную мы приподнимаемся над грехом и смертью», – писал сам Святитель. Малая балканская родина была для великого апостола Европы и славянства краеугольным камнем явственно ощущаемого древнего единства, обретшего свой подлинный смысл во Святой Соборной и Апостольской Церкви. Подобным духом проникнута и поэзия Ранко Радовича, одного из ревностнейших поборников традиции в современном славянском мире, волею судьбы заброшенного в среду далёких потомков бывших европейцев, коих его пронизательный современник и соотечественник метко окрестил «беглецами от собственной истории». В отличие от них, ставших (в лучшем случае) тенью прошлого, сербский поэт исполнен воли к жизни, отличавшей когда-то всех без исключения потомков Иафета. Среди дивного сплетения трав и соцветий полёт его мысли напоминает воздушную стезю медоносной пчелы, несущей аромат бессмертника (растение это имеет у сербов большее распространение и значение, нежели у нас, вызывая в ассоциации широкий спектр названий, вплоть до известного женского имени) над «лесистой громадой гор». Тут мы видим у Радовича не просто образ-метафору, но ещё и чудесную картину. Чудесную в своей реальности. И знакомую всякому, кто хоть однажды посетил гористые Балканы.

Сербию часто называют сердцем Балкан. Есть, безусловно, определенный чисто географический символизм в самом её срединном, доминирующем положении в регионе. Здесь сходятся главные водные артерии: Тиса, Морава (это в её воды бросился, по легенде, с крепостной стены Сталач-града вместе со своею верною любой герой одного из сонетов Радовича – отважный воевода Приезда), Сава и Драва впадают в Дунай в его среднем течении, а Драва – в Саву. Здесь пролегли важнейшие транспортные пути в Центральную Европу, как когда-то проходили древние римские дороги, связующие части единой необъятной Империи. Но есть символизм и метагеографический – символизм исторического и сакрального пространства. Там, где расположен сегодня современный сербский город Ниш, на пересечении древних путей, в граде-крепости Наиссусе родился император Константин Великий – повелитель Первого и основатель Второго Рима (а на крайнем западе, на территории современного государства Хорватии, на самом берегу Адриатического моря, будет чуть позднее воздвигнут роскошный уединённый дворец, где в постоянном страхе и ожидании возмездия – ну

совсем как Лазарь Моисеевич Каганович, собственной рукой включивший взрывное устройство, уничтожившее Храм Христа Спасителя в Москве! – станет доживать последние дни жестокий гонитель христиан Диоклетиан).

Белград – не единственный Белый город на сербской земле. Белым Скадаром называли когда-то албанский Шкодер, который на самом деле изначально был славянским. Был свой Белый город и в Приморье: далматинский Белград, Белград-на-Море. Были и другие. Но самым известным всегда оставался тот первый и главный Белград на Дунае, коему в начале XV века суждено было стать столицей Сербии.

Синеокий богатырь Дунай фигурирует в древнерусских былинах. Имя этой великой славянской реки, более полноводной и могучей, чем германский Рейн, хорошо известно у нас, хотя она и не течёт по Русской равнине. Крупнейший современный учёный-славист Олег Николаевич Трубачёв (1930–2002), в чьих трудах убедительно доказана исконность славянского присутствия на древней земле Европы – общей родины всех индоевропейских народов, считал, что речь в данном случае идёт об «этнической памяти»: «Степень интимности образов и мотивов Дуная, характерная для русских народных песен, едва ли вообще сравнима с чем-нибудь аналогичным и едва ли объяснима чужим заимствованием. Достаточно полистать собрание народных песен П.В. Киреевского, где на Дунай ходят по воду, в нём мочат холсты, почтительно величают его на чисто русский манер “по батюшке” Дунай, сын Иванович, более того – смешивают его в своих представлениях с Доном (“За Доном, за Доном, за тихим Дунаем”, “С Дону, с Дону... с-за Дунаю!”)». Среднедунайская теория прародины славян академика Трубачёва удивительно-промыслительным образом согласуется со свидетельством Нестора Летописца («сели суть Словени по Дунаеви») и лишней раз подтверждает неслучайность многих древне-современных параллелей. О.Н. Трубачёв хорошо знал и по-настоящему любил Сербию. Не в последнюю очередь потому, что явственно видел в сербах ту древнюю основу национальной славянской жизни, коей так не достаёт сегодня всем нам.

В самом имени сербском (ср. лат. *servare* «охранять», «спасать», «сберегать») заключено это значение крайнего славянского форпоста, ставшего с веками западным рубежом Православия. Не зря лужицкими сербами, «сорбами» до сих пор именуют самых западных уроженцев славянского мира, проживающих сегодня на территории Германии. Впрочем, сербство, как мы уже отметили, есть не только синоним широкого распространения и порубежья. Сербство – это **закваска**, концентрированное выражение славянской этнической памяти, сведение воедино, казалось бы, навеки разобщённого и разъединённого. И не только славянского...

Стремительная, пенистая Драва разделяет ныне собственно Сербию и сербскую Боснию. Среди скал, переходящих в лесистые горы, что теряются за горизонтом, струится и мчит она по острым камням, бурлит, ныряет в ущелья и вновь вырывается на голый, открытый ветрам простор, над которым, как и тысячи лет назад, грозно веют Стрибожьи вьюги. Как и на Дунае, многие её теснины могли бы быть названы Железными Воротами. Драва, река-рубеж, некогда граница между Восточной и Западной римской империей, стала исторической границей между Востоком и Западом.

Для русского человека Восток и Запад, как правило, взаимоисключающие понятия. Святая Русь, подножие Престола Господня, в принципе и не нуждается в географической локализации. Но серб всегда осознавал себя частью Европы. «Шрамы кровных разрывов» прошли по его живому телу. И хотя он, не колеблясь, сделал правильный выбор, беспощадно отсекая поражённые грехом члены (Мф 18:8–9), дерзновение и надежда подсказывали ему, что не всё ещё потеряно и для его единокровных падших братьев, ещё способных очнуться на краю пропасти и отомкнуть железные ворота покаленной молитвой...

Сие обострённое мировосприятие, европейская рефлексия в сочетании с широтой славянской природы и православным выбором влекут к сербам русскую душу. Дерзновение и надежда укрепляют сегодня и нашу веру в сей западный форпост славянства, в архетипическое присутствие великого в малом, в жертвенное мужество, воскрешающее единую память о героическом и величественном прошлом. Вопреки либеральной пропаганде и евразийским бредням, мы верим в кровное единство и единство

судьбы. В светлое послание с запада. С непокорённой врагом Белой Руси, остающейся и по сей день костью в горле у некоторых «друзей». И, конечно же, в светлую весть с по-прежнему непокорных гористых Балкан, так много значащих отныне для русского человека. Понимание происходящих там глубинных процессов имеет огромное значение для нашего сознания и, несмотря на все трагические события последних лет, вселяет оптимизм, укрепляя нас нравственно и духовно. Так, как выразил это в своём сонете-эпиллоге автор данной поэтической книги, даже в заключительном, покаянном слове оставшийся верным типично сербскому юнацкому упрямству, заставляющему в предсмертный час сомкнуть руки на горле извечного врага, дабы жизнь не оказалась прожита зря. Эти короткие, ёмкие строки переданы по-русски тем же размером и с максимальной близостью к оригиналу. Практически так же переведена и замечательная песня-пролог, несущая в себе ключ к пониманию всего произведения, образующего единое целое, несмотря на разветвление на два великолепных венка сонетов, каждый из которых, в свою очередь, является законченным авторским шедевром. Моему другу Ранко Радовичу удалось то, что посчитали бы беспорной удачей многие поэты, обращавшиеся к сей непростой форме. Традиционно считающаяся одной из труднейших в области стихотворчества, она устанавливает заведомо жёсткие рамки, так что редко кому посчастливится выразить в подобных канонах оригинальное и глубокое содержание. К сожалению, данное обстоятельство ставит вдвойне непосильную задачу и перед переводчиком, вынужденным – ради сохранения акростиха и соблюдения идейно-эстетической связи между двумя частями произведения – прибегать к некоторым формальным отступлениям метрического плана, вызванным, как уже было отмечено выше, ещё и объективными причинами межъязыкового несоответствия. Сербский язык с его древней протославянской мелодикой придаёт метрике и фонике повышенное значение. Достаточно привести пример классического сербского «десятиложника» (с цезурой, разделяющей строку на две неравные части: 4:6 или 6:4). *Десетерац* характерен для сербских юнацких песен (аналог древнерусских былин). Подобным размером написан и знаменитый «Горный венец» величайшего сербского и югославянского поэта, митрополита и правителя Черногорского, Петра II Петровича Негоша (1813–1851), неоднократно переведившийся на русский язык, начиная ещё с XIX столетия. Показательно, однако, что лучший из этих переводов, выполненный великим русским поэтом Юрием Поликарповичем Кузнецовым, не всегда следует формально-метрическим канонам оригинала (были и иные примеры, когда русскоязычные переводчики пытались копировать сербский *десетерац*). Между тем, Юрий Кузнецов сумел передать главное: эпическое величие, надмирную высоту и глубину поэзии Негоша. Донёс до русского читателя архетипические черты сербской поэзии вообще, тот жар и высокую скорбь, древнюю красоту и суровую простоту, что завораживала Гёте и Якоба Гримма, Пушкина и Мицкевича, восхищавшихся сербскими народными песнями. В стихах Ранко Радовича мы видим естественное (авторское) продолжение данной органической линии сербской традиции. Сила и свежесть его любовной лирики, отчасти уже знакомой российской читательской аудитории по поэме «Волчица» (двуязычное издание 2009 г.), во многом объясняется этими вечными истоками, без коих немислима подлинная поэтическая культура, широта и проникновенность души и мысли. В сущности, XX век в сербской литературе – а именно он и может быть назван «золотым веком» в её истории – велик уже потому, что, обратившись к «сияющему прошлому» (Милош Црњанский) через толщу «мёртвых столетий», безошибочно уловил тайное биение пульса Сербии, щедро вобрал в себя её восторг и боль, привнося в национальную стихию не только печаль познания, но и радость обретения веры, ностальгию будущего.

Переводной текст нередко сравнивают с изнанкой роскошного ковра: аккуратно воспроизведённый узор и точный рисунок – и бледные, поблекшие краски. Таковы очень многие переводы, не имеющие ничего общего с первоизданным богатством слова. Впрочем, наряду с кропотливостью ремесленника, существует и гордое упоение переводчика-соперника, когда поэтические вольности (яркие и звучные, но зачастую абсолютно надуманные) сознательно выпячиваются, подавляя авторский замысел и оригинальную систему образов. Понятно, что следует в равной мере избегать соблазнов и

того, и иного рода. В поэзии Ранко Радовича, признанного мастера классических форм и поборника строгого стиха, ведущую роль, на наш взгляд, играет всё-таки не метрика и даже не отражённая в русском переводе сложная система рифм и повторов, характерная для венка сонетов. Главной своей задачей переводчик посчитал сохранение волшебного мира сербской планины, горно-лесного богатства трав и злаков, древесного и цветочного многообразия, сплетающегося гибкими лозами и росными побегами с колдовским миром чар и грёз, мифов, преданий, проблесков и озарений, сопутствующих неукротимому стремлению поэта к своей любимой. Чем-то похожая на героиню «Волчицы», сия прекрасная вила предстаёт в «Нежности» то легкокрылой Психеей, достойной дифирамбов и похвал от самого Амура, то вечной Женой, «сладким запретным плодом», то дивным Ангелом – кротким и грозным одновременно. «Грешница и глашатай небесной славы», она ещё нежна и воздушна, извращённость «современного мира» ещё не зажгла в её васильковом взоре синее пламя, пышущее в очах Белой волчицы, валькирии. Но роковое предчувствие уже разлито в прозрачном эфире, в ступающихся сумерках. Тревога не покидает сердца поэта, едва пробудившегося от сна-мечты и тотчас ясно ощутившего реальную горечь грядущей утраты: *«Сон мой хранило тернистое ложе / От жёлтых гончих июля, / А вот любовь оградить смогу ли / От тех, кто его стреножен?..»* Буйные травы стелются под холодными ветрами, жар спелых янтарных ягод остывает, остужаемый морозным дыханием. *«Через Тернистые нагорья, / Сквозь Чернобыль и сквозь Ковыль / Эхо моё вздымает пыль / – Прах лепестков из Вилогорья»*, – в этих пророческих строках угадывается зловещее предзнаменование не только сербской, но и русской трагедии конца XX столетия. Любовь для лирического героя Радовича становится жизненной силой, питающей исполинскую мощь уходящего. *«А что как покинешь меня навек?»* – вопрошает он с каким-то былинным трепетом и грустью. «Святовидов источник грозный» отражает эту тоску, в которой угадывается и ярая Косовская печаль, и небесная синева, готовая вспыхнуть огнём рунических молний над безбрежным, как море, простором Неманиной планины. В лучах заходящего солнца славянства яснее обрисовываются контуры не только прошлого, но и настоящего. А быть может – и будущего. Ведь сербы первыми из православных и европейских народов прозрели пагубную сущность глобальных перемен, обрушившихся на Восточную Европу после падения очередной Вавилонской башни, каких уже немало было в истории человечества.

Уничтоженная собственными архитекторами и строителями, в ослеплении гордыни решившими возвести из её обломков – на этом же самом месте – новую, ещё более уродливую и противоестественную конструкцию, она погребла под своими развалинами тщетные надежды многих поколений. В частности, надежду на «коммунистический рай на земле», который деды и прадеды нынешних разрушителей (а теперь уже – снова строителей) обещали некогда дедам и прадедам тех, на кого лукаво возлагается сегодня вся вина за чужие чудовищные преступления. Эхо от падения советского колосса прокатилось по всему миру. Но с особой силой отозвалось на древней земле европейского континента. Грандиозные перемены, произошедшие в Восточной Европе, привели к повсеместному слому, разброду и смятению. И одновременно, в горниле разрушений, при тотальном крахе системы, ещё недавно казавшейся вечной, чётко обозначились очертания исконного и действительно вечного. Сербия увидела и поняла это раньше других славян. А поняв – не остановилась на увиденном.

Коллега Душко Бабич озаглавил своё послесловие к книге поэзии Ранко Радовича по созвучию с самим её названием, взяв в качестве стержня-лейтмотива акростих первого венка сонетов, излучающий нежность и волшебное действие трав и цветов, грёз и мечтаний, уносящих в сказочный мир любви и материнской мелодии, о которой так дивно вещал великий предшественник Радовича на пути мистических прозрений и вдохновенного словотворчества. После чего у автора этих строк уже не оставалось выбора – книга ведь состоит только из двух частей. И всё-таки – last, but not least: второй акростих, несмотря на то, что – в отличие от первого – не был (и не мог быть) сохранён в русском переводе с дотошной точностью, кажется мне более верным и глубоким отражением поэтического мира своего создателя. Архетипическое начало, связующее его не только с каждой строчкой проникновенного и волнующего лирического

признания, но и с глубинными пластами национальной песенной и словесной культуры, вдвойне дорого русскому читателю, открывающему для себя незамутнённую реку славянской органической жизни. Сей чистый и сильный поток омывал когда-то и наши берега. Но уже в XIX столетии прекрасный русский поэт, создатель дивных баллад и будущих чудных романсов, ставших ещё роднее и ближе в пору нынешнего лютого безвременья, с горечью сетовал на его обмеление и изменение самого течения. Сербия, явившая впечатляющий пример преображения былой Святовидовой мощи в православный подвиг и мученичество (святой благоверный князь Лазарь; день святого Вита – Видовдан, скорбная и величественная дата Косовской битвы, исполняющая сердца гордостью и надеждой), указывает нам путь и в прошлое, и в будущее, которое – мы верим в это! – станет обновлённым (преображённым) прошлым. Вечный путь, озарённый немеркнущим светом северного Аполлона, чьи грозные стрелы-лучи возгорелись в чистое пламя Христова завета. Конечно, поэзия такого оригинального и самобытного стихотворца, каким по праву может считаться замечательный сербский поэт Ранко Радович, заслуживает прежде всего чисто профессионального внимания литературных критиков. Однако нам представляется важным и своевременным раскрыть также и её широкий контекст, без которого она едва ли будет понята до конца всеми теми людьми в необъятной России, что полюбили за эти грозные десятилетия его героическую родину и народ любовью искренней и нелицемерной. «Буен яр Стрибога» есть лишь одна из метафор сербской родовой памяти. Быть может, не самая главная и не самая безукоризненная, если смотреть с позиций высшего духовно-эстетического выбора. Но ясная и убедительная в своём волевым порыве на очередном роковом перепутье нашей славянской истории и сегодняшней жизни.

ПОЭЗИЯ

Юрий ПЕТРАКОВ

**Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Юрия Алексеевича Петракова
с юбилеем!**

Юрий Алексеевич Петраков – родился в 1948 г. в Донбассе. Работал музыкальным мастером, сотрудником горисполкома. Трудился в оборонпроме, в аппарате Государственной Думы РФ. Государственный советник Российской Федерации. Входит в состав Высшего творческого совета МГО Союза писателей России. Первая публикация появилась в мае 1975 г. Автор ряда сборников стихов и рассказов. Печатался в России, Украине, США, Израиле и Германии. Имеет государственные, ведомственные и общественные награды СССР, России и Украины. Член правления «Землячества Донбассовцев Москвы».

Живёт в Москве.

На все века

Нам выпало время такое.
Такая сошла «благодать»
По чьей-то неведомой воле,
За чьи-то проделки страдать.
Годами – то лесом, то полем,
То горной тропой окрест
Брести, изнывая от боли,
Тащить свой увесистый крест.
В рубахе, упревшей от соли,
Влачиться, цепями звеня.
Доколе всё это? Доколе?
Неужто до Судного дня,
Перстом осеняя неволю,
Вгрызаться в терновый венец?
Проклятое время какое!
Уйдёт ли оно, наконец!?

Всё, что нам в наследство предки отдали,
Промотали, бросили в распыл.
А когда и землю пораспродали,
Нас Господь за это не простил.

Прокляты! Проклятьем Божьим прокляты!
Что ни делай, что ни говори,
Реки слёз людских по миру пролиты,
А страна всё тонет да горит.

И на Богом проклятом ристалище
Правит бал чиновничье ворьё.
Русь моя! Зброшенное кладбище,
Над которым кружит вороньё!

Когда невзгоды и утраты
Вконец терпенье изведут,
И скрепы «точки невозврата»
В мгновенье лопнут и падут.

Когда под тяжестью «отката»,
Скользнув, ослабится узда,
Когда вот-вот – и брат на брата...
Хватило б мудрости тогда.

Наш разум ересью охвачен.
Низы – не могут, а верхи...
Им срок пожизненный назначен
Творить всё новые грехи.

Из света в тьму, с небес на плаху,
За имяреком имярек
Идём, опутанные страхом,
Из года в год, из века в век.

И вместе с нами, через силу,
Одной безрадостной судьбой
Бредёт усталая Россия,
Не чуя тверди под собой.

Родную забывая речь,
Слова чужие повторяя,
Мы головы не сносим с плеч,
Мы нашу Родину теряем.

Со всем, что было и что есть,
Со всем, что не вошло в Анналы,
Со всем, что было ли, –
Бог весть? –
Но былью быть не перестало.

На каждый миг, на все года,
На жизнь, и даже после жизни,
Теряем право навсегда
Причастным быть к своей Отчизне.

Во славу наших матерей
Пускай же в речи человеческой
На все века от прошлых дней
Звучат слова родных наречий.

На всех российских перегонах,
Презрев дорожный уют,
Идут «афганцы» по вагонам
И песни громкие поют.
Здесь всё по чести –
Не до лишку. Гранёный осушив стакан,
Поют мужчины про мальчишку,
Что пал когда-то за Афган.
Поют про «духов», про комбата,
Про мать-старушку у окна.
Поют, как могут петь солдаты,
Когда безмолвствует страна.
Поют, отнюдь, не ради славы,
Не за народные рубли.
В помин порушенной державы
От всей не сдавшейся земли.

Когда и ночь — невмочь, и с матом вслух
Не одолеть разящий приступ страха,
Откуда вдруг приходит этот дух,
Что поднимает мёртвого из праха?

С тобою он, и ты – величина,
Что всё и вся вокруг себя осилит,
Такая сила в нём заключена,
Что без него Россия – не Россия!

Он и сегодня, в наш треклятый век,
Последняя надежда и опора.
И пусть трепещет русофобов свора,
Покуда рядом русский человек.

А.С. Пушкину

Строки изысканная вязь
Его сонета,
Рождает трепетную связь
С душой поэта.
Ее изящный завиток
Исполнен смысла.
В ней им распутанный клубок
И слов, и мыслей.

В ней радость света, грусти тень,
В ней гимн для слуха,
Где в каждом звуке новый день
И сила духа!

Сергиев Посад

Как «Апостола» заглавье,
Свет-раздолье:
Златоглавье,
Вековые стены, свечи,
Ты истории предтеча,
Всей Руси первопрестолье,
Свята-Сергия гнездовье.

Шестая Симфония

П.И. Чайковскому

Неужто жизнь моя подслушана
И предугадана давно,
И череда времён нарушена
И возвращенья не дано?
Застыл приговорённым узником,
Оглух, ослеп, а жизнь идёт.
Не в горле ком, а эхо музыки
Пошевелиться не даёт.
Сижу, всем миром позаброшенный,
Суши недвижные глаза.
Тоска истошная по прошлому.
Я умер – пять минут назад.

Юрий Александрович Яхонтов – родился в посёлке Петровское Ярославской области в 1946 г. Автор многих публикаций, в том числе трёх книг: «Белый цвет», «Душа согрета», «То, что в сердце давно берегу». Дипломант конкурса «Лучшая книга 2008–2011». Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью «А.П. Чехов», дипломами имени Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова. Член СП России.
Живёт в Москве.

И нужна была для счастья только малость...

Двух крестьянок замечаю,
Руки тёмны от земли,
У метро мешок мочалок
На продажу привезли.

По-старинному одеты,
Речь их – глас ушедших лет,
И глаза теплом согреты
Той Руси, которой нет.

На бегущих смотрят дико
И, похоже, не поймут –
Это липовое лыко
Никому не нужно тут.

Суею заморочен,
Для меня их вид, как сон.
Из каких пришли вы отчин?
Из каких иных времён?

Видно, там житьё простое,
И, наверное, хранят
Там старинные устои
И родительский уклад.

И как раньше, и как прежде
Старину родную чтут,
Носят русские одежды,
Песни русские поют.

Край забытый – место свято,
Там шагать бы и шагать...
Пахнет клевером и мятой,
В каждой травке – благодать.
Преломляет луч росинка
И легко, легко в груди...
.....
Уходящая Россия,
Всё простив, не уходи!

И нужна была для счастья только малость,
Только детство, только лето, наконец,
Керосиновую лампу, как смеркалось,
Чтоб под вечер зажигал для нас отец.

Это было время тихих обретений,
Огонёк от дуновений трепетал,
Как живые по стене скользили тени,
Все родные засыпали, я читал.

Абжур бумажный, темень за спиной,
И казались бесконечными лета.
И читал я, забывая всё иное,
Как потом уж не читалось никогда.

Рядом сад шумел – вишнёвое соседство,
Что-то липы мне шептали в вышине.
Только книги, только лето, только детство
И других богатств не нужно было мне.

Детство дальше, ощущения те глуше,
Но с годами начинал я понимать
То, что счастье наше вовсе не снаружи,
Это внутренняя наша благодать.

Незнакомая, просто прохожая,
Подождите, постойте чуть-чуть.
Вы на маму мою так похожая,
Что болит, разрывается грудь.

Я взгляну – от такого общения,
Может, будет и мне благодать,
Хоть на миг, но придут ощущения
Из времён, где уже не бывать.

Далеко, там родное и славное,
Там простые дела и слова,
Бесконечность дороги... И главное
То, что там ещё мама жива.

И теперь, в наши годы бескрылые
Над материей, над пеленой
Вспомнутся черты твои милые,
Первый друг, первый слушатель мой.
Вспомнётся, как в дни безнадёжия
Ты вселяла надежду опять...

Незнакомая, просто прохожая,
Я прошу Вас чуть-чуть подождать.

В доме сумрачно и глухо,
Стынут в печке кирпичи,
Одинокая старуха
Замерзает на печи.

От лампы света – малость,
Виден лишь Пречистый Лик.
От деревни всей осталось
Три старухи и старик.

И живёт народ сей древний
Как и прежде – нелегко,
Перспективные деревни
За рекою, далеко.

И живут здесь в малой силе,
Здесь для них последний пост,
Где своих детей растили,
Где родительский погост.

Словно нет их, позабыты,
Но в нелёгкий жизни час,
Нам прощая все обиды,
Богу молятся за нас.

Ручей

Журчи, журчи свою мне быль.

А.С. Пушкин

Всё те же давние картины,
И ты такой же, как и был,
И снова в зарослях малины
Журчи, ручей, свою мне быль.

Как здесь отрадно жарким летом,
Всё льнёт к воде, здесь жизни ток,
Стрекозы ведают об этом
И пролетевший мотылёк.

И каждый делает, что знает,
Всё, что имеет – отдаёт.
Малина ягоды роняет,
И соловей в ночи поёт.

И словно говоришь мне кстати:
Ты в город так давно ушёл,
Гляди, как много ты утратил,
Но так ли много приобрёл?

Странно это, дорогами детства бродить,
По тропинке идти, где учился ходить.
Ароматы цветов и садов ощущать,
Всё ещё впереди – так себе обещать.
Ждёшь из детства, напрасно, неведомый знак.
Видишь тоже всё, но ощущаешь не так.
У знакомых морщины, как тень на чело,
И поймёшь, как же времени много прошло.
И теряется то, что когда-то берёг,
И проносится жизнь, как в полях ветерок.
Но ещё далеко до осенней поры,
И горят по садам золотые шары.

«Осенний сон» – чуть слышно гармониста,
Доходит грусть из дальнего двора.
Горюет лес, что в нём прозрачно-чисто,
Всё на земле – осенняя пора.

Над головой почувствую движенье,
Взгляд подниму – увижу лебедей,
Им не закон – земное притяженье,
Летят они, не глядя на людей.

И взмахи крыльев тихи, словно вздохи,
И манит в путь неведомый маршрут.
Как корабли из парусной эпохи,
Так в небе чинно лебеди плывут.

Всё дальше бледно-розовые струги,
Там, где закат, – таинственная светь.
Скрипит натужно вслед им ржавый флюгер,
Но никуда не может улететь.

Но счастлив я, что я не улетаю,
Пусть будет грусть, но с этой стороной,
Я вместе с нею в осень увядаю,
Чтоб вместе с нею молодеть весной.

Кто вы, товарищ Сталин?

К началу издания многотомника
«Сталин И.В. Труды»

Несомненно, это имя сегодня бьёт все рекорды упоминаемости в СМИ, литературе и кинематографе. Говорить и писать о Сталине стало модно. В первую очередь, – и это львиная доля материалов, – продолжается ещё Троцким начатая кампания под лозунгом «Сталин – бандит, диктатор, людоед, убийца, маньяк и т.п. (нужное подчеркнуть)». Но создан и пышно цветёт её

Сергей Юрьевич Рыченков – родился 26 июля 1971 г. в Москве. По специальности – инженер-математик. Помимо основной профессии с 2002 г. работает над поиском и изучением неизвестных сталинских текстов. Принимает участие в подготовке и издании современных томов Сочинений И.В. Сталина. Автор публикаций, посвящённых советскому периоду. Живёт в Москве.

И.В. Сталин. Начало 30-х годов.
Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 87.

зеркальный двойник, провозглашающий Сталина гением, непогрешимым мудрецом, наигуманнейшим, наидержавнейшим, наиправославнейшим... Так как цели обоих направлений, по нашему глубокому убеждению, одинаково далеки от выяснения истины (и те, и другие мало «дружат» с документами и сторонятся исторических фактов), есть веские основания полагать, что у их активных участников больше общего, чем может показаться на первый взгляд.

Мы уверены, что лишь стремление к исторической правде может лежать в основе формирования целостного представления об исторической роли первого Советского государства и тех, на кого пала ответственность за его судьбу. Посему мы решили отказаться от написания очередной полемической статьи о Сталине и подготовить материал документальный. Сознаём, жанр этот сегодня непопулярен, как и всякая работа, связанная с ассенизацией... простите, развенчанием внедрённых ранее и ныне внедряемых мифов. Это одинаково не по душе как «ниспровергателям культа», так и его апологетам, резонно опасующимся, что правда нанесёт непоправимый урон их плоским и «обкатанным» схемам.

Заняв Ваше время, читатель, этим коротким вынужденным вступлением, перейдём прямо к делу. Вашему вниманию предлагаются три небольших, но хорошо документированных фрагмента сталинской биографии. Они разделены десятилетиями и касаются очень разных эпох. В каждом из них перед нашим персонажем встают новые, неизвестные проблемы. Понаблюдаем за ним, попытаемся, насколько возможно, увидеть ситуацию его глазами. Возможно, этот сложный, противоречивый деятель станет для нас немного понятнее, а в чём-то и откроется с неизвестной стороны. Оставляем вас наедине с документами, позволяя себе лишь иногда обременять читательское внимание необходимыми комментариями и пояснениями, которыми, конечно, можно пренебречь. Пусть через тексты перехваченных полицией писем, ветхие телеграфные ленты и пожелтевшую машинопись стенограмм пробьётся голос того, чьё имя не даёт сегодня покоя миллионам людей, — товарища Сталина.

Год 1911-й. Охота за агентом ЦК или немного о жизни эсдека-нелегала

Лето 1911 года было ознаменовано в Вологде несколькими заметными событиями: открытием первой в городе картинной галереи и Музея родинovedения, началом перешивки на широкую колею участка железной дороги Вологда — Урочь и публичной демонстрацией новой иностранной игры — футбола. Помимо этих, исторических событий, хватало, конечно, в губернском городе происшествий других, и средних, и помельче, и вовсе пустяковых. Не удивительно, что среди них затерялось прибытие в город освобождённого из-под гласного надзора бывшего политического ссыльного, как глядят полицейские документы, крестьянина деревни Диди-Лило Тифлисской губернии и уезда тридцатилетнего Иосифа Виссарионовна Джугашвили.

Иосиф Джугашвили

27 июня завершилась его ссылка (первая, из которой ему не удалось бежать). Ему было выдано проходное свидетельство и маршрут следования, где значилось, что Джугашвили «не может проживать нигде, кроме города Вологды, а по приезде в этот город обязан не позже 24 часов со времени своего приезда лично предъявить его местной полиции».

Прибыв на место, бывший ссыльный обращается с прошением к вологодскому губернатору. «Окончив срок двухгодичной ссылки в гор. Сольвычегодске, — пишет Джугашвили, — но, не имея возможности вернуться на Кавказ в силу распоряжения Кавказского Наместника, на пять лет лишаящего меня права жительства на Кавказе, я принужден остаться где-нибудь вне пределов Кавказа. Пользуясь же предоставленным мне правом выбора местом жительства любого города Российской Империи (за исключением столичных городов и Кавказа), я вынужден остановиться на г. Вологде, так как дальше мне буквально некуда деться, а в Вологде всё-таки имеются кой-какие знакомые, безусловно необходимые в случае острой нужды. Поэтому прошу Ваше Превосходительство разрешить мне остаться в Вологде хотя бы на время, месяца на два, в продолжение которого, быть может, добуду необходимые деньги для поездки в другой город, если таковая поездка окажется неизбежной». 19 числа такое разрешение было дано. А уже 24 июля за Джугашвили установлен негласный полицейский надзор, в сводках которого последний значится как «Кавказец».

За прозаической канвой этих внешне малоинтересных событий крылось острое столкновение представителей двух противостоящих тогда в Российской империи социально-политических сил: крепнувшей день ото дня революционной социал-демократии и доживавшего своё последнее десятилетие монархического режима. Дело в том, что на тридцатилетнего Иосифа Джугашвили, к тому моменту — большевика с более чем десятилетним стажем нелегальной партийной работы, по верным сведениям департамента полиции, заграничный центр РСДРП возложил обязанности разведного агента ЦК. И этот, по полицейской терминологии, «центровик», лишённый связей и явок, должен был активно искать контакты. Дело полиции было не упустить момент для выявления нелегальных структур партии и очередного ареста «Кобы». В этой связи резко возрастает оперативная переписка между Департаментом полиции, Московским и С.-Петербургским охранными отделениями (ОО), Вологодским губернским жандармским управлением (ГЖУ).

И Джугашвили ищет связь. Сразу же после освобождения он пишет письмо в «Рабочую газету», популярный орган большевиков, выходивший в Париже в 1910-1912 годах, неоднократно публиковавший на своих страницах ленинские статьи. Джугашвили откликается на опубликованное в № 4-5 газеты сообщение, что «Кобе» послано письмо, на которое ожидают ответа. Фактически, не имея с ним прямого контакта и опасаясь попадания важной информации в ненадёжные руки, его просят самостоятельно связаться с центром. «Заявляю, что никакого письма от вас не получал, старые адреса провалены, новых у меня нет, и я лишён возможности переписываться с вами. О чём вы могли мне писать? — пишет Джугашвили, ещё не знающий о своём новом назначении. — Быть может, не лишне будет, если заранее заявлю, что я хочу работать, но работать я буду только лишь в Питере или в Москве: в других пунктах в данное время моя работа будет — я уверен в этом — слишком мало производительна. Было бы хорошо предварительно побеседовать о плане работы и т. п. с кем-либо из ваших, ну, хотя бы из русской части ЦК. Более того, это, по-моему, необходимо, если, конечно, русская часть ЦК функционирует. Словом, я готов, — остальное ваше дело».

Указание на место возможной работы вытекает из того, что промышленные центры столиц ввиду намечающегося нового подъёма рабочего и демократического движения приобретают решающее значение как в борьбе с царизмом, так и в противостоянии множющимся и активизирующимся меньшевистским оппортунистам. На повестке дня — консолидация последовательных революционных сил и создание оперативного партийного центра в России. Вот как писал об этом Джугашвили ещё в августе 1909 года в статье «Партийный кризис и наши задачи»:

«Вследствие кризиса революции, наступил кризис и в партии — организации потеряли прочные связи с массой, партия раздробилась на отдельные организации.

Необходимо связать наши организации с широкими массами — эта задача местная.

Необходимо связать упомянутые организации между собой, вокруг Центрального Комитета партии, — эта задача центральная.

Для разрешения местной задачи необходима, наряду с общеполитической агитацией, агитация экономическая на почве острых повседневных нужд, систематическое

вмешательство в борьбу рабочих, создание и укрепление фабрично-заводских партийных комитетов, сосредоточение в руках передовых рабочих возможно больше партийных функций, организация «собеседований» передовиков для воспитания выдержанных и вооружённых знаниями вождей рабочих.

Для разрешения же центральной задачи необходима общерусская газета, связывающая местные организации с Центральным Комитетом партии и объединяющая их в одно целое.

Только при разрешении этих задач может выйти партия из кризиса здоровой и обновлённой, только при выполнении этих условий может взять на себя партия ответственную роль достойного авангарда героического русского пролетариата.

Таковы пути для разрешения партийного кризиса».

С тех пор минуло два года, но ситуация качественно не изменилась. Оказавшийся на свободе Джугашвили знал, что надо делать и как надо делать. Следовало как можно скорее оторваться от полицейской опеки и взяться за настоящую работу.

В агентурной записке по г. Тула фиксируется попытка Джугашвили выйти на контакт с заграничным центром через тульских социал-демократов, а секретный сотрудник Вологодского ГЖУ «Пацкевич» (Е.О. Недзвецкий) сообщает об аналогичной попытке, предпринятой Кобой через сольвычегодского ссыльного И.М. Голубева.

Уже в начале августа, нелегально покинув на несколько дней Вологду, Джугашвили смог пересечься в Петербурге с Серго Орджоникидзе, прибывшим в столицу из-за границы. 17 августа начальник Московского ОО полковник Заварзин в совершенно секретном сообщении ставит начальника Вологодского ГЖУ в известность о новом высоком статусе Джугашвили. 21 августа Вологодское ГЖУ уведомляет Московскую охранку о круге лиц, связи «Кавказца» с которыми удалось зафиксировать в результате наружного наблюдения.

Ежедневно, сменяя друг друга, «Кавказца» водят по городу четыре филёра. Наиболее часто ими фиксируются контакты с «Кузнецом» (П.А. Чижиковым). В отчёте Московскому ОО начальник вологодских жандармов полковник Конисский отмечает, что Джугашвили через Чижикова ежедневно получает корреспонденцию, но ввиду того, что «Джугашвили, будучи, видимо, очень хорошо знаком с техникой наблюдения, ведёт себя крайне осторожно», «узнать по какому адресу и откуда она получается, не представляется возможным».

Становится ясно, что долго Коба в Вологде не пробудет, и Конисский приходит к выводу: «Для настоящего времени, принимая во внимание, что Джугашвили очень осторожен и вследствие этого наблюдением легко может быть потерян, являлось бы лучшим производством обыска и ареста его ныне же в Вологде, ввиду чего и прошу сообщить, имеются ли в вашем распоряжении такие данные о Джугашвили, которые могли бы быть предъявлены к нему по возбуждению о нём дела, и не имеется ли препятствий с вашей стороны к обыску теперь же у этого лица».

Но 25 августа начальник Московской охранки в категорической форме требует от вологодских коллег недопущения обыска и ареста Джугашвили, а лишь неуспешного наблюдения за ним с извещением о его перемещениях. Операция началась.

Для вскрытия столичных нелегальных позиций РСДРП, уходящих за границу, и получения возможности произвести масштабные аресты Департамент полиции использовал секретного агента «Пелагею» (А.С. Романова). Последний добился того, чтобы заграничный центр поручил именно ему устроить Джугашвили в Петербурге и поручил обеспечить переезд Кобы закавказскому социал-демократу С.И. Филия, знавшему Джугашвили лично. При этом Московское охранное отделение, скрывая свой источник в верхах РСДРП, решило коллег в Вологде о деталях операции не уведомлять.

6 сентября 1911 года в 3.45 филёр Вологодской охранки Ильчуков «привёл» «Кавказца» на вокзал и, зафиксировав контакт последнего с «Кузнецом», сел вслед за наблюдаемым в петербургский поезд. В поезде Ильчуков заметил с «Кавказцем» неизвестного (им, скорее всего, был Филия), приметыв которого указал в отчёте, но впоследствии опознать по предложенным фотокарточкам не сумел. По приезде в столицу он передал «Кавказца» филёру Петербургского ОО Полудеткину. Однако в ходе

наружного наблюдения Джугашвили почти тут же был утерян, и филёры ничего не знали о его местонахождении с 8.40 по 12.05! На другой день, 8 сентября история повторилась: Джугашвили вновь скрылся от наблюдения с 17.30 до 0.45. А 9 сентября последовали его арест и помещение в Петербургский дом предварительного заключения. Так что, не будь «освещения изнутри», то есть провокации и предательства, не видать бы охране «Кавказца» как своих ушей...

И всё же, несмотря на такую солидную подготовку, полицию ожидало разочарование: при аресте Джугашвили у него не было обнаружено ничего противозаконного, если не считать таковыми записную книжку и русско-немецкий разговорник. Этого явно не доставало, чтобы «закрыть» центровика «по полной», а фабрикация полицией улики в ту пору ещё не стала столь обыденной, как сейчас. Но, заполучив такую добычу, сдаваться не хотелось. Обстоятельства первых 8 дней заключения Кобы, когда Петербургское охранное отделение в нарушение порядка не уведомляло о его аресте Департамент полиции, позволяют предположить, что московская и питерская охранка пытались в это время как можно больше выжать из арестанта, а, быть может, и сделать его участником своих новых комбинаций. Но их надежды не оправдались, и 17 ноября Джугашвили присудили высылку под гласный надзор на пять лет в пределы Восточной Сибири.

Вдоворённый в г. Вологду, он уже 29 февраля следующего года совершает побег. 22 апреля снова арестовывается, а 1 сентября вновь бежит. И вновь оказывается в руках полиции лишь в феврале 1913 года, успев за минувший, столь беспокойный год наладить издание общерусской большевистской «Правды», координировать выборы большевиков в IV Госдуму, дважды выехать за границу на совещания ЦК. В последний раз его «берут» благодаря также предательству, на этот раз «товарища» Малиновского...

Год 1919-й. «Кровожадные большевики» или горячий месяц под Петроградом

17 мая 1919 года член ЦК РКП(б), народный комиссар и член Реввоенсовета республики И.В. Сталин направляется Центральным Комитетом и Советом Рабоче-Крестьянской Обороны на Петроградский фронт в качестве чрезвычайного уполномоченного в связи с наступлением Юденича и угрозой Петрограду. Его миссия заключалась в организации выполнения директив ЦК и Совета Обороны по отражению наступления белогвардейских войск, наведению революционного порядка в городе и очистке фронта и тыла 7-й армии от контрреволюционных заговорщиков.

Смысл этих слов, – «чрезвычайный уполномоченный», «революционный порядок», «очистка фронта и тыла», – может быть неясен, либо, ещё хуже, – искажён, если упустить из виду два момента, чью социально-политическую значимость невозможно переоценить.

Во-первых, гражданская война в России никогда бы не разрослась до известных масштабов, не будь внешнего вмешательства. Без мощной финансовой, материально-технической, прямой военной поддержки антисоветских сил она была просто невозможна и никогда бы не вышла за рамки саботажа, терактов, локальных мятежей. Организованные вооружённые формирования, противостоящие Красной Армии, от начала и до конца снабжались и вооружались из-за рубежа, при этом спонсоры, без стеснения кроя русскую территорию на сферы влияния, своих устремлений не скрывали. Об этом стыдливо забывают нынешние поборники странной идеи «примирения белых и красных», современникам же всё было предельно ясно.

Будь иначе, значительная доля царского офицерства, несмотря на учёты и мобилизации, никогда бы не оказалась в Красной Армии. Слой профессиональных военных в России как социально-классовый элемент империи был призван служить опорой и защитой помещичье-буржуазной диктатуры. Эта категория досталась Советской власти в наследство как часть старой государственной машины, которая, как и прочие её части, естественно встретила перемены саботажем и сопротивлением. Сам порядок вещей требовал от кадровых военных встать в ряды белых, сражавшихся за

военно-буржуазную диктатуру, а по сути – монархическую реставрацию, как её себе мыслили англо-франко-американо- и пр. интервенты. Однако совесть и патриотическое чувство русского военного привели многих из них (по подсчётам признанного специалиста в этой области историка А.Г. Кавтарадзе – примерно половину от всех, принявших участие в Гражданской войне) в классово чуждый лагерь, то есть к красным.

Вторым значимым фактором было ожесточение воюющих сторон, доходившее до крайней степени беспощадности. В этом отношении наша Гражданская война мало отличается от других, ибо целью классовой войны и является уничтожение классового врага. В ходе социальной революции ликвидация бывшего правящего класса не связана, конечно, с физическим уничтожением, а осуществляется, прежде всего, изменением юридическо-правовых отношений, в первую очередь отношений собственности, ограничением в правах (избираться, наследовать имущество) и пр. Не зря Октябрьская революция стала одной из самых бескровных в истории. Другое дело, когда лишённый власти класс берётся за оружие. Первые же акты гражданской войны, осуществлённые контрреволюционными силами под руководством и на средства представителей стран Антанты, определили характер всей дальнейшей борьбы.

В конце мая 1918 года начался мятеж чехословацкого корпуса, сопровождавшийся массовыми арестами и казнями советских и партийных работников, революционных рабочих и крестьян. В это же время советские отряды, отступающие под ударами кайзеровских войск с Украины к Царицыну, уводившие от интервентов эшелоны сырья и снарядов, раненых и шахтёрские семьи, попали под удар сформированных при германской поддержке и под германским управлением отрядов Краснова и Мамонтова. 23 мая из-за измены станционного начальника на станции Суровкино казакам удалось захватить эшелон с 600 ранеными. Отбив станцию через три дня, ворошиловцы обнаружили трупы своих товарищей, зверски замученных, зарубленных, подвешенных к потолкам вагонов вверх головой. В июле ярославский мятеж савинковского «Союза защиты родины и свободы», сформированного и снабжаемого на английские средства, дал очередные примеры самого дикого террора против коммунистов и советского актива. Уцелевших после расправ мятежники поместили на «баржу смерти», поставленную посреди Волги, и обрекли их на мучения и голод (из 200 человек в живых осталась половина). Мало кто помнит об этом, тогда как мифы о «царицынской барже», на которой была организована тюрьма для подозревавшихся в измене военспецов и которую буйная фантазия антисоветчиков отправила на волжское дно, живут и множатся.

Вообще, обо всём этом очень не любят вспоминать обличители красного террора, декрет о котором, как известно, был принят спустя 2-3 месяца после описанных событий, лишь 5 сентября 1918 года.

Объектом принуждения со стороны красных были представители эксплуататорских классов: городская и сельская буржуазия, чиновничество, офицерство. Белые же открыли тотальную борьбу с «грядущим хамом» в лице рабочих и крестьянских активистов, ставших советскими работниками и красноармейцами. «Особое отношение» было у белых к крестьянам, посягнувшим на «барскую землю». В результате массового «приведения крестьянства к повиновению» и насаждения на временно захваченных белогвардейцами территориях земельных отношений дофевральской поры к концу 1919 года прочно восстановили против себя крестьянские массы, лучше, чем это сделала бы самая энергичная и изощрённая советская пропаганда.

Но весной 1919 года крестьянство составляло самую массовую, притом самую нестойкую часть противоборствующих армий. А с учётом замещения значительной доли командных и штабных должностей в Красной Армии бывшими офицерами имелись серьёзные основания сомневаться в её боеспособности. В марте на VIII съезде РКП(б) Сталин прямо заявлял: *«Те элементы нерабочие, которые составляют большинство нашей армии, – крестьяне, они не будут драться за социализм, не будут! Добровольно они не хотят драться. Целый ряд фактов на всех фронтах указывает на это. Целый ряд бунтов в тылу, на фронтах, целый ряд эксцессов на фронтах...»* Это горькое заключение опубликовано в 4 томе прижизненных сталинских Сочинений. А следующий фрагмент: *«Товарищи, работающие на фронтах, [знают], что,*

хотя имеется декрет о привлечении на военную службу элемента только пролетарского, на самом деле на Южном фронте и на Восточной части сформированы из полубелогвардейцев. Как показывает расследование, Главный штаб формирования привлекает на военную службу эксплуататоров, и во главе полка вдруг оказывается человек, обложенный в 16-20 тысяч революционного налога, то есть просто кулак. Такие недочёты должны быть исправлены», – этот фрагмент, рисующий не менее плачевную ситуацию в штабах, в состав тех Сочинений не вошёл. Ещё определённое Сталин высказался в июльском разговоре с Лениным: *«Военспецы – не то, что буржеспецы вообще, нельзя сравнивать их (учиться у сельскохозяйственных, технических спецов, иное у военспецов: все тайны у них, больше недоверия)»* (записано ленинской рукой).

После Царицына и Перми это была третья «военная» командировка Сталина, который уже имел к тому моменту определённый опыт работы, как в должности чрезвычайного комиссара, так и члена РВС фронта. И уже наглядился на сдачу нестойких частей полным составом в плен, на перебежки спецов с оперативными картами и планами (чего стоила измена начальника штаба Северо-Кавказского военного округа бывшего полковника Носовича). Весна завершалась в ожесточённых, но успешных боях на востоке с Колчаком. Лето определённо обещало решающую схватку на юге с Деникиным и казачьими армиями. Напрягая все силы, Советская Республика вырывалась из кольца фронтов. Не удивительно, что этот момент и был избран белогвардейцами и англо-финскими интервентами для нанесения удара по Петрограду.

Но дело не ограничивалось нападением извне. Количество заговоров, измен и диверсий в районе Петрограда зашкаливало. Пущенная на самотёк, ситуация грозила самыми печальными последствиями. К середине мая в результате внезапного удара белых на нарвском и гдовском направлениях на фоне активной подрывной деятельности положение вокруг колыбели революции становилось критическим. Петроградский Совет принял решение об эвакуации ряда предприятий и затоплении судов. 19 мая, на второй день после приезда в Петроград, Сталин вместе с Зиновьевым подписывает жёсткий документ – приказ по войскам, обороняющим Петроград:

«Буржуи и помещики прибегают к новой хитрости. В решительную минуту на боевом участке появляется обыкновенно какой-нибудь наймит белогвардейцев. Этот негодяй начинает кричать: вас обошли, вы окружены, сдавайтесь, а то всех перебьём.

Бывает и так, что среди наших советских войск найдётся паршивая овца, которая хочет перепортиť всё стадо. Бывает так, что некоторые иуды предатели идут в Красную Армию для того, чтобы в решительную минуту предать вас.

Настоящим объявляется:

Семьи всех перешедших на сторону белых немедленно будут арестовываться, где бы они ни находились.

Земля у таких изменников будет немедленно отбираться безвозвратно.

Всё имущество изменников [будет] конфисковываться.

Изменникам возврата не будет. По всей Республике отдан приказ расстреливать их на месте.

Семейства всех командиров, изменивших делу рабочих и крестьян, берутся в качестве заложников.

Только немедленное возвращение на сторону рабочих и крестьян Советской России и сдача оружия избавит перебежчиков от беспощадной кары.

Кто за рабоче-крестьянскую Россию, кто против предателей России, тот должен быть в рядах Красной Армии, тот должен сражаться с белыми до полного их истребления.

Солдаты Красной Армии! Вы защищаете свою землю, вы защищаете власть рабочих и крестьян, вы защищаете вашу родную рабоче-крестьянскую Россию. Белые хотят вернуть царя и рабство, белые подкуплены английскими, французскими, немецкими и финскими буржуями, врагами рабоче-крестьянской России.

Белых надо истребить всех до единого. Без этого мира не будет.

Кто сделает хоть один шаг в сторону белых, тому смерть на месте.

Настоящий приказ прочитать во всех ротах».

Обращают на себя внимание следующие моменты. Угроза конфискации земли прямо указывает на аудиторию, к которой приказ обращён. Семьи командиров являются ответственными за предательство кормильца. Расстрел на месте грозит изменникам с момента объявления приказа, однако здесь же перебежчикам, уже ушедшим к белым, обещано прощение. Ясно, что жёсткость приказа-листовки обусловлена катастрофическим положением на фронте. Трудно объяснить её усугубление историками в начале 90-х годов прошлого века путём намеренно неточного цитирования (см. например очерк Липицкого «Сталин Иосиф Виссарионович» в книге «РВС Республики», М., 1990 и др.). Полыхавшая уже год смертельная классовая война давно не оставила никаких иллюзий относительно гуманности к поверженному противнику. Измена и предательство в этих условиях требовали к себе самого беспощадного отношения. Между тем, следует знать, что страшные слова цитированного выше приказа во многом оставались не более чем словами, призванными скорее предупредить, чем наказать. Так, лишь 11 июня, когда сдача белым целых подразделений своими штабами приняла систематический характер, Сталин и Зиновьев требуют от РВС 7 армии выполнения старого, ещё январского приказа Троцкого о взятии на учёт семей командного состава и требования от военспецов подписки в том, что, обещая служить честно, они берут на себя ответственность за судьбу родных.

В центре внимания Сталина оказались три взаимосвязанных ключевых момента, от которых зависел успех или неуспех в обороне города: стойкость частей на фронте, качество и количество пополнений и подрывная деятельность в прифронтовой полосе и в тылу. В этой ситуации он действует чётко и последовательно. И хотя вопросы о формировании пополнений, организации обороны на фронте, использовании Балтийского флота, эвакуации, казалось бы, напрямую его не касаются и лежат вне его компетенции, это Сталина не волнует. Он вообще мало заботился о разграничении полномочий, широко пользуясь тем, что одновременно являлся и дважды народным комиссаром, и членом ЦК, и полномочным представителем Совета Оборона, и членом РВС Республики. Это бесило Троцкого, видевшего лишь желание всюду сующей нос некомпетентной посредственности утвердить свою значимость.

Однако Царицынский опыт научил Сталина, что если хочешь, чтобы войска были, например, обеспечены боеприпасами, то даже если это и должен делать кто-то другой, разузнай, проконтролируй, а если надо – выбей, выжми и вырви их у тех, кто не сумел или не смог вовремя выполнить свои обязанности, иначе дела не будет. Справедливо или несправедливо отстранён сейчас тобой тот или иной начальник, правильно или неправильно реквизированы патроны, паровозы или броневики – разберёмся завтра, а сегодня враг остановлен ещё на один день, люди получили горячую пищу, в них укрепилась вера в то, что выстоим. Этот стиль, плохо укладывавшийся в общую систему военных и хозяйственных отношений, выработался у Сталина на сознании того, что, во-первых, порученный ему участок – главный, и, во-вторых, при выполнении задачи важна каждая мелочь, и нет вещей, которые тебя не касаются. Тем более, что Сталину приходилось действовать там, где требовалась быстрота и чёткость, а организации, структуру и правила которой надо учитывать, подчас не было в принципе. И тогда он немедленно выстраивал её, как сделал это в Царицыне, как вдвоём с Дзержинским они сделали это в Перми. Понятно, что «взирать на лица» ему при этом было некогда (вспомним его лапидарное «Не принимать во внимание», наложенное в Царицыне на телеграмму наркомвоена)... Известно, что такой стиль снижал Сталину славу грубого, капризного и лицемерного человека. Следовало бы только разобраться, в каких ситуациях и в чьих глазах.

В день выпуска процитированного приказа-листовки об изменниках, 19 мая он пишет Ленину в Москву: «Назначены членами реввоенсовета фронта Позерн и Шатов и направлены с двумя карательными ротами на фронт». Из дальнейшей переписки ясно, что «карательные роты» – подразделения, латающие дыры на фронте и собирающие бегущих. На другой день тому же адресату: «Фронт приводится в порядок. Посланы три карательные роты в Лугу, Гатчину и Красное Село. Мобилизованы все передовые силы и посланы на линию фронта». 21 мая: «Шестая дивизия, охраняющая

Сталин, Ленин, Калинин

Гатчинский район, разложилась окончательно. Три карательные роты, посланные из Питера, с трудом сдерживают отходящих, противник напирает на Гатчину». За несколько дней путём жёстких мер на фронте, рабочих мобилизаций и укрепления 7-й армии ситуацию, казалось, удалось стабилизировать.

27 мая уже Ленин направляет в Петроград тревожную телеграмму: «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства. Только этим можно объяснить нападение со сравнительно незначительными силами, стремительное продвижение вперёд, а также неоднократные взрывы мостов на идущих в Петроград магистралах. Похоже на то, что враг имеет полную уверенность в отсутствии у нас сколько-нибудь организованной военной силы для сопротивления и, кроме того, рассчитывает на помощь с тыла (пожар артиллерийского склада в Ново-Сокольниках, взрывы мостов, сегодняшние известия о бунте в Оредеже). Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров. Ленин». Сталин отвечает: «Мы пришли практическим путём к тому же выводу, к которому приходите Вы дедуктивным путём. Можете быть уверены, что будет сделано всё, что возможно сделать». И в тот же день направляет сведения о поступивших пополнениях: «Обследование, предпринятое вместе с Позерном, показало, что эти тринадцать тысяч – совершенно рыхлый элемент, который, если он будет пущен на фронт, разложит любую армию». Сталин понимает, что в сложившейся острой обстановке полагаться можно только на надёжные, сознательные части – мобилизованных рабочих и матросов.

Его худшие опасения оправдываются. «Сегодня утром, – пишет он Ленину 29 мая, – после начатого нами успешного наступления по всему фронту один полк в две тысячи штыков со своим штабом открыл фронт на левом фланге под Гатчиной, у станции Сиверская, и со своим штабом перешёл на сторону противника». Назавтра, 30-го в Москву уходят подробности: «На сторону белых вчера перебежал третий петроградский полк петроградского формирования – 2000 штыков. Коммунистов в нём не более 90. При перебежке коммунисты перебиты. По точным данным весь полк вчера же пущен в ход против нас. Сегодня он разбит нашими частями, есть пленные, которые подлежат торжественному расстрелу. Расследование начато вчера же. Семьи перебежчиков арестованы».

Крестьяне, не желающие воевать за свою же землю, бегут. Но бегут не просто как обычные дезертиры. Их переводят на сторону противника их же командиры. Не помогли ни грозные приказы, ни предпринятые усилия по выявлению и предупреждению измены. Хотя, как следует из телеграммы, постфактум меры приняты самые крутые.

Между тем, к выступлению уже были готовы заговорщики и в кронштадтских фортах, и в штабах разного уровня. Ещё не зная всей правды, но верно оценивая масштабы угрозы, Сталин телеграфирует в Москву: «Весь Петроград, вся Петроградская фронтовая полоса опутаны сетью шпионажа. Нити шпионажа сходятся, Вы знаете, где. Ведётся интенсивная работа по очистке. Обстановка требует от нас полной беспощадности. Вся беда в недостатке опытных работников по очистке. Считаю абсолютно необходимым срочный приезд Дзержинского и Кедрова недели на две для усиления работы особотдела и чека. Медведев не справляется». Уже на другой день Кедров на месте, но Сталин продолжает настаивать на приезде именно Дзержинского.

4 июня открытым текстом названы те, кто, по мнению Сталина, стоит за дезорганизацией петроградского фронта: «Посылаю взятый у швейцарцев документ. Из документа видно, что не только Всероглавиштаб работает на белых (помните переход 11-й дивизии на сторону Краснова осенью прошлого года под Борисоглебском или переход полков на Пермском фронте), но и Полевой штаб Реввоенсовета Республики во главе с Костяевым (резервы распределяются и передвигаются Костяевым).

Весь вопрос теперь в том, чтобы Цека нашёл в себе мужество сделать соответствующие выводы. Хватит ли у ЦК характера, выдержки.

Разбор материалов продолжается, причём открываются новые «неожиданности». Я бы написал подробнее, но нет ни минуты свободного времени. Пусть Петерс расскажет».

Спустя много лет, Троцкий в книге, посвящённой Сталину, иронизировал по поводу упомянутого в телеграмме документа, текст которого, к сожалению, до сих пор не опубликован. И иронизировал напрасно. Тогда, в 1919-м, он тоже возмущался в связи с обвинением и арестом Костяева, Вацетиса и других бывших генералов и офицеров, занимавших высшие военные должности в республике («причуды» и «озорство»), и получил от Ленина отповедь: «Т. Троцкий ошибается: ни причуды, ни озорства, ни каприза, ни растерянности, ни отчаяния, ни «элемента» сих приятных (Троцким с ужасной иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошёл: большинство ЦК пришло к убеждению, что ставка «вертеп», что в ставке

Троцкий

неладно, и в поисках серьёзного улучшения, в поисках средств коренного изменения, сделало определенный шаг. Вот и всё».

Кстати, и Костяев, и Вацетис вскоре были освобождены. Персонально им обвинений в измене не предъявили. И хотя, простите, за бардак, который творился в Полевом штабе, они несли прямую ответственность, Советская власть их наказывать не стала. Гуманная была власть.

9 июня Сталин сообщает о новом предательстве среди прибывших пополнений. «Из пришедших от Всероглавиштаба подкреплений ярославского формирования полтора батальона вчера опять сдались по инициативе своих командиров. Недостаток надёжных командиров сказывается всё время». 10-го – то же: «На сторону

противника перешла не одна рота, а три роты пехоты и один конный полк с двумя орудиями. Причина та же, о чём уже сообщалось».

11 июня в результате диверсии взорван минный склад на форте Павел, в результате чего форт основательно разрушен. А 13-го вспыхнул мятеж на форте Красная Горка. В результате в плен попали свыше 350 коммунистов, – отряд кронштадтцев, прибывших накануне на помощь форту, – которые после пыток и издевательств были расстреляны мятежниками. Но в полной мере планам заговорщиков, рассчитывавших при поддержке британской эскадры захватить всю систему кронштадтских укреплений, не суждено было сбыться. К мятежному форту присоединился только форт Серая Лошадь. А уже к 16 июня мятеж был подавлен, форты возвращены.

Чрезвычайные меры по выявлению и ликвидации измены стали приносить плоды. 18 июня Сталин сообщает в Москву: «В районе Кронштадта открыт крупный заговор. Замешаны начальники батарей всех фортов всего укрепленного кронштадтского района. Цель заговора – взять в свои руки крепость, подчинить флот, открыть огонь в тыл нашим войскам и прочистить Родзянко путь в Питер. У нас имеются в руках соответствующие документы.

Теперь для меня ясно то нахальство, с которым шёл Родзянко на Питер сравнительно небольшими силами. Понятна также наглость финнов. Понятны повальные перебежки наших строевых офицеров. Понятно также то странное явление, что в момент измены Красной Горки английские суда исчезли куда-то: англичане, очевидно, не считали «удобным» прямо вмешаться в дело (интервенция!), предпочитая явиться потом, после перехода крепости и флота в руки белых, с целью «помочь русскому народу» наладить новый «демократический строй».

Очевидно, что вся затея Родзянко и Юденича (у которого сходятся все нити заговора, финансируемого Англией через итальянско-швейцарско-датское посольства) базировалась на удачном исходе заговора, надеюсь, задушенного нами в зародыше (все замешанные арестованы, следствие продолжается).

Моя просьба: не делать никаких послаблений арестованным чинам посольств, держать их при строгом режиме до момента окончания следствия, открывающего новые богатые нити.

Подробнее расскажу через дня три-четыре, когда я думаю приехать в Москву на день, если Вы не возражаете».

К 22 июня наметился явный перелом в ситуации: «За неделю не было у нас ни одного случая частичных или групповых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежки из лагеря противника в наш лагерь участились. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием».

Было бы занятно, если бы какой-нибудь въедливый и компетентный историк раскопал доказательства того, что все эти обратные перебежки согласно майскому приказу были беспощадно поставлены к стенке. Правда, несмотря на достаточную сохранность архивов той поры, таких документов пока не нашли (а что искали, да ещё как, – сомневаться не стоит). Зато нет сомнений в том, что, если бы в соответствии с приказом перебежчиков расстреливали, чего на фронте скрыть при всём желании нельзя, за пулей к красным бы не возвращались.

Насколько полно и своевременно удалось в мае-июне 1919 года воспрепятствовать изменнически-заговорщицкой деятельности, сказать трудно. Время показало, что ряд ключевых фигур, таких как назначенный в июле на должность начштаба 7 армии бывший полковник Генерального штаба Люденквист и ряд других, проявили себя как предатели позже, в ходе осеннего наступления Юденича на Петроград. Да и то, что заговор в кронштадтских фортах не удалось раскрыть вовремя, успехом, наверное, не назовёшь. Однако можно с уверенностью утверждать, что игнорирование угрозы, которую представляли подобные заговоры, могло стоить нам реальной потери Петрограда в июне 1919 года. А значит миссию, возложенную на него ЦК, Сталин в Петрограде выполнил. И сделал это в своём стиле, активно вмешиваясь помимо своих прямых задач, в вопросы снабжения армии боеприпасами и шинелями, неправомерной эвакуации из Петрограда санитарного управления, снабжения Балтфлота углём и нефтью, строительства военных укреплений, обеспечения секретности при

пересылке ежедневных боевых сводок в звене дивизия – штабарт 7 и т.д., и т.д., и т.д.

И ещё. Говорят, Сталин был патологически подозрителен. Напраслину ведь возвёл на Вацетиса и Костяева! Не изменники они были, а просто не обеспечили в аппарате высших штабных органов Республики должного порядка и контроля, в результате чего там скопилась масса бывших офицеров, которым было всё равно, на чьей стороне служить, лишь бы был усиленный паёк. И тут же беспрепятственно действовали настоящие предатели.

Сталину это всё почему-то показалось подозрительным, и он, наплевав на порядки, субординацию и т.п. поставил вопрос перед ЦК и добился качественного изменения ситуации.

А 26 июня за тысячи километров от Петрограда командующий 9 армией Южного фронта Красной Армии, бывший полковник Всеволодов, подорвав противоречивыми и неумелыми указаниями армейскую оборону, бросил свои гибнущие в кольце окружения дивизии, захватил семью и переехал в автомобиле на сторону белых.

Командующий Южным фронтом и член его РВС подозрительными не были.

Год 1943-й. Благородное панство между Сталиным и Гитлером

К февралю второй военной зимы, победоносно завершив легендарную Сталинградскую операцию, Советский Союз добился в противоборстве с фашистской Германией таких результатов, что мало у кого оставались сомнения в неизбежности перемещения театра военных действий на запад. И хотя было ясно, что это перспектива не ближайших месяцев, что нам предстоит ещё решающие сражения с гитлеровцами на Украине и в Белоруссии, заметно активизировалась польская дипломатия.

Уже летом 1941 года было понятно, что если Германии удастся одолеть СССР, спасения Польши ждать будет неоткуда. Освободить польскую землю от гитлеровцев могла только Красная Армия. Как, впрочем, только Красная Армия могла защитить её и от оккупации, будь польское предвоенное руководство дальновиднее и не ориентировалось оно на столь же твёрдые, сколь и голословные гарантии западных демократий и призрачные заверения Гитлера.

Эмигрантское правительство в Лондоне подписало с СССР 30 июня 1941 года межправительственное соглашение, где, между прочим, был и такой пункт:

«4. Правительство СССР выражает своё согласие на создание на территории СССР Польской армии под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского Правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель Польской армии. Все детали относительно организации командования и применения этой силы будут разрешены последующим Соглашением». Но было бы ошибкой думать, что поляки всерьёз намеревались действовать в соответствии с процитированным пунктом. Англичане дали понять польскому премьеру Сикорскому, что желательнее настаивать в разговоре с Москвой на таком районе дислокации, чтобы был возможен контакт с английскими войсками (например, на Кавказе). 28 августа Сикорский направил послу в Москве Коту инструкцию, в которой говорилось о необходимости подготовить план вывода будущей польской армии из СССР в районы Ближнего Востока либо в Индию или Афганистан, а в инструкции от 1 сентября 1941 года генералу Андерсу Сикорский прямо указал на нежелательность использования польских войск на советско-германском фронте.

В свете этого презабавно выглядит «искреннее возмущение» Сикорского и Андерса, которые во время беседы со Сталиным 3 декабря 1941 года сетуют то на недостаток снабжения польских формирований (это в декабре-то, когда немцы стоят у стен Москвы!), то на непривычно суровый климат в местах их дислокации. При этом Сикорский замечает, что все эти бедствия особенно тревожат его потому, что его главное желание – сражаться бок о бок с Красной Армией против фашистов. Но в ситуации, когда так страдают его мёрзнувшие солдаты, он, мол, позволил себе поинтересоваться у англичан, а не могут ли те, например, предложить полякам более тёплый регион. И – надо же! – англичане не отказали... Эта невинная польская игра вряд ли ввела

Сталина в заблуждение (вообще, остаётся только поражаться искренней вере тогдашней польской дипломатии в то, что партнёр обязательно останется в неведении насчёт сделанных за его спиной недружественных шагов). *«Что же мы будем торговаться! – подвёл черту Сталин. – Если поляки хотят драться ближе к своей территории, то пусть остаются у нас. Не хотят – мы этого требовать не можем. В Иран, так в Иран. Пожалуйста! Мне 62 года, и у меня есть жизненный опыт, который мне говорит, что там, где армия формируется, там она и будет драться».*

А устав выслушивать жалобы и зная, что дело вовсе не в них, высказался ещё прямее: *«У Вас 60 % резервистов, и Вы решили, что нельзя ничего сделать. Не дали досок, и Вам кажется, что всё пропало? Мы возьмём Польшу и передадим её вам через полгода. У нас войска хватит, без вас обойдёмся. Но что скажут тогда люди, которые узнают об этом? А польским войскам, которые будут находиться в Иране, придётся бороться там, где этого пожелают англичане».*

Насчёт полугода, конечно, преувеличил. А в остальном, что называется, глядел как в воду...

В результате доблестные польские патриоты, так радевшие за скорейшее освобождение отчизны, к июлю 1942 года практически в полном составе покинули СССР, чтобы, как и предчувствовал советский лидер, никогда уже не столкнуться с оккупантами на полях родной Польши. Те же, кто, вопреки «здравому смыслу», остались, приняли затем участие в формировании первой польской дивизии им. Костюшко под командованием Зигмунда Берлинга, с боями прошли Белоруссию, участвовали в освобождении Польши и штурме Берлина.

С этого момента сотрудничество лондонского эмигрантского правительства с Москвой стало носить, как бы сейчас выразились, скорее виртуальный и притом какой-то односторонний характер. Делать свой вклад в общее дело борьбы с фашизмом поляки имели мало возможностей и, как представляется, ещё меньше желания. Зато требования к Советскому Союзу росли с неослабевающей силой. К весне 1943 года подобная политика в отношении СССР стала приносить естественные, но почему-то неожиданные для поляков плоды в виде роста взаимной напряжённости. И тут, следуя то ли специфическому представлению о национальной гордости, то ли подзуживанию Черчилля, демонстрируя абсолютное равнодушие к судьбе Польши, лондонское правительство решило на Сталина нажать!

Камнем преткновения, что хорошо понимали все участники процесса, являлась судьба Западной Украины и Западной Белоруссии. Отторжение Польшей по Рижскому договору 1921 года в результате агрессии против РСФСР и Советской Украины территорий с преимущественно непольским населением, приведшее к разделению украинского и белорусского народов, носило для СССР несправедливый и вынужденный характер. Этого не могли не понимать в Варшаве и в течение 20-х – начала 30-х годов неоднократно спекулировали на тему советской агрессивности и милитаризма, якобы направленных против суверенной Польши. Между тем украинско-белорусское население аннексированных областей подвергалось открытой дискриминации.

Эту карту – неумённое желание поляков удержать то, что тебе никогда ни принадлежало, и с чем не можешь управиться – умело разыграл Гитлер. Драма сентября 1939 года оказалась неожиданной для незадачливых комбинаторов из Варшавы. С фактическим распадом Польши СССР возвратил отторгнутые в 1920 году территории, и белорусский и украинский народы наконец перестали быть разделёнными, почему возвращение западных областей в полном соответствии с существом дела и было квалифицировано как воссоединение Украины и Белоруссии.

Владислав Сикорский

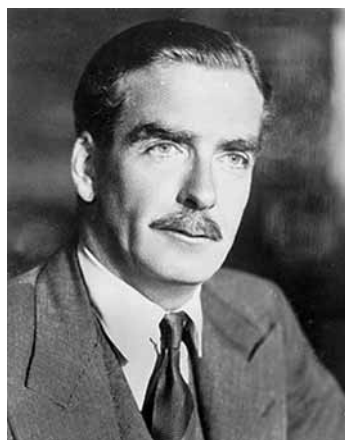
Помимо восстановления исторической справедливости, этот шаг преследовал и другую цель: встретить всё более и более вероятную германскую агрессию на как можно более дальних подступах от центральной России.

Разумеется, такие действия не нашли понимания у западных демократий, впрочем, всегда умевших подразделять свои дела, где щепетильность необязательна, и дела чужие, где разбежся в лепёшку, а докажи, что ты не верблюд. Правда, политика умиротворения, а по сути – поощрения, которую неуклонно проводили эти самые демократии по отношению к настоящему, а не мнимому агрессору, по меньшей мере с 1938 года, после Мюнхена, освободила СССР от обязанности перед кем-либо отчитываться. Стало ясно, что, во-первых, каждый за себя, а, во-вторых, германо-советская война в качестве стратегического варианта развития событий слишком многих устраивала в Европе и не только в ней. Но к июню 41-го, когда война разразилась, ситуация для сторонников такого развития событий сложилась неоднозначная.

Британия оказалась на грани краха. На всех театрах, кроме самого острова, англичане терпели поражение за поражением, а экономика разваливающейся империи собственными силами обеспечить продолжение войны была не в состоянии. В январе 1941 года Рузвельт выступил с идеей экономической поддержки Британии, но большего на тот момент никто ему сделать бы в США не позволил. Прогнозы же американских аналитиков однозначно сходились в том, что если СССР не устоит, победа Гитлера в мировом масштабе становится делом времени, причём не слишком отдалённого. В одночасье оказалось, что с судьбой Советской России неразрывно связано будущее всего мира.

И в этой ситуации, в декабре 1941 года на переговорах с британским министром иностранных дел Энтони Иденом Сталин в качестве одного из необходимых условий, на которых созидалось как военное, так и послевоенное содружество противостоящих

Гитлеру наций, выдвинул признание границ СССР на момент германской агрессии. Этот шаг оценивается историками неоднозначно (что, впрочем, типично для сталинских шагов). Считается, что в зависимости от важной, но частной проблемы признания границ оказалось поставлено взаимопонимание и сотрудничество в «Большой тройке». Основания для такой точки зрения, конечно, есть. Но если взглянуть на вопрос шире и не забывать, что с классовой, формационной точки зрения, Советский Союз, хоть и ставший военным союзником Британии и США, противником для них быть не перестал; если принять во внимание, что «холодная война» против Советской России, с которой связывают в первую очередь послевоенный период, на самом деле как началась в 1917, так, ненадолго поутихнув в 1941-1945, и продолжилась; если попытаться найти более подходящий момент, когда так остро нуждались в СССР его невольные союзники

Энтони Иден

и когда интересы первого социалистического государства хочешь, не хочешь, оказывались небезразличны буржуазным странам, – то действия Сталина по международному утверждению СССР в границах 1941 года представляются не столь уж опрометчивыми и непродуманными.

Иден как будто не поддался нажиму, в результате советская сторона отказалась от рассмотрения советско-британского договора (для этого англичанин и приезжал в Москву). Но, вернувшись домой, Иден готовит меморандум о провале московской поездки, в котором содержатся любопытнейшие соображения. «На первый взгляд, требование Сталина кажется умеренным, – пишет министр, – если мы подумаем о том, что он мог бы потребовать гораздо больше, как например, контроль над Дарданеллами, сферу влияния на Балканах, одностороннего навязывания Польше русско-польской границы, доступов к Персидскому заливу и к Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территории...» И далее: «Совсем

нелегко решить, каково было истинное намерение Сталина, когда он настаивал именно на этом требовании при подобных обстоятельствах. Наши согласие или наш отказ не могут так или иначе отразиться на русских послевоенных границах: ни мы, ни Америка не сможем заставить СССР уйти с занятой им в конце войны территории. Однако, возможно, что требование Сталина имеет цель испытать, насколько правительство его величества готово сделать безоговорочные уступки для обеспечения послевоенного сотрудничества с Советским Союзом, иными словами, посмотреть, какое значение мы придаём этому сотрудничеству и насколько для достижения его готовы пожертвовать своими принципами. Если такова, в самом деле, цель Сталина, то надо полагать, что он не согласится на меньшее или на замену этого требования другим.

Сэр Криппс (посол Великобритании в СССР – С.Р.), с кем я советовался после его возвращения из России, придерживается того мнения, что вопрос идёт о том, всё или ничего, и наш отказ удовлетворить Сталина будет обозначать конец всяких перспектив плодотворного сотрудничества с Советским правительством в наших обоюдных интересах, советская политика повернёт на путь преследования собственных, эгоистических интересов, что может иметь неисчислимы последствия для послевоенного периода» (документ этот был добыт нашей разведкой и уже через несколько недель с ним знакомились в Кремле).

Таким образом, пробный шар был пущен и достиг цели. Забегая вперёд, скажем, что, твёрдо придерживаясь избранной линии, Сталин добился того, что к Тегеранской конференции вопрос о границах СССР был решён.

Но лондонские поляки не опускались до таких мелочей, как «перспективы плодотворного сотрудничества с Советским правительством» в «обоюдных интересах». Оценивая их тогдашнюю политику, сомнительно, понимали ли они на самом деле, кто и какой ценой будет освобождать их Родину? Кажется, они считали само собой разумеющимся, что Советы «освободят Польшу и передадут им», об этом и говорить нечего. Другое дело, что к Советам при этом остаются серьёзные претензии. Извольте выслушать, господин Сталин.

С таким вот настроением и прибыл в конце февраля 1943 года на приём к Сталину польский посол в Москве Ромер. В неопубликованной до сих пор записи этой более чем трёхчасовой беседы словно на сцене раскрываются характеры и мотивы персонажей. Она представляла бы собой законченное драматическое произведение, если не принимать во внимание, что от принятых (вернее – не принятых) решений зависели десятки и сотни тысяч жизней поляков и советских солдат.

Начав с протокольного поздравления со Сталинградской победой и 25-й годовщиной РККА, Ромер переходит к делу. Ввиду, по его мнению, близящихся операций Красной Армии на территории оккупированной врагом Польши, он ставит вопрос о содействии со стороны «секретных организаций польского правительства», которые «занимаются в Польше активным антигерманским саботажем». Масштабы этого саботажа не обозначаются, но косвенно могут быть оценены по тому, что посол сообщает о недавнем «настоящем бое» (!) между поляками и немцами в районе Люблина, в котором «немцы понесли значительные потери». Интересно, если бы в Москве учитывали каждый бой, в который вступали с оккупантами советские партизаны, сколько времени потребовалось бы, чтобы только их перечислить?

Далее, Ромер резонно считает, что в ходе наступления Красной Армии, наверное, стоило бы осуществить в Польше «одновременное нарушение действия железнодорожных путей», дабы затруднить немцам переброску войск. «Поляки полагают, – сообщает посол, – что им удалось бы вывести из строя около 85% действующих в направлении советско-германского фронта железных дорог», но – вот незадача! – «польское правительство весьма озабочено последствиями этой акции, за которую немцы ответили бы резкими массовыми репрессиями против польского населения, что могло бы привести в Польше к широкому восстанию, нежелательному в настоящее время».

Постановка вопроса предельно конкретна, и Сталин, естественно, отвечает, что да, «по его мнению – одновременное нападение на германские коммуникации вызвало бы сильные репрессии со стороны немцев».

Очень милый разговор: мы бы хотели помочь, но боимся жертв с нашей стороны. Думаете, будут жертвы? Пострадают ни в чём неповинные поляки?

Что тут скажешь. Действительно, жертв на войне избежать трудно, тем более тяжело, когда страдает мирное население. Так пускай лучше страдает мирное население другой страны, а заодно и её солдаты потому, что в этом ничего страшного для поляков нет.

Но это только начало. Затем следует глубокомысленное рассуждение на тему того, что премьер Сикорский поручил ему, Ромеру, запросить советскую сторону, желает ли она такой операции со стороны польских «секретных организаций» и готовы ли участвовать в ней советские партизаны?

В Москве были хорошо известны установки, даваемые Армии Крайовой из Лондона, воспрещающие всякое сотрудничество с Красной Армией и неявно ставящие советских солдат на одну доску с германскими оккупантами. Поэтому Сталин и отвечает, что неплохо бы для начала установить между польскими и советскими партизанами хоть какой-нибудь контакт.

Посол спрашивает, можно ли понять этот ответ так, «что Советское правительство облегчит установление контакта между военными властями Польши и СССР для содействия осуществлению задуманного поляками плана».

Сталин повторяет, что «польским властям нужно было бы дать указание своим партизанам не пикироваться с украинскими партизанами».

Так и продолжается этот пустой, ничего не означающий обмен репликами, ибо Ромер прекрасно понимает, что никакого сотрудничества с русскими лондонским полякам не надо, но необходимо делать вид, что всё обстоит наоборот. Сталину тем более понятно, что все эти громкие заявления – не более чем болтовня, но обязан отвечать так, будто за ними стоят серьёзные намерения.

Далее в беседе затрагивается ещё более замечательный аспект, а именно участие польских граждан в боях с Красной Армией на стороне вермахта. Вопрос не столь незначительный, как может показаться на первый взгляд. С 1941 по 1945 год Красной Армией было взято в плен 60277 таких бойцов, а союзникам сдались ещё 90000 человек. И это без учёта погибших и дезертиров.

«Поляков силой берут в армию, – жалуется Ромер, – в особенности в западных провинциях Польши... Мобилизацией... охвачено приблизительно 240-250 тысяч молодых поляков призывного возраста. Польское правительство дало польскому населению секретные инструкции всячески противиться вступлению в германскую армию...»

Сталин говорит, что «на советско-германском фронте есть поляки. Так, под Сталинградом, в войсках фельдмаршала Паулюса оказались поляки, которые были взяты нами в плен. Были поляки и под Ленинградом. Вероятно, не все они из Западной Польши... попадались поляки из Кракова, Варшавы и других районов. В их документах имелись пометки немцев о том, что они добровольцы, но это неверно, конечно... По нашим данным, агенты польского правительства в Польше не мешали полякам вступать в германскую армию для того, чтобы потом сдаваться русским... он впервые слышит о том, что польское правительство давало полякам указания не идти в германскую армию».

На это Ромер заявил, что, оказывается, «польское правительство убедилось в недостаточной эффективности методов сопротивления набору в германскую армию». И поэтому предлагает Сталину организацию эмигрантским правительством широкой пропаганды за вступление в вермахт с целью последующей массовой сдачи в плен. Но для этого необходимо, – ни много, ни мало, – заверение Советского правительства в том, что сдавшиеся в плен затем смогут «служить под своими национальными знамёнами и бороться за освобождение своей родины»!

Сколько жизней советских солдат унесут эти «добровольцы», пока представится возможность сдать, обеспечат ли им такую возможность немцы, которые едва ли будут пребывать в неведении относительно «секретной польской пропаганды» – всё это осталось за скобками.

Сталин резонно предположил, что «поляки, вступившие в германскую армию, не смогли бы переходить массами на сторону Красной Армии. Поляков разбросали бы единицами или небольшими группами по немецким войсковым частям и установили бы за ними надёжный надзор... Поляки попались бы в ловушку».

Но Ромер настаивает, напоминая Сталину об уже пленённых соотечественниках. «Как это произошло?... в условиях наступления Красной Армии можно было бы обратиться к полякам с воззванием, призывая переходить через фронт...» Невозможно догадаться, что кроется за этой ахинеей: наглая игра или неосведомлённость о реальной фронтовой обстановке, доходящая до идиотизма.

«Переход – очень опасное дело, – проявляя чудеса терпения, разъясняет Сталин. – Могут убить или русские, или немцы, – стреляют и те, и другие».

Не помогло и это. «Посол заявляет, – бесстрастно фиксирует запись, – что если полякам обещать в будущем службу в польской армии, то они будут массами переходить на сторону Красной Армии через фронт...»

Слушая господина посла и принимая его слова на веру, невольно задаёшься вопросом: что же удерживает горячих отчаянных польских патриотов от того, чтобы «бороться за освобождение своей родины», не покидая ее в частях вермахта, отправляемых на восток? Не может же, в конце концов, целая нация состоять из людей со столь замысловатым устройством интеллекта. Разгадка проста: план эмигрантского правительства и не подразумевал ни настоящего сопротивления немцам, ни настоящей помощи русским. Польские «стратеги» под крылом Черчилля собирались поднять восстание в том самый момент, когда, по их замыслу, немцы уже будут не в силах оказывать сопротивление Красной Армии, а русские ещё не займут крупных городов, прежде всего Варшаву. Чтобы задумать такое, надо было слишком плохо знать, как сражаются немцы, прижатые к стене (да и откуда было знать об этом бравым польским генералам на четвёртом году войны?). Вся дикость и подлость этого «плана» по отношению, прежде всего, к своим согражданам ярко проявилась в варшавской авантюре, ответственность за которую, между прочим, снова попытались и до сих пор пытаются свалить на нас...

Достоверно зная о двойной игре за нашей спиной, Сталин без церемоний пресекает попугайство польского представителя. «За всё время войны, – говорит он, – нам пришлось встретиться только один раз с польской частью: при наступлении на Москву в 1941 году на стороне немцев сражался так называемый польско-литовский батальон. Дрался он жестоко и был уничтожен Красной Армией».

Через несколько минут столь же бессодержательного диалога Сталин спрашивает уже без особого политеса: «Не стоит ли на этом закончить беседу или же у него (Ромера) есть ещё какие-нибудь вопросы». И тогда посол переходит к главной цели своего визита. Озабоченный положением поляков в СССР, он выражает недоумение по поводу решения Советского правительства от 16 января 1943 года, которое «лишает польского гражданства почти всех поляков, находящихся в СССР».

Это момент требует краткого пояснения.

Существуют мнения, что в историографию советско-польских отношений 1942-1943 годов на смену «апологетическому освещению» (бытовавшему при «плохом СССР»), представлявшему «деятельность польского эмигрантского правительства преимущественно в негативном плане», пришёл новый взгляд, «свободный от идеологического» диктата. В соответствии с этим взглядом, «после разгрома немецких войск под Сталинградом и значительного повышения статуса СССР в антифашистской коалиции советское руководство приступило к разработке стратегических планов по расширению своего влияния на Восточную и Центральную Европу. Этим целям служило введение в действие «левицовой альтернативы» – формирование и поддержка в завоевании власти в Польше подконтрольных СССР политических сил... Препятствием навязыванию Польше советской модели оставались принятые ранее обязательства в соглашениях с правительством В. Сикорского. С целью отказа от признания на международной арене легитимности польского правительства на рубеже 1942-1943 гг. И. Сталиным был взят курс на обострение кризиса. Усилилась «война нот», а также полемика на страницах печати, касавшаяся, главным

образом, проблем границ и гражданства. 15 января 1943 г. СНК СССР издал декрет о подчинении советской администрации органов опеки посольства Польши. В ноте от 16 января 1943 г. советское правительство заявило, что поляки, находившиеся на территории Советского Союза, лишались польского гражданства и становились гражданами СССР. Это явилось определённым отходом от соглашений 1941 г.*. И хотя между делом упоминается, что толчком к нарастанию напряжённости послужил визит Сикорского в США, конкретные причины, так сильно возмущившие СССР, скромно обходятся вниманием. И совершенно напрасно.

Как доносила в Москву в декабре 1942 года резидентура советской разведки в Вашингтоне, Сикорский и Рузвельт напрямую обсуждали будущую советско-польскую границу, причём Рузвельт полагал, что Москва согласится на оставление Вильно и Львова в границах Польши. На что Сикорский заметил, что «сожалеет о судьбе Эстонии и Латвии, однако Польша не намерена ссориться из-за них с Россией. В отношении Литвы Сикорский категорически заявил, что поляки не могут равнодушно относиться к её судьбе». Но этого мало, развивая перед президентом свои геополитические императивы, польский премьер заявил, «что после войны должна быть организована федерация в составе Литвы, Польши, Чехословакии и, возможно, Венгрии. Эта федерация должна будет работать в тесном контакте с группировкой балканских стран, включая Грецию...»

Мы уже упоминали о значении, которое придавалось в Москве безусловному утверждению советских границ 1941 года. Что могли означать для нас подобные закулисные «обмены мнениями», долго гадать не приходилось. В игру ввели по существу подконтрольных, но при этом плохо предсказуемых поляков (тот же Черчилль, полагавший, что держит их «на коротком поводке», был по-настоящему сражён поддержкой ими геббельсовской фальшивки о Катьни). И коль уж речь зашла о том, что границы СССР собрались определять без нашего участия да ещё и на фоне откровенного саботажа уже год как обещаемого союзниками второго фронта, оперативность и твёрдость действий Москвы были фактически predeterminedены.

Возвратимся к записи беседы. Продолжая свою мысль, польский посол заметил, что «польскими гражданами» ни много, ни мало, «являются все поляки, жившие в границах польского государства 1939 года». Присутствовавший Молотов возразил, что «вопрос о гражданстве населения Западной Украины и Западной Белоруссии решается в соответствии с советским законом о гражданстве. Советские власти не претендуют на то, что гражданами СССР являются лица, которые случайно были на этой территории. Там находились не только польские граждане, но и румыны, турки, японцы и пр. Никому из них не навязывалось советское гражданство, не навязывалось оно и полякам...»

В разговор включается Сталин: «польские власти почему-то упорно считают всех поляков в СССР польскими гражданами. Может быть, поэтому агенты Советского правительства в ответ считают всех поляков, находящихся в СССР, советскими гражданами. Нужно покончить с крайностями...»

Но вопрос о гражданстве поляков, находящихся в СССР, – только предлог. Существование дела, ради которого и пришёл Ромер, звучит из его уст уже через пару минут: «Посол заявляет, что Советское правительство не может решать односторонним актом вопроса о территориях и границах. Переход некоторых территорий от Польши к СССР проходил при таких условиях, когда Польша и СССР были в противоположных лагерях. Затем, после нападения Германии на СССР, обе страны оказались в одном и том же лагере, в связи с чем польское правительство решило отложиться на будущее вопрос о границе между СССР и Польшей».

Сталинский ответ вполне ожидаем: «Если считать, что украинский и белорусский народы имеют право на своё государство, то осенью 1939 года произошло воссоединение украинского и воссоединение белорусского народов. Украинцы и

белорусы – не поляки. Советский Союз не присоединил к себе никаких польских провинций. Все польские провинции отошли к Германии».

Ромер возражает, что переход этих территорий к СССР решался без польского правительства.

«Но в решении этого вопроса принимали участие украинский и белорусский народ», – следует ответ.

Посол ссылается на то, что волеизъявление имело место на территории, определённой советско-германским договором, который был затем аннулирован соглашением между Польшей и СССР.

Но, замечает Сталин, «базой советского договора с Германией был вопрос о ненападении, а не вопрос о границах». Немцы напали – разрушенной оказалась и база договора. Потому мы его и не признаём (а вовсе не из-за соглашения с поляками).

На это Ромер заявляет, что «поляки продолжают признавать Рижский договор действующим. Ни один поляк не согласится с тем, что Львов или Вильно не являются польскими городами. Для того, чтобы не портить отношений между СССР и Польшей, поляки предлагают оставить вопрос о границе открытым и обсудить его потом, когда он станет актуальным. Поляки хотели бы урегулировать отношения с Советским Союзом для того, чтобы усилить совместную борьбу наших стран против общего врага».

Переводя с польского на понятный, сначала мы, поляки, уводим в Иран армию, сформированную на средства СССР, вместо того, чтобы сражаться с немцами и освободить своё отечество; потом ясно даём понять, что помогать Красной Армии диверсионной борьбой с немцами на территории Польши нам не позволяет забота о населении; потом просим заверений в том, что на всякого поляка, прибывшего в составе вермахта с оружием в руках на Восточный фронт как на потенциального борца за свободу Польши должно распространяться некое избирательное отношение; а потом твёрдо и безусловно требуем возвратить украинский Львов, отторгнутый в результате польской агрессии 1919-1920 годов. И это и есть принципиальная и последовательная позиция в отстаивании интересов своей страны.

Но этого мало. В прямом противоречии с последними словами Ромера (об открытости вопроса о границах) буквально днём раньше эмигрантское правительство опубликовало специальную декларацию, где повторило, что поляки признают старую границу, о чём, ловя его на слове, и заметил послу Сталин.

Посол сослался на статьи в «Правде» и «Известиях».

Но этот лишь статьи, заметил Сталин, наши официальные лица, в отличие от ваших министров, на эти темы не высказываются. Между тем, «официальные польские деятели, такие как Рачинский, Грабский и другие, неоднократно выступали с заявлениями, враждебными Советскому Союзу... Дело в том, что мы имеем больше терпения, чем его имеют поляки».

Ромер отвечает, что терпения больше у того, кто приобрёл, а они, поляки, потеряли.

«Советский Союз, – ответил Сталин, – потерял территорию значительно большую, чем вся Польша, однако он не теряет терпения».

Но, замечает посол, вы забираете назад то, что потеряли (заметим, как легко и непринуждённо в устах польского представителя выглядят эти «отдаёте», «берёте», словно какие-то абстрактные технические манипуляции).

«Советские войска берут обратно эту территорию, они дойдут до Польши, освободят Польшу от немцев, отдадут её польскому правительству, а польское правительство обидится – съязвит Сталин, – и скажет, что это односторонний акт и оно с ним несогласно. Мы от Польши ничего не хотим... Мы, наоборот, поможем Польше, а пока что мы несём на своей спине всю тяжесть войны».

Кажется, яснее сказать невозможно. В 1920 году мы, не совладав с польской агрессией и переоценив собственные возможности, с горечью приняли унижение, лишившись на неопределённый срок и исконных территорий, и проживающего на них населения. При этом под боком у нас оставался ненасытный агрессор, ни на минуту не упускавший из виду новых возможностей поживиться. Теперь же, потеряв не только

* См. Барабаш В.В. Дипломатия польского эмигрантского правительства в отношении СССР в конце 1942 – апреле 1943 г. // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 3..

всю территорию, но даже самую государственность, поляки, просто так, как само собой разумеющееся, рассчитывали вернуть силами бывшего противника и свободу, и земли, и государственность. И при этом настойчиво требовали, чтобы аннексированное у Советов в 1920 году, Советы же у немцев отобрали и им отдали!

Не чувствуя ни ситуации, ни того, что терпение оппонента не безгранично, Ромер провозглашает: «*Нет и не будет такого польского правительства, которое согласилось бы на изменение границ с СССР, предлагаемое Советским Правительством*». Полтора года назад британец Иден понял и сообщил своим коллегам, что «*наше согласие или наш отказ не могут так или иначе отразиться на русских послевоенных границах: ни мы, ни Америка не сможем заставить СССР уйти с занятой им в конце войны территории*», а польский посол никак не может взять в толк, что Советское Правительство в отношении своих границ никаких предложений полякам и не делало, и делать не собиралось.

«*В СССР, – парировал Сталин, – тоже нет и не будет правительства, которое согласилось бы изменить границу с Польшей 1939 г. И оторвать от Советского Союза районы, включение которых в Союз определено Конституцией СССР*».

Окончание беседы прошло в обмене мнениями по второстепенным вопросам, общих утверждениях о желательности переговоров и намётке их основных пунктов.

Но главное стало ясно. Из событий второй половины 30-х годов лондонские поляки не извлекли ровно никаких уроков, по-прежнему придерживаясь тактики, в соответствии с которой великая Польша должна укрепляться чужими руками и за чужой счёт, сами же они никому и ничего при этом не должны. С подобным же апломбом министр иностранных дел Бек за несколько недель до немецкой агрессии в Польше презрительно заявил, что не «*позволит ступить на священную польскую землю хотя бы одному русскому солдату, что бы ни произошло*». А обсуждался, между прочим, план совместного Англии, Франции и СССР противостояния Гитлеру, что только и могло тогда спасти Польшу и польский народ от порабощения, и Красной Армии объективно требовался проход к будущему театру военных действий. И как тогда, в 1939-м, англичане ловко провоцировали поляков на резкий отказ, прекрасно понимая, чем этот отказ для поляков обернётся, так и теперь напыщенная шляхетская тупость питалась лондонскими и вашингтонскими заверениями. Причём сами заверители, конечно, не собирались рисковать жизнями своих солдат и освободить Польшу от гитлеровцев.

Поэтому едва ли через полтора месяца для Сталина стало откровением, что лондонские поляки не только клонили на фашистскую брехню о Катыни, но и бесовски включились в столь выгодный гитлеровцам процесс. Давно переставшее быть фактическим союзником СССР в борьбе с фашизмом польское эмигрантское правительство после разрыва нашей стороной отношений лишилось этого статуса и формально. Как лишилось и реального политического влияния на польские и общеевропейские дела, довольствуясь уделом британской марионетки. Что, впрочем, не помешало этой группе авантюристов в августе 1944 года учинить настоящее кровопускание в Варшаве, когда тысячи доверчивых и отважных польских патриотов были обречены ими на муки и смерть во имя грязных политических расчётов. Куда подевалась нарочитая щепетильность по отношению к судьбе мирного населения на войне, которую так убедительно демонстрировал Сталину польский посол в феврале 1943-го?..

Материал подготовлен на основании архивных документов, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории и Государственном архиве Российской Федерации. Эти и ещё тысячи и тысячи документов лягут в основу многотомного издания «Сталин И.В. Труды», ибо, лишь предоставив читателям первоисточники, можно ожидать, что труднее станет нечистоплотным деятелям навязывать обществу всякого рода фантазии о советской поре, менее живучи будут дремучие мифы, столь выгодные сегодня для легиона сталиноедов, построивших и продолжающих строить на неосведомлённости сограждан личное благополучие.

ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Йорданка
ТЕОФИЛОВА-ГОСПОДИНОВА

Йорданка Теофилова-Господинова – родилась в г. Авсеноград. Член клуба Пловдивских писателей и поэтов. Автор трёх стихотворных сборников. Активная участница и победительница поэтических конкурсов. Врач по профессии.

Живёт в Болгарии.

Мне снился дождь

Любовь русалки

Знаю, придёшь. От проблем и забот
сядешь на камень... Забывчив, печален.
Мысли, как волны, тебя укачают.
Полночи сумрак рассвет позовёт.

Ночь не сумеет вопросы решить.
День... Что несёт он? Какие волнения?
Я не морским, а земным воплощеньем,
плотью земною приду полюбить.

Брошу к ногам свой чешуйчатый хвост,
и пред тобой откровенно предстану.
Не задавай неуместный вопрос
и не ищи в моих формах изъяна.

...А до рассвета – рукою подать.
Где ты – легко по следам отыскать.

На пляже

Сквозь пальцы просыпается песок.
В песчинках лёгких зноем дышит лето.
И так светлы закаты и рассветы,
когда прогретый пляж не одинок.

Сквозь пальцы просыпается песок,
и память будоражит и тревожит.
Как бьётся жилка! – это твой висок...
Прости, что память так меня тревожит,

и что давно уже не воротить
коротких встреч и тягостных размолок...
Да и зачем песок тот ворошить,
пусть он лежит нагретый и безмолвный.

Пусть дышит лето зноем и загаром,
сгорают от любви и солнца пары.

Души колокола

Весной полна кипящая душа,
сродни реки с порогами и плёсом.
Мои слова бывают как утёсы,
в туманных днях надеждою дыша,

где мир из догм, затмивший чудеса,
кричит, зовёт соблазнами наивных,
уводит нас от повестей былинных,
покусывая злобно как оса.

И потому, в душе – колокола
звенят, зовут, печалят и тревожат.
И очень рано что-либо итожить,
и верю я в незыблемость добра.

Моя душа – израненная птица –
к высотам духа трепетно стремится.

Мне снился дождь

Ты помнишь проливной холодный дождь, –
как молнии изломанной стрела
пронзила наши грешные тела
земная и томительная дрожь?

И как докучлив был рассвета час:
он крал у нас и дождь, и нашу ночь,
когда не в силах чувство превозмочь...
Ты помнишь страсть моих горящих глаз?..

...Дни канули... Песчаный берег пуст,
глаза мои светлы как моря даль:
морской волной омыты боль и грусть,
и волны унесли мою печаль.
Мне снился дождь...

Ночь

Просто ночь. Ну зачем же – блудница?
Сумрак лёг на приступок дверей.
Отчего же сегодня не спится,
и бессонница мучит сильнеей?

Для чего у ночного порога
прилегла запоздалая грусть?
Заросли до тебя все дороги,
а тропинки искать не берусь.

Не вернуть то, что было и сплыло
в очень давней и милой мечте.
Вряд ли помнишь... и я позабыла
те тропинки ночные к тебе.

Дороги

Путешествую. Вот незадача –
все дороги в ухабах. Ветра.
Для чего ты меня озадачил,
совратил у ночного костра?

Бестолковые эти дороги.
Пыль да зной, дождь да снег. И – тоска.
Сбиты до крови босые ноги.
Впереди показалась река.

Что дороги в судьбе моей значат,
мне расскажут о том облака.
Кто-то умер, а кто-то был зачат.
Ты меня целовал и ласкал.

И откуда взялась вдруг небрежность:
и в движениях рук, и глазах?
И о том, что поспешно сказал,
пожалеешь потом неизбежно.
И ветра, и дожди, и напасти
нас однажды сведут на пути.
Что же ты не берёг наше счастье?
Не хотел, как видно, обрести.

Ты помнишь?..

Сиротским видом удручая,
ты весь печален и угрюм.
В глазах блестит слеза скупая,
не спишь. Куда бежишь от дум?

Какая благостна дорога,
и где сердечный твой причал?
Судьба ко всем бывает строгой.
Не всё, как видно, осознал.

А помнишь – чудное мгновенье?
Я чувством искренним жила.
Жаль, силы злобной дуновенье
сломали наших два крыла...

Взгляни! Я – радугой над полем.
Дорогу высветив тебе,
светло, до радости и боли,
зову к себе! Зову к себе!

Перевёл с болгарского Алексей СЕЛИЧКИН

Алексей Прокофьевич Селичкин – родился 15 января 1952 г. в д. Мурачёвке Калужской области. Окончил с отличием ГПТУ-44, Копейский горный техникум. Работал на первых атомных реакторах. Работал инженером на объектах Минатомэнерго и Минобороны. Участвовал в работе литературного клуба «Светунец» при Челябинской писательской организации. Учился в Литературном институте. Автор шести поэтических сборников. Член Союза писателей-переводчиков.

Живёт в Калуге.

ПОЭЗИЯ

Марина НОВИКОВА

Марина Владимировна Новикова – родилась 24 июня 1984 года в Москве. Окончила Государственный университет управления по специальностям «национальная экономика» в 2006 году, «юриспруденция» – в 2012 году. Автор книг «Волны ржи» (2007 г.) и «Малиновый звон» (2011 г.). С 2009 года – член Союза писателей-переводчиков, член Московской городской организации Союза писателей России. Печаталась в журналах «Великоросъ» и «Российский колокол», альманахе «Протуберанцы», газетах «Сокол» и «Московский литератор». Награждена дипломами имени Ф.И. Тютчева, Н.М. Рубцова, С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, медалями имени А.С. Грибоедова и «55 лет Московской городской организации Союза писателей России», орденом «В.В. Маяковский». Лауреат литературного конкурса «Лучшая книга 2008–2011 гг.».

Живёт в Москве.

Снова в прятки играет ярких звёзд хоровод...

Снова свечка мерцает
На дубовом столе,
Тихо, медленно тает
В вечеряющей мгле.

За окном догорает
Августовский закат,
Вот и месяц сияет,
Осветив палисад.

Снова в прятки играет
Ярких звёзд хоровод,
И калина кивает,
И утих небосвод.

А когда наступает
Летний день, свеж и нов, –
Вновь в лазури играет
Серебро облаков.

До луны не дотянуться,
До лугов – рукой подать,
И от ветра будет гнуться
Поле – божья благодать.

Вечерело. В синем небе
Появился отблеск звёзд,
Словно в поле всходы хлеба –
Млечный путь – блестящий мост.

И от края и до края,
И всё чище и светлей
Протянулся, освещая,
Тишь бескрайнюю полей.

И до самых до окраин,
Утонувших в мгле ветвей,
Словно из узорных ставен
Звёзды светят всё сильнее.

Словно ожили просторы,
Звёзды льют волшебный свет,
Слышу птички разговоры,
Вижу леса силуэт.

В ярком золоте калина –
Словно в храме образа,
Ночь идёт дорогой длинной,
Ивы плещется лоза.

Полоса дорожки лунной
Пролегла и вширь, и вдаль,
Луг в своём сиянии чудном
Будто красочный алтарь.

Рассыпая самоцветы –
Пестроту своих цветов,
Луг и на закате лета
Свеж, загадочен и нов.

Выпускной в институте

Мы всей толпою отмечали,
Собравшись за одним столом,
Чтоб было видно всех кругом,
Учёбы нашей окончанье.

Мы вспоминали первый курс, –
Тогда, не ведая печали,
Мы думали : «Пять лет – какие дали!»,
Но вышел времени ресурс.

И «преподов» опять же вспоминали,
И «Капитала» первый том,
И только звёзды за окном,
Мерцающая, тихо догорали.

Звенел хрусталь, тянулся ввысь
Дым сигаретный.
А годы быстро пронеслись
Своей чредою неприметной.

Теперь уж мы не отличаем,
Второй ли, третий, первый курс,
«Учиться лишь вошли во вкус!» –
Мы с грустью в сердце замечаем.

Какие мы высоты брали –
И снова за ночь «курсовик» –
Студент по жизни так привык –
И все на «пять» всегда сдавали.

Но и проблемы всё ж бывали,
Их описать – не хватит строк,
Пять лет, опять же, это срок,
И мы совсем другими стали...

Моей бабушке

Затерялся домишко во мгле,
Окружённый резным частоколом,
Вновь туманы ползут по земле,
Снова ветер поёт своё соло.

Золотится трава при луне,
Лунный свет озаряет оконце,
Он рассыпался искрой в стекле,
Светит ярче, чем раннее солнце.

А в окне всё горит огонёк,
Пляшут тени, листает страницы
Моя бабушка, и мотылёк
Снова в стёкла тихонько стучится.

Моя милая, ты не грусти,
И поставь пред тоскою преграды,
Если в сердце печаль не впустить,
На душе будет свет и отрада.

Твои ясные, синие очи,
И твой свет, в сердце вечно хранимый,
Я приду, как всегда, ровно в полночь,
Аккурат под «Союз нерушимый...».

На Панджшере

Вступление

*Делай, что должно,
и будь, что будет.*

Ещё будучи школьником, я знал, что буду служить только в Воздушно-десантных войсках. Откуда была такая уверенность – точно не скажу. По крайней мере, очень хотелось. Однажды я увидел фильм «В зоне особого внимания» и был просто зачарован им. В нём brave десантники, выполняя боевые задания, разными приёмами с лёгкостью крушили врагов направо и налево, прыгали с парашютом, бегали, плавали – короче, делали всё, что должны были уметь делать настоящие мужчины. В то доброе время, в 70-80-е, армия ещё считалась школой мужества.

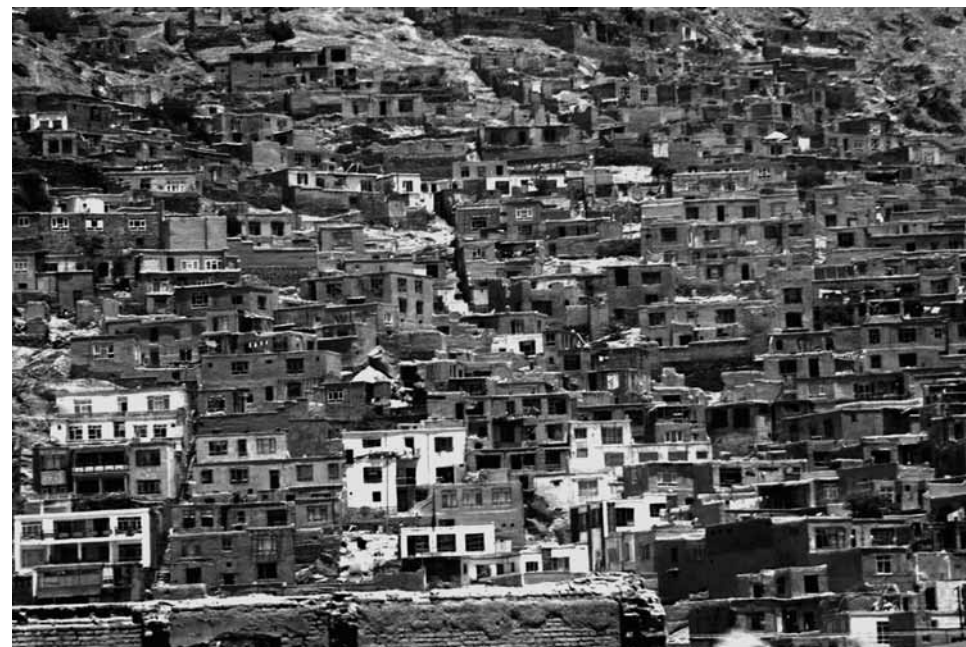
То, что я буду служить – я даже не сомневался. Ну, а где же мне служить, как не в ВДВ?

А когда я учился в 10-м классе, начался Афганистан. Случилось это очень неожиданно. Вдруг, как в далёкие 30-е, стали пропадать молодые люди, как, например, наш мастер по Учебно-производственному комбинату. На наш вопрос, куда же он делся, все мрачно молчали, а некоторые таинственно шептали: «Афган». Я никак не мог понять из обрывков разговоров, что же происходит на самом деле. СМИ очень коротко упоминали о какой-то интернациональной помощи, но и этого я понять не мог. А когда молва стала говорить, что оттуда приходят пачками гробы, страшный Афганистан преобразился в моём воображении в какое-то мифическое чудовище, пожирающее молодых ребят.

А потом, как прорвало. Видимо, правительство решило больше не мучить население неизвестностью. По радио и телевидению разом заговорили, что на самом деле происходит в дружественной нам стране. Не очень подробно, но всё-таки. Потом приехал наш мастер, с грустными глазами и до черноты загоревшим лицом (это зимой-то!) Ему, видимо, разрешили рассказать нам о том, что с ним произошло за два последних месяца. Рассказ его поверг меня в радостный трепет: «Так ведь там же настоящая война! Вот, где можно проявить себя по-настоящему! В конце концов, просто посмотреть, а смогу ли я, выдержу ли и вообще, из какого теста я сделан», короче, захотелось доказать лично самому себе.

Александр Александрович Свиридов – родился 23 февраля 1963 г. в городе Почеп, Брянской области. С 1966 г. проживал в г. Алма-Ата, где окончил среднюю школу и энергостроительный техникум. В 1983 г. был призван в Вооружённые силы СССР. Полгода служил в учебном подразделении батальона связи ВДВ в г. Каунас, по окончании которого был направлен в Афганистан и зачислен в отдельный гвардейский снайперский взвод 103-й Воздушно-десантной дивизии. Участвовал в 54 боевых операциях. Награждён орденом Красной звезды. Окончил Высшую школу КГБ им. Дзержинского. Участвовал в локальных военных конфликтах на территории Средней Азии и Кавказа. Служил в Управлении по борьбе с терроризмом ФСБ РФ. Принимал участие в боевых действиях в Чечне. Награждён орденом «Мужество».

Живёт в Москве.

Кабул

С тех пор я решил, что буду служить в Воздушно-десантных войсках и обязательно попаду в Афганистан.

Однако когда пришёл срок идти в армию, не всё пошло так гладко, как я думал. Вместо десантников меня записали в группу РЛС (радиолокационная служба). Помог случай. Как-то на медкомиссии я оказался рядом с комнатой, в которой, я точно знал, находились наши личные дела. Внутри никого не было. Затаив дыхание, я проник внутрь и переложил папку со своим личным делом из стопки РЛС в стопку ВДВ...

Потом была Учебка связи ВДВ, единственная в Союзе, которая готовила десантников-связистов. По её окончании молодых специалистов распределяли по всей территории нашей необъятной родины, в том числе и в Афганистан. Однажды в конце обучения сержант задал нашему взводу вопрос: «Кто добровольно хочет продолжить службу в ДВА?» И, естественно, первым, кто изъявил такое желание, был я.

Через месяц я сменил дождливый Каунас на жаркий Кабул.

Всё, рассказанное мной, – отнюдь не стремление приобрести известность великого писателя и покрыть себя неувядаемой славой. Нет. Скажу честно, накопилось. Это и масса ярких впечатлений из моей, такой непростой жизни, которые я носил в себе, и радость за моих однополчан, которые сумели найти и сохранить себя в этой непростой жизни. И боль, и обида за них же, не жалеющих ни сил, ни самой жизни там, на войне, а в той мирной жизни, незаслуженно забытых. Хочу, чтобы эти ребята, прошедшие кровавую мясорубку войны, сохранившие честь и достоинство, знали, что их помнят, ими гордятся и подвиги их не забудут.

Молодые ребята, призванные из различных мест необъятного Советского Союза, молча, не плача и не причитая, выполняли, как тогда говорили, свой интернациональный долг. И их было большинство. Все маменькины сынки отселились сами собой. Самые хитрые, с липовой грыжей, откосили от армии, а те, кто всё-таки попал в войска, осел на прод. складах и в столовых. Воевали настоящие мужчины с незапамятных времен. Начиная от русских дружинников Александра Невского, от Суворовских чудо-богатырей, бородинских воинов, заканчивая безвестными солдатами, перенесшими на своих плечах все трудности и ужасы Великой Отечественной Войны. Эту эстафету приняли и с честью понесли дальше солдаты, воюющие в

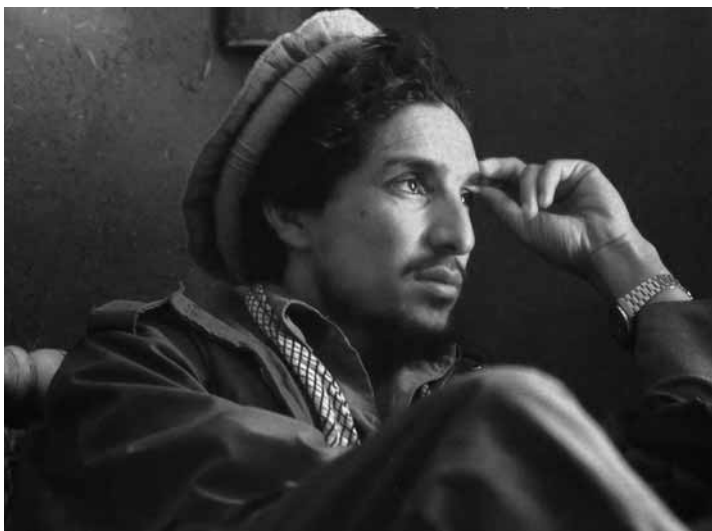
Афганистане, которые, несмотря на кровь, пот и лишения, не замарали славу своих предков. Тогда уже я понял – русский солдат непобедим. В душе, в глазах каждого всегда горела какая-то искра, которую погасить могла только смерть. И убить, уничтожить таких солдат, врагу было ох, как не просто.

Через полгода пребывания в Афганистане я перешёл из батальона связи во взвод снайперов, и моё отношение к жизни, как и сама жизнь, круто изменились. Я стал чувствовать себя нужным, полезным. Стал заниматься тем, что, по крайней мере, нравилось. Обрёл некую свободу. Техники у нас не было. Территорию мы «арендовали», в караулы не ходили, поэтому без усталости, каждый день бегали на стрельбище, повышая мастерство в стрельбе и боевой тактике. Это было единственным нашим занятием.

Как гром среди ясного неба грянул очередной Панджшер. Мы уже знали, что там – самые опытные душманы, руководимые выпускником советского военного училища Ахмад Шахом Массудом. Все они проходили обучение в Пакистане в Пешаварских учебных центрах под руководством американских военных инструкторов, и их боялись все остальные духи. Да, в Афганистане очень часто банды враждовали, воевали друг с другом за сферы и зоны влияния. Бывало и такое, что наше военное руководство заключало с некоторыми главарями банд мирные договоры. Эти душманы (их называли красными) поддерживали какой-никакой порядок на своей территории, не пускали туда ни советские войска, ни других душманов. Самыми непримиримыми считались панджшерские духи. Там, в горах, было очень много полезных ископаемых, практически вся таблица Менделеева. Были алмазные и золотые рудники, на которых в качестве рабов были задействованы как местные жители, так и советские солдаты, похищенные или захваченные в плен.

Горы эти были высокие и неприступные, и Ахмад Шах крепко держал в своих руках власть над этой территорией. Несмотря на это, Панджшер вызывал живой интерес нашего руководства. Сколько туда ни ходили воевать, установить там хоть какой-нибудь контроль и изловить Массуда не удавалось. Население местных кишлаков в ущельях каким-то образом узнавало о готовящейся операции и уходило в горы, угоняя за собой скот. В захваченных нашими войсками рудниках оставались только целые горы расстрелянных, прикованных цепями к скалам пленных. Солдат убивали, вертолёты сбивали. Ущелье Панджшера было усеяно минами и подбитой брошенной бронетехникой. Это было место, которым пугали молодых солдат.

Панджшер был бельмом на глазу нашего военного руководства и чёрным пятном на карте Афганистана. В тамошних кишлаках остановился четырнадцатый век. И только

Ахмад Шах Массуд

старенький транзистор на батарейках (электричества там, наверное, и по сей день нет) да американский каталог товаров за 1939-й год напоминали о нашем времени. Люди жили по своим, одним им ведомым обычаям, по закону шарията и, скорей всего, были счастливы, если бы не эта война.

Итак, мы собрались на Панджшер. Взводный распределил нас по

Панджшерское ущелье

различным ротам. По парам мы уже сами разбились давным-давно, притёрлись друг к другу по общим интересам. Меня как замкомвзвода вызвали на оперативное совещание командиров подразделений, которые должны были участвовать в этой войне.

В палатке, покрытой маскировочной сетью, собрались офицеры. Я чувствовал себя белой вороной, так как был единственным солдатом среди них. Посреди палатки, в огромном деревянном ящике, похожем на детскую песочницу, из песка был выложен макет местности, где нам предстояло начинать боевые действия. Там были и холмики гор, и узкая синяя полоска реки Панджшер, и маленькие кубики кишлаков. Единственное, чего не было, это только зелёной зоны – «зелёнки» (заросшей деревьями местности).

Считалось, что в горах воевать физически было трудно, но не смертельно. Там можно было спрятаться за камнями, да и враг был виден издалека. Горы не пугали нас так, как коварная «зелёнка», где легко можно было нарваться на засаду, когда ничего не подозревающих солдат вдруг в упор расстреливали неизвестно откуда взявшиеся духи, которые в «зелёнке» ориентировались, как у себя в кармане.

Пожилой полковник с указкой в руках объяснял и показывал план мероприятий на время боевых действий. На песке получалось очень красиво. Война должна была проходить в три этапа, с тремя десантированиями и, конечно, всё в конце концов, а как же иначе, заканчивалось нашей победой, полным разгромом всех душманов и пленением Массуда. В конце полковник так разошёлся в боевом экстазе, что я чуть было не закричал «Ура!», но оглядевшись вокруг, ища в глазах офицеров тот задор, который вдохновил меня, увидел только угрюмо-сосредоточенные, молчаливые лица. Они-то знали, что, сидя за столом в штабе, невозможно учесть всех неожиданностей, которые могут возникнуть с первых минут операции. Знали также, что сразу же после десантирования все будут действовать, как Бог на душу положит, и этот боевой план будет меняться с каждым днём. Поэтому, кроме меня, «Ура!» кричать больше никто и не собирался, ну и я успокоился.

Нас с Ромасем придали к пятой роте «полтинника». Так называли 350-ый полк нашей дивизии. Этот полк был самый боевой, и я считаю, самый геройский. Остальные подразделения тоже принимали участие в боевых действиях, но не так часто, как «полтинник». Многих солдат и офицеров 350-ого полка наградили Звездой Героя Советского Союза, большинство – посмертно.

Командиром пятой роты был «пятнадцатилетний» капитан, угрюмый мужик лет сорока, которого, видимо, за какие-то залёты долгое время обходили очередным воинским званием. Так он в капитанах и ходил. Мы представились ему, и он приказал нам завтра в полной боевой готовности присоединиться к его роте на аэродроме перед посадкой в вертолёты.

Вечером мы собирались. Укладывали боеприпасы в «лифчики», консервы в ранцы, заливали фляги водой.

Учитывая предыдущую войну на Вардаке, взводный посоветовал не брать нам с собой тёплых вещей, чтобы было легче ходить по горам, где при восхождении, каждый грамм груза через километр превращался в килограмм. Мол, после десантирования, если будет холодно, найдёте какие-нибудь одеяла в кишлаке, возьмёте их с собой в горы, а за ненадобностью потом выбросите – и не жалко, и ходить легче. Мы были ещё неопытными, и в горы шли первый раз. Я подвязал на всякий случай тонюсенькую плащ-палатку к своему ранцу.

И была ночь мрачная и томительная, и было утро доброе и весёлое. На аэродроме мы всей огромной, но упорядоченной толпой погрузились в вертолёты и полетели в неизвестность.

Подлетая к Панджшерскому ущелью, я ещё с воздуха увидел следы прошлых боевых операций – разбитую боевую технику, разрушенные дувалы, воронки от бомбардировок. Место было невесёлое, тревожное. Выпрыгнув из зависшего метра в трёх от земли вертолёта, мы бросились врассыпную и, как учили, заняли позиции. Нас выбросили первыми, чтобы мы, укрепившись, заблокировали близлежащие предгорья и дали возможность десантироваться основным силам.

После приземления наша рота собралась вместе. Полнокровной ротой её назвать было нельзя, потому что вместе со всеми приданными: нами, снайперами, арт- и авианаводчиками, тремя бойцами из химзвода со «шмелями» – огнемётами, за вычетом ранее убитых, раненых и больных, а также водителей и операторов-наводчиков, наша толпа насчитывала человек тридцать. Несмотря на это, мы все были военным подразделением, готовым отражать любые нападения, осуществлять атаки и прочие боевые действия. А для начала нам надо было перейти реку Панджшер.

Река эта была не очень глубокая, как и все горные реки, но достаточно широкая, бурная и быстрая. Найдя более или менее подходящий брод, мы начали переправляться. Сначала я хотел разуться, потому что не представлял, как после форсирования можно будет дальше идти в мокрой обуви. На меня посмотрели, как на больного («Ноги собьёшь о камни, потом вообще ходить не сможешь»). Пришлось лезть в воду обутым. На середине реки, стоя по пояс в воде, я понял, как были правы опытные бойцы, отсоветовавшие мне разуться. Мало того, что вода горной реки была ледяной, но и острые камни на дне я чувствовал даже через солдатские ботинки. Перебравшись через реку, мы поднялись по склону метров на двести и засели там. Можно было вылить влагу из ботинок, переодеть носки, кое-как обсушиться, что и сделали.

С высоты мы наблюдали, как непрерывно опускались и поднимались прилетающие нескончаемой чередой вертолёты, вытряхивая из своего чрева новые порции солдат. Десантирование шло полным ходом. Вокруг было спокойно, никто не обстреливал. Наверное, нас не ждали в этом месте, так что, пользуясь вынужденным бездействием, я даже вздремнул. Ботинки и комбинезон подсохли, мы перекусили, покурили, и я стал чувствовать себя, как на пикнике, любуясь дикой красотой высоченных гор.

Основная тактика боевых действий в горах заключалась в том, что одни роты идут по ущелью, прочёсывая его, другие двигаются по склонам, параллельно прочёсывающим ротам, блокируя любые попытки их атаковать.

Долго любоваться десантированием нам не пришлось. Как только оно закончилось, поступил приказ начинать восхождение.

Да, давненько я не ходил по горам. Мы выстроились в цепочку друг за другом, выставили впереди дозор, во главе с весёлым парнем, сапёром, и стали подниматься. Шли по козьей тропе, пеглявшей по склону крутой горы.

Через час я уже забыл, что я в Афганистане, на войне, что я вообще солдат Советской армии. С непривычки усталость была такая, что я вообще думать не мог. Ноги

На привале

стали ватными, движения неуклюжими, очень хотелось пить, перед глазами плавали красные круги. И когда, часа через три подъёма во время короткого привала, взводный, под начало которого нас поставили, получив сообщение по радиации, сказал нам, что наверху засели духи и нам необходимо их оттуда выбить, я просто опешил. Какие духи!!! Как выбить!!! Зачем это нужно??? А, может, не будем?!! Я вообще за эти три часа забыл, с какого конца винтовка стреляет, кто я и зачем здесь нахожусь. Но виду, правда, не подал.

Отдышавшись, набравшись сил, мы продолжили движение. Душманов, слава Богу, наверху не оказалось, наверное, тоже не имели большого желания связываться. Зато весёлый сапёр нашёл глубокую пещеру в скале. С трудом протиснувшись в узкий лаз, он очутился внутри. Из любопытства, я полез за ним.

Закопчённые сажей своды пещеры говорили о том, что люди тут были. В дальнем углу сапёр обнаружил два мумифицированных трупа, по полуистлевшей одежде которых невозможно было определить, кому они принадлежат – нашим солдатам, пропавшим без вести в предыдущую войну, или душманам. Не найдя больше ничего интересного, мы поспешили наружу.

Спустились сумерки, в горах очень быстро темнеет, а вершина была ещё ох, как далеко.

Я забыл сказать, что перед восхождением мы разделились по взводам и к вершине пошли тремя отдельными группами по десять человек. В нашу группу входили три огнемётчика с тремя «шмелями». Огнемёт «Шмель» представляет собой трубу, тяжёлую и неудобную в переноске. Он похож на гранатомёт «Муха» или «Оса», только несколько крупнее. Стреляет он капсулой (типа внутренней ёмкости китайского термоса, начинённого горючим веществом), которая при взрыве разлетается, забрызгивая всё вокруг и при попадании на тело оставляет страшные ожоги.

Похоже, что эти ребята из химзвода тоже попали сюда впервые, и первые часы невыносимого напряжения при восхождении превратили их в жалких, скулящих существ.

Честно сказать, у меня самого несколько раз возникало желание сказать себе: «Всё! Больше не могу!» В глубине души я понимал, что убедив себя в этом, больше

с места не двинусь. И пусть со мной делают всё, что хотят. Но оглядываясь вокруг, видя рядом ребят, уставших не меньше меня, но продолжающих двигаться вперёд, я задавал себе вопрос «А чем я хуже их», уничтожая в своих мыслях малодушное желание сдать. Очевидно, ребята – огнемётчики были воспитаны по-другому. Их было трое: молодой лейтенант, видимо, только что прибывший в Афганистан, и двое рядовых. Лейтенант как офицер не мог себе позволить расслабиться. Видно было, как ему нелегко, как он стесняется своих подчинённых. Забирая у них по очереди огнемёты, он, стиснув зубы, карабкался вверх, стараясь собственным примером воодушевить их. Но эти ребята скисли – «Всё, больше не можем», и глядя друг на друга, стеная на жизнь, еле двигались.

Уже был дан приказ становиться на ночлег, уже мы с Ромасем разжирились и готовили нехитрый ужин, как услышали внизу шакалий плач и стонания. Но откуда в горах шакалы? Это поднимались отставшие огнемётчики-«химики». Им «помогали» пинками и тумачами солдаты роты и их молодой лейтенант.

Война с её опасностями, напряжением, страхами быстро раскрывает сущность человека, обнажает его полностью и показывает, на что он способен. Война и горы вместе, делают это в два раза быстрее и качественнее. Герои в обычной жизни иногда быстро превращаются в желеобразных слизней, дрожащих как холодец. А тщедушный чухомор, которого все гнобили, в трудную минуту, когда начинают растекаться бывшие «герои», может вдруг встать и повести за собой всех остальных. Уже потом мне часто приходилось видеть людей, которые за очень короткое время деградируют, превращаясь в животных, и просят пристрелить их как загнанных лошадей, зная, однако, что этого никто не сделает. И солдаты, сами уставшие до полубморочного состояния, будут из последних сил, сменяя друг друга, вытаскивать на себе этих моральных уроков, не желающих находить силы, чтобы победить себя.

Меня можно упрекнуть за излишнюю жёсткость суждений. Конечно, люди все разные: и морально-психологически, и физически. Нельзя осуждать тех, кто выбился из сил, нужно постараться им помочь. Тут я абсолютно согласен, помогать надо, но в обычной жизни. Ведь там есть и транспорт, и больницы, и врачи. А на войне все знают, вытаскивать, если что, их будут такие же уставшие и обессиленные бойцы.

Там же, на Панджшере, несколько позже, мне пришлось пережить очередное нестандартное происшествие, которыми, впрочем, изобиловал каждый день войны.

Взвод поднимался к вершине на блок, чтобы прикрыть другой взвод, идущий по ущелью. Чтобы успеть, поднимались в высоком темпе, в течение восьми-десяти часов. К нашему взводу был прикомандирован очередной «шмель». Где-то на третьей четверти пути химик, не выдержав напряжённого темпа, начал сдавать. Командир приказал солдатам разгрузить его. С него сняли ранец, забрали автомат и тяжелый огнемёт. Это не помогло. Он упал, видимо, мысленно приказав себе не вставать. Вокруг него собрались усталые, измождённые длинным и быстрым восхождением солдаты. Сил не хватало ни на злобу, ни на ругань. Тащить его вообще не было никакой возможности. Все просто тупо смотрели на это тело и молчали. Взводный, он был двуужильный, не зря их гоняли в Рязанском военном училище, пробовал уговаривать его и по-хорошему, и по-плохому, тщетно взывая к его совести. Химик напоминал мне Васисуалия Лоханкина, которому жена пыталась засунуть в рот бутерброд с кабачковой икрой. Он мычал и тряс головой. А время уходило. Взводный потерял терпение. Он принял решение. Это было видно по его вдруг изменившемуся лицу. Он обратился к солдату, причём очень официально: «Товарищ боец, я приказываю вам встать и идти». Тот задёргался как в падучей и замычал то, что обычно мычат вот такие вот утомлённо-уставшие: «Пристрелите меня, я не могу больше идти...» Ну и остальное в том же духе.

Взводный приказал всем прикомандированным отойти метров на сто и пострелять в белый свет как в копеечку, то есть пошуметь. С ним остались только двое проверенных дембелей из его взвода. Он взял у одного из них автомат с глушителем и, когда все отошедшие открыли пальбу, приставил ствол к голове горе-солдата, не подчинившегося приказу командира в военное время, и выстрелил. Потом через связиста передал на КП, что его взвод обстреляли и у него появился один «двухсотый», что он управляет его на броню. Затем, отобрав из личного состава самых уставших, приказал

им завернуть труп в плащ-палатку и спустить его вниз. Однако время было упущено, и на блок взвод поднялся с опозданием, что и привело к трагедии. Сверху, только что взобравшиеся на гору, уставшие бойцы наблюдали, как душманы, в спешке добывая раненых солдат того взвода, который они должны были прикрывать, отходят в горы.

Произошло следующее.

Взвод шёл по ущелью, их было человек 10-12. Шли спокойно и уверенно, зная, что в любую минуту их прикроют. Навстречу им двигалась колонна, человек тридцать. Все были одеты в военную форму, на головах панамы, на груди командира бинокль. Издалека они были очень похожи на наших. Вдруг, все тридцать рассыпались в стороны и стали сближаться с нашим взводом короткими перебежками. И только когда они подошли ближе, командиры увидели, что форма у них совсем не похожа на советскую. Но было поздно. Завязался неравный бой. Наши не смогли толком организовать оборону. Несколько человек упали убитыми, даже не успев воспользоваться оружием. Этот взвод НИКТО не прикрывал. Душманы уложили практически всех, кроме одного, который сразу полез на гору и спрятался в камнях. Отстреливаться он не стал, объясняя потом, что пуля попала ему в магазин, и автомат заклинило. А ещё душманы захватили в плен снайпера. Не из нашего взвода – штатного. Они прирезали его, когда наша разведрота села им на хвост и «зажала» возле какого-то кишлака. Душманы отстреливались яростно и умело. Они очень хорошо были обучены. Оставив троих убитых вместе с обезглавленным снайпером, они смогли уйти. Вот так, слабость одного человека стала причиной гибели десятка солдат.

Мы заночевали прямо на склоне, найдя более или менее пологое место, не дойдя до вершины примерно половины пути. Эту горку обработали вертолётчики. Я видел воткнутый в землю стабилизатор неразорвавшегося НУРСа (неуправляемый реактивный снаряд). Подойдя ближе, я рассмотрел на хвостовике дату производства – 1957 год. Наверное, срок годности вышел, вот он и не взорвался. Среди ночи, несмотря на то, что от усталости почти потерял сознание, я почувствовал, что несколько погорячился, не взяв с собой тёплые вещи. В горах ночи совсем не такие тёплые как на равнине. А после десантирования, кишлаков с тёплыми одеялами не попадалось, да и времени было мало, чтобы их искать. Дрожа от холода, я тихонько ругал своё легкомыслие и взводного, посоветовавшего нам идти налегке.

Утро, как и вечер, в горах наступает быстро и рано. Мы встали, позавтракали на скорую руку и продолжили путь к вершине. О ночном холоде и неприятных ощущениях я забыл, как только мы начали движение. Я приятно удивился: по сравнению со вчерашним днём подниматься было легче, ноги привыкли. Шли с частыми остановками, воздуха стало не хватать. К обеду наконец взобрались на вершину. Там, на высоте более четырёх километров, пьяный от нехватки кислорода, я вдруг ощутил прилив непередаваемой радости, осознал то счастье, которое испытывают альпинисты, покоряющие свои вершины (честно сказать, раньше я их совсем не понимал). Вспомнил все песни Высоцкого про горы.

Красота была неописуемая. Горы тянулись своими пиками к небу, насколько хватало глаз вокруг. Внизу ущелья узенькой ниткой лежала река Панджшер. Под нами проплывали облака и пролетали вертолёты. Вы видели когда-нибудь вертолёт, пролетающий не над головой, а под ногами? Странное зрелище.

Нас всех по двое, по трое разбросали по хребту горы. Задача была простая: укрепиться на данной высоте. Мы с Олегом выложили из камней позицию, перекусили и стали наблюдать.

Солнце, стоявшее в зените, палило немилосердно, и спрятаться от него было некуда. Увидев маленькую тень от большого валуна, я юркнул в неё. Юркнул – громко сказано. Просто грузно переполз, задыхаясь и обливаясь потом. Оказавшись в тени (странное дело), я почувствовал холод и начал замерзать. Пришлось опять выкатиться под солнце... Так я целый день и перекачивался каждые десять минут из огня да в полымя, задыхаясь от нехватки кислорода. Мы были совсем одни, не считая химиков-огнемётчиков слева и трёх наших снайперов справа на расстоянии видимости. Рации у нас не было, но всех предупредили, что по сигналу красной ракеты мы должны были

А. Свиридов и А. Цивилёв

отправляться в место общего сбора, где ротный организовал КП (командный пункт).

Свобода была полной, только делать ничего не хотелось да и не могло. Оставалось только валяться и наблюдать. Мы видели как МИГи, боевые самолёты, рассыпая вокруг себя искры отвлекающих ракет, заходили на боевой курс и бомбили близлежащие вершины, на которых, наверное, прятались душманы.

Очень хотелось пить, но воды было совсем мало. Большую половину мы выпили ещё при восхождении. Теперь приходилось беречь и терпеть.

День клонился к закату. Сигнальной ракеты мы не дождались и принялись укладываться на ночлег. С наступлением темноты пришёл холод. Он был намного сильнее, чем в прошлую ночь. Неизвестно

откуда прилетевший ветер тепла с собой тоже не принёс. Одеты мы были в летние комбинезоны. Под ними были лишь тельняшка да трусы. Мы стали замерзать. Скажу честно, такой ночи в моей жизни ещё не было. Очень хотелось забыться глубоким сном и ничего не чувствовать, но тело сотрясала дрожь от жуткого холода. Одну плащ-палатку мы расстелили на земле, другой укрылись, но это не спасало. Мы прижались друг к другу, как бездомные котята, и всю ночь тряслись и стучали зубами, отпугивая ночных хищников. Холод, казалось, проникал в самое сердце. Я вдруг понял, что чувствовал Кай в гостях у Снежной Королевы, и уже не потихоньку ругал взводного, а громко проклинал всё на свете. Иногда ненадолго, видимо, устав дрожать, я всё-таки забывался тревожным коротким сном.

Наконец забрезжил долгожданный рассвет. Ромась увидел, как наши товарищи, снайперы Андрюша Цивилёв, оба Коли, Валов и Черепанов уже разожгли костёр, греются и готовят завтрак. Укутавшись в плащ-палатки, прихватив винтовки, мы вприпрыжку бросились к ним. Тепло костра и горячего чая растопило моё сердце. Появилось солнце и снова захотелось жить.

Следующий день прошёл так же незатейливо, как и первый, с той лишь разницей, что на нашу позицию вышел «химик» и предложил банку тушёнки за глоток воды. Мы отказались от такого бартера: у самих её запасы были на исходе. Он поплёлся дальше, но и у наших друзей его ждало разочарование. Ни Андрюша, ни оба Коли не поделились с ним, вода заканчивалась и была на вес золота.

Помня о кошмарах прошедшей ночи, мы со страхом ожидали заката. Пока было светло и можно было разводиться огонь, мы решили разжечь костёр, прогреть землю и, разбросав угли, быстро улечься на подогретое место. Сейчас я, конечно, понимаю, что это была глупая от отчаяния попытка хоть как-то продлить тепло дня, но тогда мы так и сделали. А только мы бухнулись на чуть тёплую землю, над местом сбора на КП взлетела красная ракета. Мигом собравшись, мы двинулись туда. Когда мы проходили мимо лежбища «химиков», я видел, как один из них, вытащив из рюкзака молодого

офицера флягу с водой, жадно приложился к ней, как в последний раз. Однако у назначенного места сбора ротный сказал, что это была проверка боеготовности и чтобы мы шли опять на свои места и занимали позиции. Разочарованию не было предела. «Химик», укравший у офицера воду, так расстроился, что я подумал: он или застрелится или сойдёт с ума, так как воды у них больше совсем не осталось.

И опять была безумная ночь ужасов. И опять мы с Ромасем, обнявшись со страстью любовников, жались друг к другу, тряслись, стучали зубами, а холод проникал в сердце.

И снова было утро, и радость нового дня с его тёплым и ласковым солнышком. К вечеру нас опять собрали ракетой, пересчитали, и мы двинулись вниз, к подножию. Олег предупреждал, что спускаться намного тяжелее, чем подниматься. Я не совсем этому поверил, пока не пришлось убедиться в этом на личном опыте.

Спускались мы всю ночь от заката до рассвета, освещая ночной мрак ракетами в поисках козьих троп. На редких привалах ноги от напряжения сами собой тряслись и ходили ходуном. Очень хотелось пить, но вода закончилась ещё днём, причём Олег делился остатками своей: моя закончилась аж утром.

Небо стало сереть, спрятались звёзды, наступало утро. Мы были у подножия горы, недалеко текла река. Я, как зомби, поплёлся к ней. Поражаясь своей выдержке, я сначала наполнил обе фляги и лишь потом приложился губами и начал пить. Мы опять пересекли реку вброд, получили сухпайки на три дня и стали выдвигаться к месту посадки вертолёта на новый этап десантирования. Вокруг по ходу движения горели огромные костры. В них постоянно что-то взрывалось. Это были банки с кашей, которые солдаты выбрасывали в огонь, чтобы не брать лишнего груза. Вертолёты приземлялись и, забрав десантников, вновь взмывали в воздух. Нас перебрасывали в другое ущелье.

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

ИННА МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель СССР, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. Ею написано более 300 научных статей, имеет более 35 патентов на изобретения. Член Союза писателей России, лауреат литературных конкурсов. Стихи автора публиковались во многих поэтических сборниках и журналах, в антологии одного стихотворения «Золотая строка Московии», в книгах «Дыхание земли», «Пятимирник». В 2008-2009 гг. были опубликованы авторские книги «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Автор – победитель ряда литературных конкурсов, дипломант конкурса «Лучшая книга 2008-2011», лауреат народной литературной премии им. А.С. Блока. Награждена Золотой Есенинской медалью, медалью А.С. Грибоедова, дипломом Н.С. Гумилёва, орденом В.В. Маяковского. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Уходит хаос...

Берега, наших дней берега,
Возвращаясь, к земле припадаем,
И душа перед нею нага,
Обнажённостью суть ощущаем.

Эта суть, эта кровная связь,
Наши корни, которые святы,
Не дадут нам бесследно пропасть
В этом мире больном и распятом.

О книге «Родники Подмосковья»

Галине Романовой

Да не иссякнут Подмосковья родники
Ни влагою живительной, ни словом,
Ни правдою, сколь ни была сурова,
Ни помощью спасающей руки.

Да сбудутся все помыслы творца
Истоком прозы ли, стихотворенья,
Как таинство высокого прозренья,
Апофеоз начала и конца.

Уходит хаос. Чистых слов значенье
Рождается как истины исход.
Ведь родники – природное явление.
Им непривычен лжи круговорот.

Рождество

Белокаменная Русь
Расплескала перезвоны.
Я коленопреклоненно
О судьбе твоей молюсь.

У Покрова на Нерли –
Пред иконой ставим свечи,
Чтобы милостью Предтеча
Путь нелёгкий озарил.

Петербург-Ленинград

Всё – Петербург: твои музеи,
Твои кумиры и холсты,
Каналы, сфинксы и аллеи,
В чугунном кружеве мосты.
Всё – Ленинград: твои знамёна,
Блокады мёртвая петля,
Дорога жизни, оборона,
Отцов священная земля.
На Пискаревском нет изгоев,
Там весь военный Ленинград,
И Площадь Мужества героев
Всё ждёт, придут с войны назад.
С любовью снова я листаю
Твои страницы – пусть звенят
Твоей истории литавры,
Мой Петербург, мой Ленинград.

Эта странность времён
Не погасит высокое пламя
Наших истин
И нашей к отчизне любви.
Не сотрёт о войне
Нашу горькую вечную память
И побед не затреплет
На игрищах бурных своих.
Эта странность времён
Не отыщет себе оправданья.
Всё купить, всё продать,
Жизнь, как карту,
Поставить на кон.
Но сквозь этот абсурд
Пробивается, зрея, сознание:
Мы хотели не так.
Ты надолго ли, странность времён?

Акварели Сергея Андрияки

Мир акварели –
 Магия и тайна,
 В нём совершенство
 Вовсе не случайно.
 Вот торжество
 Зелёной акварели,
 В ней потонули
 Ранние метели.
 А жёлтая – цветов
 Раскрыла лица и купола,
 И маковки столицы,
 И дальних тех
 Святых монастырей,
 Что мастер дарит
 Нам рукой своей.
 Малиновое с красным –
 Откровенье – дань красоте
 Её предназначенье,
 Из мрака в свет
 Рождается полёт.
 А акварель
 Сияет и поёт,
 И возвещает миру
 О живом,
 Прекрасном и высоком
 Мире том.

В Каталонии. У Сальвадора Дали

Я сотворю мужчину
 Сентябрьских дней
 Из каталонской глины
 И из камней.
 Глаза его оливы
 Чуть-чуть светлей,
 И буду я счастливей
 Мечты моей.
 Легка его фигура,
 Он издали –
 Мужчина в стиле сюра,
 Как у Дали.
 Мы как Адам и Ева,
 У этих скал,
 И искушать у древа
 Нас Змий устал.
 Когда я с побережья
 Уйду домой,
 Сотрёт слепую нежность
 Морской приборой.

Он с лёгкою фигурой.
 Мечтаю издали,
 Мужчина в стиле сюра,
 Как у Дали.

Петроградский мираж

*О, Бронзовый Гигант!
 Ты создал призрак-город.*

М. Волошин

Петроградский мираж,
 Старый Заячий остров,
 Где бы я ни была,
 Ты судьбы моей остов.
 Видно, в невиской воде
 Меня в детстве крестили
 И по свету бродить
 От себя отпустили.
 Я в Версале твои
 Вспоминаю фонтаны
 И решётки мостов
 В паутинке тумана.
 Я воспеть не могу
 Флорентийскую осень,
 Растревожил меня
 Старый Заячий остров.
 Там, где Невский проспект
 Обручается с Летой,
 Медный царь стережёт
 Петроград до рассвета,
 Золотая игла
 К небу тянется гордо,
 По каналам плывёт
 Белым лебедем город.

Любовь моя,
 Ты будешь ли
 Добра?
 Любовь моя,
 Ты станешь ли
 Прекрасной?
 А, может быть,
 С горчинкой вечера,
 Заманишь снова
 Пустотой опасной?
 И будет едким
 Дым от сигарет,
 И от цветов
 Потянет горьким мёдом.
 Нужна ли будет
 Пустоте свобода,
 В придачу, гордость?
 Дашь ли
 Мне ответ?..

Миниатюры

Оладьи

Когда Наталья поступила в институт, она умудрилась перезнакомить между собой школьных и институтских друзей. Школа Натальи была в далёком северном городке, кто-то из выпускников поступил в московские или ленинградские вузы, кто-то остался в родном городе, но время от времени школьные друзья навещали в столицу.

И новая Наталья знакомая, москвичка Марина, спортсменка, комсомолка, красавица, познакомилась со старым приятелем Натальи – Анатолием, которого все звали Толян. Марина была девушкой эффектной – рослая блондинка – она действительно занималась спортом, баскетболом. Толян ничем особенно не выделялся, но познакомившись, эти двое стали писать друг другу письма. И Марина неожиданно открыла в новом знакомом нежную романтическую душу. Его письма были умны, ироничны и изобиловали стихами. Нет, не собственными, классическими.

К окончанию института Наталья вышла замуж за москвича и осталась жить в столице, а Марина уехала на север к своему мужу Толяну. Подруги писали друг другу письма, обычные, почтовые, изредка звонили по телефону, и как-то решили вместе провести отпуск. Марина с Толяном купили тогда машину «Запорожец», цвет которой в документах значился как «белая ночь». И решили на новом транспортном средстве преодолеть расстояние в несколько тысяч километров от Мурманска до Геленджика. Наталья с мужем могли присоединиться к ним немного позже, тоже на машине.

Сентябрь в Москве был сырым и прохладным, от мысли, что лето закончилось, становилось грустно, а от мысли, что впереди поездка к тёплому морю, становилось теплее.

Марина с мужем снимали комнату в типичном южном домике, маленьком, беленьком, в саду росли кипарисы, и в саду же находилась летняя кухня. Марина хлопотала, собирая ужин. Наталья тоже решила внести свой вклад и испечь оладьи. Об этом она думала ещё в дороге. Рецепт простой – блинная мука, кефир и пара ложек сахарного песка. Оладьи обычно получались пышные, сладкие, и съедались всеми с удовольствием.

Светлана Семёновна Комракова – родилась в Ленинграде в семье военнослужащего. Детство прошло на Севере, в Мурманской области. Окончила МВТУ им. Баумана. Замужем, имеет сына и дочь. Кандидат педагогических наук, доцент, преподаёт информатику в московском вузе. Первую книгу стихов выпустила в 2001 г. На сегодня является автором трёх стихотворных сборников. На её стихи написаны песни и романсы, выпущено три диска. Член Союза писателей России, лауреат конкурса им. М.И. Цветаевой.

Живёт в Москве.

И съев приготовленный Мариной салат, Наталья выставила на стол блюдо с горячими оладьями, которые блестели жирными боками и были очень аппетитными на вид.

Первым оладушек надкусил Толян. Наталья ждала проявления восторга, когда он прожует первый кусок, но Толян молчал.

– Вкусно? – не выдержала Наталья.

– М-м-м, – был ответ.

Наталья взяла оладушек и откусила. Сначала ничего не могла понять – одна соль! Взяла другой – тоже самое. Марина и муж Натальи тоже откусили от оладий и в изумлении уставились на Наталью.

Наталья в смутной догадке подошла к плите и увидела две баночки, которые привезла с собой: в одной соль, в другой сахар. Баночки были одинаковыми, лишь чуть-чуть отличались по цвету. Этот нюанс Наталья и упустила в пылу желания вкусно накормить и удивить, положив в тесто для оладий две полных больших ложки соли.

Мам!

Марина отдыхала с детьми на даче в Загорянке. Дача – сказано очень громко. Семья снимала летний домик из двух проходных маленьких комнат и небольшой террасы. А вот участок был огромным. Хозяйский дом не был виден из окошка дачного домика, а к калитке в другую сторону надо было идти словно лесом.

Лето выдалось прохладное и дождливое, поэтому не удивительно, что дети по утрам спали долго. В пасмурную и серую погоду не очень-то хочется рано вылезать из-под тёплого одеяла. Поэтому Марина очень удивилась, когда однажды довольно рано проснулась от зова: «Мам!». Голос был приглушённый и немного хриловатый.

Марина открыла глаза – в комнате никого не было. Решив, что это ей показалось, она вновь провалилась в сон, из которого её вынуло новое «Мам!». Марина встала, вошла в комнату детей, в твёрдой уверенности, что кто-то проснулся и зовет её. Но сын и дочь спали. Причём крепко. В их маленькой комнате стояла сонная тишина.

Марине стало страшновато и неприятно. Часы показывали половину девятого утра, и утро это было тихим и сумрачным. Дети спят, кто же тогда позвал? Она вновь легла с намерением уснуть, но теперь сон не приходил. Теперь она лежала и прислушивалась.

На очередной зов «Мам!» Марина вскочила, убедилась, что дети всё ещё спят, и встала в проёме между комнатами. Что за мистика? Кроме неё и спящих детей в доме никого. Откуда звук? И она дождалась следующего «Мам!». Теперь было ясно, что звук идёт с улицы. Марина выглянула в окно. На участке никого не было. Только невдалеке по грядкам ходила ворона. Тут она открыла клюв и сказала: «Мам!». Вместо привычного вороньего агрессивного «Кар!» – странно-хриловатое невнятное «Мам!».

Марине стало весело, она тихонько посмеялась над своим страхом, а потом пожалела ворону, которая в такое мокрое и холодное лето, похоже, простыла и охрипла.

ПОЭЗИЯ

Сергей ЛЕБЕДЕВ

Сергей Александрович Лебедев – родился в 1949 г. в Рязанской области. По профессии химик-технолог. Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н.А. Некрасова. Лауреат премии «Левша» имени Н.С. Лескова 2012 года за лучшую публикацию в журнале «Приокские зори» г. Тула в жанре поэзии.

Живёт в Тольятти.

Звоном храм одиноко позвал...

Поминальная свеча

*Посвящается памяти моей матери,
Валентины Михайловны Лебедевой.*

На рассвете, блестя куполами,
Звоном храм одиноко позвал.
Что могу сотворить я для мамы?
Зажигая, помин заказал.
Вопрошают иконы устало,
Сколько можно прощаться грехам?
Хулиганил, не слушался, мама,
Не внимал я добру и словам.
Опływают горящие свечи,
Тает воск и кончается жизнь.
Не обнять твои тёплые плечи,
Не уткнуться лицом, не испить.
Обрываем домашние связи,
Для себя, обретя новизну,
Нахлебавшись и горя, и грязи,
Вспоминаем про маму свою.
Сожалею о шалостях в детстве,
И о грусти в глазах своих мам.
Сокрушаясь, приходим на место,
Где погост и бревенчатый храм.
На рассвете, блестя куполами,
Звоном храм одиноко позвал.
Я сегодня, вину искупая,
Лишь свечу на помин зажигаю.

Прощание

Я сидел на диване у Мамы в ногах.
Умирала Она у меня на глазах.
Улыбались морщинки, молчала Она,
Проплывали мгновенья за шторой окна.
И боялся я словом нарушить покой
Ожиданья последнего сна за рекой.
Понимала Она, что творилось в душе,
Не просила участия, опоры уже.
Мне хотелось хоть что-то в поддержку сказать,
Но она и без слов понимала всё – Мать.
Отвернулся к окну, утирая слезу.
Я вину перед нею по жизни несую.
Мы бессильны порой в неизбежности той,
Закрывающей солнце и Маму бедой.
Я сидел на диване у Мамы в ногах.
Передать не могу я всё это в словах...

* * *

Я не знаю бессонных ночей медсанбата,
И осколок не колет под сердцем моим.
Из трубы одинокой, обугленной хаты
Не слепил меня едкою горечью дым.

Только, если всё так, что ж, не чувствую боли?
От всего, что приносит с собою война?
Да, рождён я, наверно, на мирную долю,
Незабытая боль мне от мамы дана.

Картошка

Любила мать варёную картошку,
Особенно с разваром, в кожуре.
Когда «мундир» счищала, то немножко
Мне о военной ведала поре.
Я с ней делил то пиршество, не зная,
Что по военной маминой шкале,
Картошка на столе – подарок Рая,
И ничего нет лучше на земле.
Давно без мамы книгу лет листаю,
Годами стать мне старше повезло.
Её слова за мудрость я считаю:
«Картошка есть, забудется и зло».

Остановись!

Жестяной подоконник скользил и стучал,
Звал жестокий бетон, словно смерти причал.
Ты не понял, что это, как жизни черта,
И казалось, что волны стучали в борта.
А стучало в висках, что на свете один,
Ну, а жизнь – это просто наброски картин.
И тебя не поймут никогда, никогда,
Ты мудрее их всех, испытавших года.
А обида острей, чем заноза в ладонь,
И толкает в окно, словно в спину огонь.
Но на миг оглянувшись, увидел глаза:
И морщинки, и боль, на ресницах слеза.
Не поверил, и сделал движенье вперёд,
И распахнуты крылья, начнётся полет!
Но услышал спиной – мамы голос дрожал,
«Не хочу я, любимый, чтоб ты умирал!»
Под босою ногой жесть устала стучать,
Прикоснулась губами к ноге твоей мать.
Горечь слёз на краю обжигает ступни.
Ты за эту любовь свою глупость распни!

Ирина Владимировна Щербина – художник, поэт, прозаик. Член Московской городской организации Союза писателей России. Член клуба профессиональных писательниц «Московитянка» при ЦДЛ, участник литературно-поэтического объединения «Складень» при Общественном Международном Фонде славянской письменности и культуры. Автор нескольких поэтических циклов и сборника рассказов «Винокль». В 2012 г. награждена литературной премией с вручением медали А.С. Грибоедова, а также удостоена Почётного Диплома имени А.Т. Твардовского.

Живёт в Москве.

Сомнений и печалей не страшусь...

В моё окно глядела Русь

В моём окне всю ночь метался снег,
Невзгоды предвещала непогода.
Ну, разве стерпит это человек?
То хмарь полгода, то метель полгода.

Шальные хлопья мчались вверх и вниз,
Промозглый ветер завывал с укором.
А призрачные тени тёмных изб
Всё жались к покосившимся заборам.

Тоскливо предрассветною порой,
Небесный траур дремлет над полями.
Но вдруг восток окрасился зарёй,
На горизонте вспыхнув куполами.

Призывный колокольный перезвон
Разлился над сверкающим простором.
Весь мир очнулся, солнцем возрождён,
Овеял душу радостным задором.

И снова пробуждаются мечты,
Судьбы загадки кажутся простыми,
А меж сугробов стелятся пути,
Святого смысла полные отныне.

Сомнений и печалей не страшусь,
Пусть дождь полгода и пурга полгода.
В моё окно всю ночь глядела Русь,
Вселяя веру, веруя в свободу.

Дорога в небеса

На окраине вселенной
Дом, где скрылось наше детство.
Палисадник весь в сирени,
Старый тополь по соседству.

И, тропинкою петляя,
День за днём струится время.
Звонко песни распевает
Птичье радостное племя.

Жизни трепетные звуки
В золотом своём начале:
Там немислимы разлуки,
И неведомы печали.

Ключ от счастья затерялся,
В дивный край закрыты дверцы.
Отчий дом навек остался
Только в памяти да в сердце.

Бесконечная дорога,
Застылая былью небыль,
Нас уводит от порога
Шаг за шагом – прямо в небо.

Колыбельная

Красной ниткой вышиваю
Край у полотенца,
А потом всю ночь качаю
На руках младенца.
Куролесит вьюга, злится,
Ссорит душу с телом,
И в глазах плывут жар-птицы,
Алые на белом.
Стародавние напевы
Плещутся волною,
Я – направо, я – налево,
А они за мною.
Сквозь мольбы рябины стройной
Слышу конский топот,
Звон тревожный колокольный
И казачий ропот,
Волк клыкастый смотрит строго,
Вдоль бойниц – дозорный,
И раскинулась дорога
Рушником узорным.
На пути – врата резные,
Повстречались двое.
Пели ангелы святые
Им у аналоя,

Их в степи венчали травы,
К месту иль не к месту,
Но предал жених лукавый
Милую невесту.
И летит кольцо золотое
С пальца под крылечко...
Баю-баю, Бог с тобою,
Милое сердечко.

В небе теплятся зарницы,
Утихает ветер,
А по снегу бродят птицы,
Мудрые как дети.

Рождение строки

Закончились стихи.
Исчезли безвозвратно,
как нежные духи,
как солнечные пятна
на мраморе снегов,
как птицы, в небо взвившись...
Так первая любовь
уходит не простившись.
И кажется – душе
не ведать откровенья,
мечта на рубеже
унылого забвенья.
И снова не до сна,
разорваны страницы.
Но, может быть, весна
сумеет повториться?
Пускай не повезло:
вокруг обман и зависть,
созреет злу назло
священной рифмы завязь.
И жизнью смерть поправ,
листочком являсь из почки,
мир встретит, просияв,
рожденье новой строчки.

Страстная неделя

Я влюбилась наспех, никому не веря,
А ещё до Пасхи – целая неделя.
Обжигают взгляды, век не отмолиться.
В бирюзовой хляби – скорбная седмица.

Заблудился город в суете досужей,
Куполов узоры раскидав по лужам.
Грешные желанья, чередой сомнений,
На путях скитаний – веки откровений.

Но порой страстно сердцу нет ответа,
Ведь закат весною ласковой рассвета.
Слёзы словно бусы, нараспашку двери,
И младенец русский дремлет в колыбели.

Небесный регтайм

Небесный трубач раздувает щёки,
Взрывает тучи.
То смехом, то плачем бурлят водостоки
Над бездной кипучей.

Бульвары искрятся, до нитки промокли,
Наполнились тайной.
И ноты стучатся в закрытые окна
Беспечным регтаймом.

А память всё крутит смертельное сальто,
Срываясь с трапедий.
Натянуты струны от крыши к асфальту,
От разума к сердцу.

Печали, как дым, уплывают по ветру,
Кончатся будни.
Вновь стеблем тугим пробивается лето
Сквозь зимние судьбы.

Ливневым счастьем брызгает в лица...
Сладко и больно
Жизнь переписывать с новой страницы
Росчерком молний.

Апрельский закат

Вдоль горизонта – меди полоса,
И клочья облаков в незримой связи.
Закат, пылая огненною вязью,
Вычерчивает в небе словеса.

Стихают ветры, но уже летит
Задорный гул над вешнею листвою,
И чудится вечернею порою,
Что музыка нездешняя звучит.

Не разобрать в бездонной вышине:
Симфония или простая гамма...
Апрель вдоль туч слагает эпиграммы,
Быть может, там одна и обо мне?

ПРОЗА

Дмитрий ВОРОНИН

Гиблое место

Известный на всю страну модный художник-портретист Миколас Самсонавас отправился в творческую поездку по Нечерноземью. Богемная столичная жизнь последних десяти лет почти полностью опустошила Миколаса, заставляя его всё чаще и чаще менять свои волшебные кисти на бокал вина или рюмку водки. Да и от картин, которые Миколас всё же время от времени писал, удовольствия не получалось.

«Вся жизнь – дерьмо, жаловался он по пьяни своим очередным собутыльникам. – Не то всё, не так. Одни рожки лишь рисую. А в них только жадность да подлость, гнусность да пошлость, тупость да жлобство. Ни капли человеческого, сплошь рога, копыта и мерзкие ухмылки. Один бесконечный мелодраматический триллер. Уехать бы куда, на лица нормальные посмотреть, на завалинке поутру посидеть, петухов послушать, молока парного испить вместо этой водки проклятой, будь она неладна».

И вот ехал Миколас в купейном вагоне, потягивал потихонечку коньячок и любовался в окно сменяющимися друг друга пейзажами. Сердце художника радостно стучало в такт железнодорожному перестуку, наполняя Миколаса чудесными предчувствиями.

«Боже, какой я дурак, какой дурак, что двадцать лет проковырялся в этом столичном дерьме! Столько времени зря убил, – думал Самсонавас. – Нет, нет, больше и за сто миллионов меня назад не затанешь. Только туда, вперёд, к народу, к истинной Руси, к корням, в глубинку! Там черпать самое лучшее, самое благодарное, самое одухотворённое! И свою душу лечить, лечить и лечить. И Бога молить о прощении. В церквушке какой-нибудь самой захудалой. И чтоб без помпы и красотостей, а по-настоящему лбом оземь, и с батюшкой-подвижником. С беседами с ним философскими за чашечкой чая да с баранками. Ах, красота!»

С такими благодетными думами и прибыл Миколас Самсонавас в областной центр. Встречали художника с цветами и хлебом-солью девушки в сарафанах. Местная элита счастлива улыбалась приезду знаменитого гостя, нахваливая его незаурядный дар и великие успехи.

– Миколас, ваши портреты, они такие, такие! Они как Джоконда да Винчи и квадрат Малевича в одном лице и даже лучше! – придыхала перед Самсонавасом моложавая жена губернатора. – Я как их увидала, так в их и влюбилась без памяти с первого взгляда и до конца. Я так надеюсь в мечтах, что и моё скромное лицо ляжет

Дмитрий Павлович Воронин – родился в г. Клайпеда Литовской ССР в 1961 г. Работает учителем истории и географии в сельской школе. Член Союза писателей России с 2003 г., член Конгресса литераторов Украины. Автор трёх сборников рассказов. Лауреат международного конкурса «Согласование времён» (Германия) – 2009 и 2011 гг., судья международного конкурса «Согласование времён» – 2010 г., лауреат международного фестиваля «Славянские традиции» 2010 г. (Украина), лауреат литературной премии им. Юрия Каплана (Украина), лауреат национального конкурса «Золотое перо Руси» – 2011 г., Гран-При международного конкурса «Гоголь-фэнтези» – 2011 г. (Украина), лауреат «Гоголь-фэнтези» – 2012 г. (Украина), дипломант международного конкурса «Русский Stil» – 2012 г. (Германия).

Живёт в п. Тишино Калининградской обл.

красками на холст в портрете от вашей гениальной руки с кистями. И мои дети тоже в мечтах, даже в школу не ходят, всё ждут вашего приезда и позирования. А уж Матвей Гаврилович, муж мой, так он просто бредит вашими картинами. Он и в Эрмитаж в Кремле ходит, когда в Москве в гостях у президента бывает. Придёт в Эрмитаж, встанет перед картиной и любуется на неё с наслаждением. Вы ведь, Миколас, президента в натуре рисовали, у нас говорят? Как он вам в натуре показался? Великий человек?

«Бред, – тряхнул головой Самсонавас, пытаясь избавиться от наваждения, – дурдом, похлеще московского. Видать, от приёма не избавишься. Поем – и сразу же в глубинку, подальше от этого невежества».

На вечернем приёме Миколас Самсонавас пил, ел и выслушивал всякие глупости.

– Вы, Миколас, Литвинову рисовали? Как она вам в обнажении? – пыталась Самсонаваса толстая жена начальника областной милиции. – Говорят, тоща, как скелетина, и еле ходит от диеты.

– А правда, что у Пугачёвой груди из накладного силикона, и каждая по восемь килограммов веса? – интересовалась плоскогрудая владелица местных супермаркетов.

– У нас тут спор меж своими возник, что Церетели Петра Первого с Лужкова слепил, – чокнулся с Миколасом бокалом с шампанским губернатор. – А некоторые прямо указывают на Грызлова. Ты к кому склоняешься?

– А вы к кому?

– Хитёр, брат, на мякине не проведёшь, – погрозил пальцем Самсонавасу губернатор. – Вот что значит столичная закваска.

– Нам тут сказывали, что вы голову Ленина для Зюганова в мавзолее спозировали, – нервно дёрнул художника за рукав лидер областных коммунистов.

– Для чего? – от неожиданности Миколас расплескал полфужера коньяка.

– Для истории. Ну и как она?

– Кто?

– Голова.

– Мёртвая, – разозлился Миколас глупейшему вопросу, – мертвее не бывает.

– Ну да, ну да, мы, в общем-то, так это и предполагали, – спрятался за многочисленные спины коммунист.

– А что, были сомнения? – прокричал вслед ему Самсонавас.

– Не обращай на него внимания, они уже в прошлом, – приобнял за плечи Миколаса местный банкир, увлекая его за собой на балкон. – А нам бы с тобой о будущем перетереть.

– В каком смысле?

– В смысле вложений. У нас тут как бы кризис небольшой наметился, так вот хочу узнать напрямую, с первых, так сказать, уст. Твои картинки, что, действительно бабок стоят? Или это всё туфта?

– Ну, стоят, наверное, раз покупают.

– Ты мне не винги, ты мне как на духу, как перед папой скажи, стоят или нет? – пыхнул сигарным дымом в лицо художнику банкир.

– Стоят, стоят, – поморщился от бандитской выходки Миколас.

– Ну, смотри, не обмани, – фамильярно похлопал по плечу Самсонаваса банкир. – Мы тут с пацанами решили в тебя вложиться. В Москве уже кое-что прикупили и здесь, надеюсь, прикупим. Ты же сюда рисовать приехал?

– Ну да, – кивнул Миколас.

– Так и давай рисуй. Он так криво мурла вокруг крутится. Мы с пацанами всё скупим, что нарисуешь. Если там краски, кисти, бумага нужна, ты говори сразу, не тусуйся – всё привезём, хоть весь склад лакокрасочных изделий.

– Спасибо, конечно, но я здесь задерживаться не хотел бы, у меня другие планы.

– Это какие? – нахмурился банкир.

– Хочу в глубинку проехать, поближе к народу, там найти новые сюжеты.

– Ты чё, охренел? – ругнулся банкир. – Кто ж тебе за обыкновенных колхозников платить будет? Они ж не стоят ничего. А тут вон золотое дно, от губернатора до прокурора.

– Шедевры не от званий зависят.

– А от чего?

– От мастерства, – тяжело вздохнул Миколас. – Шишкина знаешь?

– Ну, – согласно кивнул банкир. – Про медведей у него и про рожь.

– Во-во. А людей ты там видел на его картинах?

– Нет, не видел.

– Вот видишь, у него на полотнах один лес, и стоит он побольше, чем любой из моих портретов.

– А-а-а, – задумчиво согласился банкир.

– Вот тебе и «а-а-а». Потому и в глубинку хочу. Понял?

– Теперь понял.

– Ну, а если понял, избавь меня от этих рож и отвези куда-нибудь подальше от цивилизации.

– Договорились, завтра с утра будь готов.

На следующее утро крутой внедорожник увозил художника на север всё дальше и дальше от областного центра.

– Куда теперь, начальник? – поинтересовался водитель, промчавшись мимо очередного городка. – Дальше скоро другая область, а мне туда без пахана въезд заказан.

– Через пару километров поворот на Шишку, не пропусти, – ещё раз взглянул на карту Самсонавас.

– Что за Шишка такая? Не слышал ни разу, – пожал плечами водитель.

– Судя по карте, километров сорок к северу от трассы будет.

– А дорога какая?

– А чего тебе дорога? – похлопал по панели Миколас. – У тебя такой танк, он и без дороги запросто пройдёт.

– Не скажи. Пахан, знаешь, за каждую царापину спросит.

– Не бойсь, за всё заплачено, – усмехнулся художник.

Свернув с магистрали, внедорожник ещё километров десять катил по асфальту, потом столько же по просёлку и оставшиеся километры – по совершеннейшему бездорожью.

– Может, заблудились? – занервничал водитель, потеряв терпение. – Чёрт знает, как тут ориентироваться, – всё бурьяном заросло, едем почти на ощупь. Да и наши поговаривали, что места в этой стороне гиблые.

– Да нет, всё нормально, вон и изба на взгорке виднеется, – указал вперёд Миколас.

У покосившегося, потемневшего от времени деревянного дома, обнесённого полустлелым штaketником, сидел сморщенный сторбленный дед, одетый, несмотря на августовский тёплый день, в зимнюю шапку-ушанку, старую издёрганную фуфайку, ватные штаны и валенки.

– Не жарко, папаша? – обратился к нему Миколас. – Не рано ль зиму встречаешь?

– Она у нас и не кончалась, сынок, – беззубо улыбнулся старик.

– А это что? – повёл рукой вокруг Миколас, указывая на разнотравье.

– А этоть видямость, обманка, – хихикнул дедок.

– Да чё ты с ним базаришь, – встрял в разговор водитель. – Не видишь, нажратый с утра и бредит. Ты, дед, лучше спой, как до Шишков нам добраться.

– И петь тута нечаго, вы ить ужo в Шишках.

Водитель оглянулся кругом, но кроме дедовой избы никаких построек не обнаружил.

– Чё ты дуру гонишь, чё гонишь, – набычился он на старика. – Где Шишки, показывай!

– Так ить где? – не испугался сурового взгляда старик и махнул ладонью в сторону. – Вязде. Тут Шишки, и за энгим оврагом Шишки. В них Гнат Шишков жавёт. И за тем перелеском Шишки. Тамоть Агафа Шишкова с Авдотой Шишковой жавуть. А за тем вона полем, вона на холме крыша видается, тамоть Кириян, мой брательник, жавёт с жаною Марусей, и тожа в Шишках. Ну, а тамоть, откудатъ вы приехали, тамоть Петка и Федка жавуть, тоже брательники из трахтуристов безжённые. И у них Шишки. Так какие вам надоть?

– Офигеть! – вылупил глаза на деда водитель.
 – Папаша, – чуть подумав, обратился Миколас к старику. – Я в отпуск приехал из Москвы, хотел месяца три-четыре у вас тут пожить, отдохнуть, сил набраться, ну и поработать. Не подскажете, у кого на постое остановиться? Я заплачу.
 – Из Москвы, скаживаешь? – прищурился старик, оценивая Самсонаваса. – Так ить подумкать надоть. Ежели в Шишки к Петке и Федке, так ить пьют и мордобитствуют. Не пойдёшь?
 – Не пойду, – улыбнулся Миколас.
 – Ну и правда. А ежели к брательнику мому Кирьяну, так ить пьёт и мордобитствует. А ишо Маруску равнуить. Не пойдёшь?
 – Не-а, – еле сдерживая смех, закрутил головой Миколас.
 – Ну и правда. Тогда, получатся, к Гнату Шишкову. Он самогонщик справной, тожа пьёт и мордобитствует. Не пойдёшь?
 – Нет, не пойду, – расхохотался Самсонавас. – А Авдота с Агафой тоже пьют, наверное, и мордобитствуют?
 – Ну не так, как Петка с Федкой, всё же они бабы, – хитро прищурился дедок. – Но оцарапать могут хужа кошки.
 – А ещё кто в округе живёт, или всех назвал? – вмешался в разговор водитель.
 – Чё ж не жить, жавуть. И кум жавёт, Гавря Шишков, и кума жавёт, Нинеля Шишкова, и в других Шишках Минька жавёт.
 – Тоже Шишков? – давился от смеха Миколас.
 – Ясно дело.
 – И тоже пьёт и мордобитствует?
 – Ясно дело.
 – Получается, ты один не пьёшь, наверное, и по характеру паинька?
 – Ясно дело.
 – Так, может, мне у тебя и расположиться на постой? – подмигнул Миколас водителю.
 – Ясно дело.
 – Ну, так и быть, остаюсь, – протянул старику руку художник. – Я Миколас Самсонавас.
 – Лях, што ли? – глаза старика хищно блеснули.
 – Нет, литовец по отцу, а так русский.
 – Ну-ну. А ентот кто будет? – обратился дед в сторону водителя. – Не шведец ли?
 – Сам ты шведец, – обиделся водитель. – Я, вообще, русский с Казахстана. И имя моё Мирон. Усёк?
 – Ну да, ну да, – согласно закивал головой старик. – А меня Козимой прозвали.
 – А по отчеству? – спросил Миколас.
 – А по батюшке Силыч.
 – Кузьма Силыч, значит?
 – Ага, ага. Козима Силыч.
 – Ну, ладно, Кузьма Силыч, показывай свои хоромы.
 Пройдя через сени, Миколас с водителем попали в просторную кухню с огромной русской печью. Кузьма Силыч пересёк её и отдернул занавеску, скрывавшую небольшую комнатку, в одном углу которой стояла железная панцирная кровать, заправленная лоскутным одеялом, а в другом старая этажерка и шкаф. Рядом с кроватью притулилась кривоногая табуретка.
 – Вот здесь и жави. Устроить? – обратился к Миколасу Кузьма Силыч.
 – Устроит, – вошёл в комнату Самсонавас и повернулся к водителю. – Звони своему шефу, что всё в порядке, место нашли, и завтра я приступаю к работе.
 Водитель поднёс мобильник к уху, дождался ответа и стал докладывать хозяину обстановку.
 – Чагой-то он, молится? – зашептал старик, показывая пальцем на Мирона.
 – Звонит, – усмехнулся Миколас.
 – Гдей-тот звонють? Не слахать, – приложил к уху ладонь дед.
 – Да нет, это он звонит, начальству своему.

– Кудыть?
 – Начальству.
 – Так ить чем?
 – Что чем?
 – Звонить чем?
 – А-а-а, – заулыбался Миколас. – Мобильником, дед. Штука вон у него в руке такая, на коробок спичечный смахивает, телефон современный.
 – Идишь, – отмахнулся от Миколаса Кузьма Силыч. – А то я талафону не знаю.
 – Нет, правда-правда, хочешь послушать?
 – Идишь, буду ашо. Што я, малой – голову дурить? Талафон со шнуром и трубою, – обидчиво надулся старик и, развернувшись, вышел из комнаты.
 Водитель тоже закончил разговор по мобильнику.
 – Ну что, всё доложил? – поинтересовался Миколас.
 – Да-а-а, – удручённо почесал затылок Мирон.
 – Случилось что?
 – Пахан приказал при тебе оставаться.
 – Что значит, «приказал»? – разозлился Самсонавас. – Вот ещё новость! Не нужен ты мне. Поезжай домой, – и точка.
 – Не, не могу, – покачал головой Мирон. – Пахан приказал.
 – Дай мне трубку, я сам с ним поговорю, – протянул руку Миколас.
 – Не, не могу, батарейка села, подзарядить надо бы.
 – Ну так заряжай, чего ждёшь?
 – А вот смотрю кругом и ни одной розетки не вижу. И ламп нигде нет.
 Миколас тоже внимательно обвёл взглядом комнатку, но ничего электрического не обнаружил. Выйдя в кухню, он поднял голову к потолку. Люстры там не было.
 – Кузьма Силыч, – растерянно посмотрел на деда художник, – а розетки-то где?
 – А нетути.
 – Как – нету?
 – А так, нетути и нетути. А пошто их держать, коли и света нетути.
 – Как так и света нетути? – перешёл на дедовский лексикон Миколас.
 – А вот так. Как Петка с Федкой все проводы со столбцов посняли годов эдак десять назад, так и жавём без лактричества.
 – Ни фига себе! – присвистнул Мирон. – И чё, вы, получается, и телик не смотрите?
 – Талавизор, што ль? – переспросил Кузьма Силыч.
 – Ну да.
 – Дык, у мини яго отродясь не было.
 – Счастливый человек, – с завистью вздохнул Миколас.
 – Какой счастливый? – возмутился Мирон. – Это же дурдом какой-то. Как же можно без телика жить. Я б повесился через неделю. Ни «Кривое зеркало», ни «Поле чудес» не посмотреть. Дикость какая-то. Этим Петке с Федькой головы надо пооткручивать.
 – Не. Нельзя, – не согласился Кузьма Силыч. – Кто тогда по муку, по соль, да по шпишки ездить нам будить? Окромья Петки и Федки некому. Трахтур токмо у их имеется. А то и кафеток кады привезуть.
 – Слышь, художник, поехали отсюда, пока не стемнело, – повернулся Мирон к Миколасу. – Там на трассе деревень куча. В них и свет есть, и телевизор.
 – Не-а, – улыбнулся в ответ Миколас. – Мне это в самый раз подходит, самое то для творчества. Никакой цивилизации.
 – Не понял? – изумлённо уставился на художника Мирон. – Ты чё, тут хочешь остаться? В этой дыре?
 – Ну да.
 – Подожди-подожди, а мне-то что делать?
 – Домой езжай, я ж тебе говорил.
 – Нельзя мне домой, за тобой приказано присматривать, – сник как-то сразу Мирон и умоляюще обратился к Миколасу: – А может, передумаешь, а?

– Нет, – твёрдо ответил художник. – Ты, Мирон, ехал бы. Не можешь домой, останись у кого-нибудь в райцентре, будешь оттуда ко мне наезжать.

– Правда? – ожил Мирон.

– Правда.

– Точно, блин, – хлопнул себя по бритой башке Мирон, вспомнив о чём-то. – Так я поеду, а то там Петросян скоро.

– Езжай, я тут и без тебя справлюсь.

После отъезда Мирона Миколаас перетащил свои вещи в комнатку, достал из привезённого с собой ящика бутылку с коньяком, вышел на крыльцо и подсел на ступеньки к курившему самосад деду.

– Ну что, Кузьма Силыч, а не распить ли нам за знакомство бутылочку коньячка?

– А давай, – согласился дед. – Токма бражничать тута на дворе будем, а то в дому скоро стемнеет, мимоть рота, как быть, не пронести.

– Ну, на улице, так на улице, – довольно потёр руки Миколаас и мечтательно произнёс: – Хоть на закат полюбуюсь, сто лет его не видел, да может, наконец-то картину настоящую напишу.

– Дык, полюбуйся, полюбуйся, мабуть, и напишешь, – пыхнул козьею ножкой старик.

И вот, когда уже почти затух закат, и была уговорена бутылочка коньяка, вдали раздалось прерывистое тарахтение.

– Это что? – прислушался к странному звуку Самсонаас.

– А-а. Енто Петка с Федкой на трахтуре едут. Видать, гдей-тойть каросину добыли.

Через минут пять во двор Силыча вкатился допотопный драндулет, отдалённо напоминающий трактор «Беларусь», выпустил облако вонючего дыма и обречённо заглох. Из покорёженной кабины, когда-то синего цвета, а сейчас сплошь покрытой ржавыми проплешинами, кряхтя, спустились два одинаковых кряжистых низкорослых бородача в замызганных телогрейках, в штанах галифе военного покроя и кирзачах. Пошатываясь, они подошли к костерку, у которого беседовали Миколаас со стариком.

– Здоров будешь, Козима Силыч, – снял кепку перед хозяином один из близнецов.

– И тебе здорову быть, Петка.

– Здоров будешь, Козима Силыч, – снял кепку и второй близнец.

– И тебе тож здорову быть, Федка.

– Подсести могём до огоньку? – сел к костру первый брат.

– Дык, сел ужо.

– И то верно, – согласился, усаживаясь, Федька.

Минуты две у костра стояла тишина, которую нарушил вздох Петьки:

– У тебя, Козима Силыч, сказывают гость объявился?

– А хто сказывает?

– Дык, ходют слухи, – ответил Петька.

– А-а-а, – кивнул старик.

Над костром снова повисла тишина. Миколаас с любопытством и удивлением рассматривал двух братьев, которые будто и не замечали его присутствия.

– Говорят, ажно с самой Москвы, – нарушил затянувшееся молчание второй брат. – И будто лях?

– А хто говорить? – повернул к нему голову старик.

– Дык, ходют слухи, – ответил Федька.

– А-а-а.

И опять над костром повисло молчание.

– Познакомил бы, – через несколько минут оторвал от костра взгляд Петька.

– Дык, я не супротив, токмо, вот, знакомка у вас исть али как? – растянул губы в хитрой улыбке Кузьма Силыч.

– А как жа! Чё, мы не русские люди без знакомки по дворам шастат, – оживился Петька и повернулся к заулыбавшемуся брату. – А ну-ка, Федка, слётай мигом к трахтуру, достань там знакомку.

Федька тут же вскочил на ноги, будто только этого и ждал. Вскоре на траву опустилась трёхлитровая банка, наполненная мутноватой жидкостью.

– Кряпка? – облизнулся старик.

– Забижаешь, – нахмурился Петька. – Крепчее столишной будет.

– А ты её пивал, столишную-то? – хихикнул старик.

– Забижаешь, – ещё больше сдвинул брови Петька. – Што, мы с Федкой совсем ужо дякие, што ли?

– А может, мне это... – попытался встать на ноги Миколаас.

– Сяди ужо, – придержал рукой художника старик, поняв его намерения. – Успеешь ищё до ветру. Сначала поручкайтесь. Это Петка с Федкой, братья близняковые. Петка старшой.

– На двадцать минут, – гордо расправился Петька.

– Во-во, – подтвердил Кузьма Силыч. – А ентот, Федка, младшой, с отставанием, значитя.

– С каким таким отставанием? – вскочил на ноги Федька.

– Сядь, пятух! – цыкнул на него Петька. – А то забыл, как в школе учился?

– А чё в школе? – обиженно забубнил в бороду Федька, опускаясь на траву. – Когдать енто было? Дык, што, из-за ентого до старости в дурнях ходить, што ли?

– А енто Миколаас, – не замечая возмущения Федьки, продолжал знакомить своих гостей старик. – По-нашему Микола, значитя, будеть.

– Лях? – вновь нахмурился Петька и потянулся к банке. – Для ляха знакомки не станется.

– Не-е, – успокоил его Кузьма Силыч. – Наш ён, русской. Енто родители у яго ляхи или шведцы. Тьфу, забыл. Подсоби, Микола.

– Литовец по отцу, а по матери русский.

– Ну, ежели по батьке, тады ладно, – убрал руки от банки Петька. – В жисти всяко быват. У нас вона с Федкой папаня, дык, вовсе староверской народности, по морде тожа бородастый был, весь в нас. А по карактеру самый, што ни на есть яврей, бросил маманьку, когдать нам и осимнадцати ащё не было. И сгинул гдей-тоть без слуху и духу. А ты сам-то хто по жисти будешь?

– Художник. Портреты пишу.

– А-а, – многозначительно закивали Петька с Федькой. – А к нам в Шишки пошто?

– Да хочу лица местных жителей написать.

– А-а, – вновь закивали братья. – А каво?

– Так кого назовёте, того и напишу. Передовиков ваших. Доярок, пастухов, механизаторов.

– А-а, – разочарованно переглянулись Петька с Федькой. – Енто мимо.

– Чего мимо? – не понял Миколаас.

– Нетуть у нас таковских.

– Каких таковских?

– Ну, доярков, ахрономов, мехнизаторов.

– А вы разве не механизаторы?

– Не-а, мы с Федкой трахтуристы, – отрицательно покачал головой Петька. – Мы по трахтурной части. Кому чаво привезть, ежели нужда стала.

– Давайте ужо сугреваться, – недовольно вмешался Кузьма Силыч. – А то совсем ужо простынем, чай не солнце.

Знакомился Миколаас со странными обитателями глухой стороны почти до утра, пока не кончилась трёхлитровая банка. И когда Федька, выделявая замысловатые кренделя, направился к трактору за второй банкой, столичный гость завалился на траву и тут же уснул. Проснувшись, Миколаас повернул голову направо. Рядом на спине, раскинув руки и открыв рот, лежал то ли Петька, то ли Федька и раскатисто храпел.

– Ты хто? – грозно прозвучало сверху.

– Я-то? – вздрогнул от неожиданности Миколаас, увидев склонившегося над ним одного из трактористов. В руке близнеца был зажат топор.

– Ты-то, ты-то. Лях?

– Не-е, Петка. Ён с Москвы, ён Микола, – подал голос с крыльца своего дома Кузьма Силыч. – Ён мулеватель, мулевать приехал.

– А-а, – отступил от Миколаса Петька. – Мулеватель енто хорошо. Нам с Федкой трахтур замулюет. Смогёшь?

– Смогу, – вытер выступивший на лбу пот Миколаас.

– Ну, тады надоть выпить знакомки. Меня Петкой кличут, а енто Федка спит, вчерась, верно, напился.

– Не-не-не! – в ужасе запротестовал Миколаас, увидев как Петька зашагал к трактору.

– Молчи, Микола, – зашептал подошедший к нему Кузьма Силыч. – Знакомку надоть выпить, а то хужей будеть.

Петька принёс очередную трёхлитровую банку самогона, и пиршество продолжилось. С этого момента Миколаас Самсонавас практически полностью перестал ориентироваться в происходящем. Он пил, чем-то закусывал, пел песни, спорил, ругался, отключался, потом опять пил, закусывал, пел, танцевал, вырубался, приходил в себя, куда-то ехал, с кем-то знакомился, пил, закусывал, пел песни, ругался, дрался, танцевал, вырубался.

– Ты кто? – услышал Самсонавас в очередной раз, отрывая голову от стола.

– Я?

– Ну не я же!

– Микола. А ты кто?

– Я? – тупо посмотрел на него бородастый мужик.

– Ну не я ж.

– Петка.

– А знакомка хде?

– У Мирошки надоть поспрашать, – повернулся бородач в сторону русской печи. – Мирошка, хде знакомка?

Шторка над полатями раздвинулась, и оттуда вылезла здоровая заросшая физиономия ещё одного мужика. На мгновение Миколаасу показалось что-то знакомое в этом лице. Будто он уже когда-то встречался с этим человеком. Но это хрупкое воспоминание тут же исчезло.

– Это ищё кто?

– Этоь Мирошка, брательник наш с Федкой. Недавноть нашёлся.

– Хде?

– Да ить здесь, около дому. Ишо до холодов прибулудился, принял из рук Мирошки трёхлитровую банку Петька. – Дикой вот токмо, малость. Усё молчит больше, а как выпьет, дык, заговаривает, и усё про талавизер чагой-то.

Услышав знакомое слово, Мирошка расплылся глупой улыбкой, закивал головой и выдал скороговоркой, жестикулируя руками:

– Талавизер, дырк, пр-р-р, хр-р-р, опа-па! Талавизер, дырк, пырк, вжик, опа-па! Талавизер, хр-р-р, опа-па! Мне!

– Видать, ён мастак у вас по талавизерам, – предположил Миколаас и задумчиво посмотрел в окно. – Ужеть снег. Давно?

– Дён семь как, – поднял кружку самогонки Петька.

Выпив и закусив варёной картошкой, Миколаас с силой потёр лоб, пытаясь удерживать какие-то воспоминания, вновь промелькнувшие в его воспалённом мозгу.

– А я кто? – обратился он к Петьке после тщетной попытки восстановить память.

– Микола.

– А-а, – попытался встать из-за стола Миколаас, но ноги не держали. – А хде я?

– У нас, в Шишках.

– А-а. А живу хде?

– Чичас узнаю, – наклонился под стол Петька и пнул кого-то ногой. – Федка, Микола чейный?

– Козимы Силыча сын, – раздалось из-под стола. – Мулеватель.

Миколаас тоже нагнулся вниз. Под столом, свернувшись калачиком, лежал бородастый мужик – точная копия Петьки.

– А чаво я у вас делаю?

– Дык, трахтур приехал мулевать.

– Давно?

– Дык, можо месяц, а можо два. Хто его знат. С лета ты при нас, – кряхтя, вылез из-под стола и налил себе самогонки бородач. – Покась по всем Шишкам проехали да у всех сродственников наших Шишковых прогостевали, дык всё с нами был. Завтрась-послезавтрась к Козиме Силычу, батьку твому, назад тябя отдадим. Жалкость, родимый совсем стал, как Мирошка.

– А давай за жалкость споём, – предложил Петька, обнося всех самогоном, и первый затянул:

*Эх, мороз, мороз,
Не морозь маня,
Не морозь маня,
Свовово коня...*

К дому Кузьмы Силыча уже почти по темноте подъехал вездеход. Из него выскочили четверо здоровенных мордворотов и, суетливо озираясь, взбежали на крыльцо. Двое из них тут же скрылись в сенях. Через несколько минут один вернулся назад и проговорил в микрофон, скрытый в воротнике куртки: «Всё чисто, можно выходить». После этого разрешения дверца вездехода медленно открылась, и из него вылез наружу владелец банка, заключивший ещё летом с Миколаасом Самсонавасом договор на будущие картины художника.

За банкиром осторожно ступил в снег высокий худощавый мужчина, одетый в форменное пальто с прокурорскими петлицами.

– Чё, есть кто в хате? – обратился банкир к своему телохранителю.

– Только один старик.

– И всё?

– Больше никого.

– Ну, пойдём, Веня, поспрошаем аборигена по поводу художника, – зашагал к дому банкир, приглашая за собой прокурора.

– Гамлет Саркисович, вы точно уверены, что Самсонавас сюда направился?

– Точно, точно, Веня. Я ж тебе уже говорил, что водила – мой человек, отсюда откуда-то звонил летом в последний раз. А потом всё, как обрезало. Я особо не дёргался, мало ли, может, мобилу потерял. Но вот уже Новый год на носу, а о них ни слуху ни духу. Странно всё это.

Не отряхнув снег с обуви, оба прошли в кухню. За столом сидел Кузьма Силыч и спокойно рассматривал визитёров.

– Ну, старик, рассказывай, – присел на табуретку напротив деда банкир.

– Об чём? – достал из кармана кисет Кузьма Силыч.

– О художнике, что летом сюда картины рисовать приезжал.

– Дык, не було никого.

– Не свисти, старый, отсюда звонили, докладывали.

– Дык, у мени и талелефону нетуть.

– Дурака не валяй, звонили с мобилы.

– С какой могилы? – испуганно отшатнулся в сторону Кузьма Силыч и перекрестился.

– Не дуркуй, батя, не прикидывайся, будто не знаешь, с какой такой мобилы, – встрял в разговор прокурор.

– Вот ты крест, – истово перекрестился Кузьма Силыч. – И знать не знаю ни про каку могилу. У нас в Шишках год как никто не мёр, слава тя Господи. Усе Шишковы пока што жавые да здоровые, жавуть да вам жалають.

– Чего ты несёшь, старый? – перебил Кузьму Силыча банкир. – Какие Шишки, какие Шишковы? Что-то мы кроме твоей развалюхи никаких домов больше не встретили.

– Ну, дык, ня тою дорогою ехали.

– Мы вообще без всякой дороги сюда добирались.
 – Ну, дык, занесло яё усю.
 – Ладно, дед, короче, где художник Миколас Самсонавас? – угрожающе надвинулся на Кузьму Силыча банкир.
 – Дык, нема у нас таковых, и отродясь не було. Микола исть, а Миколаса нема.
 – Послушайте, Гамлет Саркисович, а может, ну его, может, действительно не было тут никого, – вновь вмешался прокурор.
 – Как не было, если последний звонок отсюда прошёл, – поднялся с табуретки и зло ударил сапогом ножку стола банкир. – Объяснить можешь?
 – Ну, трудно, конечно, но попробую, – закурил «Парламент» прокурор. – Тут вот какое дело, места эти с недоброй славой ещё с давних времён. Много здесь народу сгинуло. А началось всё ещё с Ивана Сусанина, когда он где-то в этих лесах поляков сгубил. Вот с тех пор пришлые людишки в этом углу и пропадают. Из недавнего, помните, лет десять тому, замминистра сельского хозяйства Игнат Васильевич со свитой приезжал? Он ещё грозился эти угоды в бессрочную аренду китайцам отдать.
 – Ну? – насупился банкир.
 – Сгинул и сам, и свита, и всё сельское хозяйство. Так и не нашли. А ещё замминистра образования Аграфена Николаевна года три назад сунулась со своей модернизацией сельские школы закрывать. Помните?
 – Ну.
 – Школы успела закрыть, а сама сгинула.
 – Не нашли?
 – Нет, ни её саму, ни сопровождающих. Как в воду канули. Места после этого совсем глухие стали. Даже свои ездить сюда побаиваются.
 – Подожди, подожди, – вытащил из своей куртки фляжку с коньяком банкир. – Так это значит и министр здравоохранения Гавриил Алексеевич с министром культуры Ниной Андреевной тоже где-то здесь?
 – Ну да, когда клубы да ФАПы закрывали, – взял из рук банкира фляжку прокурор. – Мы сюда и войска посылали прочёсывать. Бесплезно. Гиблые места, одно слово – сусанинские. Тут ещё кандидат в депутаты, Дмитрий Пустовой, тоже где-то сгинул.
 – Точно, пропал он. Мы его финансово прикармливали. Уж больно сказки хорошо рассказывал про светлое будущее – заслушаешься. Вообще, чертовщина какая-то, – поёжился банкир и повернулся к Кузьме Силычу. – А про Миколу своего ты всё ж скажи, дед, где он у вас проживает.
 – А тама, – махнул рукой старик в направлении леса. – Близко.
 – Поехали, – уверенно шагнул за порог банкир.
 Кузьма Силыч, кряхтя, поднялся с лавки, подошёл к шкафчику, достал оттуда литровую бутылку самогона, наполнил стакан и залпом его выпил.
 – Эка хороша! – крякнул он от удовольствия и, глядя в окно на удаляющийся вездеход, задумчиво произнёс: – К Петке с Федкой супостаты поехали, к Сусаниным по матери.

Ильич

На городской свалке Ильич появился поздней осенью. Высокий сутулый старик в тёмно-коричневом драповом пальто, шапке-ушанке и в ботинках на толстой подошве медленно брёл среди зловонных завалов, шуруда перед собой сучковатой надтреснутой палкой.

– Чего ищешь, дед? – обнажил в приветливой улыбке полубеззубый рот низкорослый мужичок в истрёпанной грязной фуфайке. – Скажи, может, чего присоветую.
 – Так это... Вот, – засмутился, остановившись, старик, – бутылки пустые ищут.
 – Бутылки? – нахмурился мужичок, подозрительно оглядывая новоявленного

конкурента. – А чего это тебя на свалку занесло, в городе, что ли, бутылок уже не осталось?

– Не могу я в городе, – нервно сжал свой посох старик.
 – Стесняешься... – понимающе усмехнулся бомж. – Звать-то тебя как?
 – Степан Ильич.
 – Ильич, значит... Ну а меня Витьком когда-то нарекли, а тут все Солнышком кличут, – протянул грязную ладонь Ильичу мужичок.

Старик с опаской подал навстречу свою дрожащую руку.

– Ты вот что, дед... Ты это, держись возле меня, тогда и при таре будешь и не тронет никто, – снисходительно ощерился Витёк. – Тут у нас конкуренция ещё та, чужих особо не жалуют и побить могут запросто.

– Побить? – удивлённо посмотрел на бомжа старик. – За что?

– А то, – захихикал, радуясь удивлению Ильича, Витёк, – за дело. Я ж говорю, у нас новеньких не любят, лишний рот – лишние заботы. Вот ты, к примеру, явился сюда и думаешь, будто тут эти бутылки на каждом шагу разбросаны. А сколько в твоей сумке их, ответь?

– Одну пока нашёл только.

– Правильно, одну, – согласно кивнул Витёк, – ну, может, ещё одну найдёшь или две – и всё.

– Как – всё?

– А то, – вновь засмеялся Солнышко, глядя на растерявшегося Ильича. – Ты, верно, думал, что здесь бутылки только для тебя одного и валяются, так ведь?

– Ну, не знаю...

– Ага, так, – довольно вскинул голову Витёк. – А тут нет ничего, ищи не ищи.

– Что, вообще?

– Ну, если ты экскаватор, то найдёшь.

– Так их чего, не привозят сюда? – вконец расстроился Ильич.

– Привозят.

– Чего ж ты мне тогда голову морочишь?

– Так когда их привозят, таким, как ты, возле них места нет, – открыто радовался стариковскому раздражению Витёк.

– Это почему? – покраснел от злости Ильич, чувствуя откровенную издёвку.

– Я ж говорил, у нас чужих не любят, побьют.

– Мне чего, назад уходить, ты на это намекаешь?

– Да нет, дед, ты мне понравился, – ободряюще хлопнул Ильича по плечу Солнышко. – А со мной тебя не тронут. Пошли.

– Куда?

– Познакомлю тебя со своей бригадой.

Умело лавируя между кучами гниющего мусора, Солнышко вывел старика на большую ровную площадку посреди свалки. Площадка была наполнена фанерными ящиками, картонными коробками, какими-то уродливыми строениями, напоминающими то ли огромные собачьи будки, то ли дровяники, то ли складские сарайчики. Возле этих построек, местами обтянутых полуистлевшим брезентом, копошились люди, одетые в грязное рваньё.

– Кого ещё притащил? – выкатилось навстречу Солнышку бесформенное толстое существо непонятного пола в рваном солдатском бушлате. – Чего ему тут надо?

– Не заводись, Софочка, не заводись, красавица, – раскинул руки Витёк, загораживая собой Ильича от неласковой бабы. – Хорошего вот мужика встретил, подумал, тебе жених знатный, ну и привёл познакомиться. А ты сразу кидаться, как пантера какая. Что о тебе интеллигентный человек подумает, а? Подумает, кавой-то мне Солнышко подсунуть хочет, обещал красу ненаглядную, а на самом-то деле – гарпия натуральная.

– Балабол дурной, чтоб тебя!.. – под общий смех растянула в улыбке гнилой рот Софочка. – Тоже мне, нашёл жениха, пенька старого, – и, махнув рукой, миролюбиво обратилась к Ильичу: – Что, дед, из дома выгнали?

– Выгнали, выгнали, – опередил старика Витёк, не давая тому опомниться. – По

себе знаешь, какие нынче детки пошли, не тебя одну на улицу выкинули, вот и Ильича тоже.

- Из-за квартиры?
- Из-за неё, из-за чего ж ещё, – продолжал отвечать за деда Солнышко.
- И идти больше не к кому?
- А то б он сюда пришёл!..
- Слушай, Солнышко, – нахмурилась Софа, – чего ты за деда распинаешься, пусть сам говорит, или он немой?

– А ты себя вспомни, когда из квартиры вышвырнули, много ль слов у тебя было?
– И то верно, – вытащила из кармана бушлат «Приму» Софа, – я тогда с месяц как пришибленная была, всё молчала. Никак до меня не доходило, кто что балакает, про чего спрашивают. Хорошо, сюда добрые люди привели, так тут только и отошла. Счас уж и не вернулась бы назад, что б ни сулили.

– Да... – философски протянул Витёк. – Жизнь – она, конечно, не подарок. Вот так живёшь-живёшь, вроде чего-то добился, вроде и хорошо тебе, как вдруг бах! – и в один момент всё кувыркотом, всё с ног на голову, будто снег среди жаркого лета.

– Сложно оно всё, это ясно, видать, на роду у людей так написано, – подтвердила значительную мысль Софа и повернулась к Ильичу. – А ты, дед, в Бога веришь?

Ильич вздрогнул от неожиданного вопроса, хотел было уже ответить, но Солнышко вновь оказался проворнее.

- Верит, Софочка, верит.
- Это хорошо, – довольно закивала Софочка, отходя от мужчин, – без веры сейчас нельзя, а то так и свихнуться можно.
- Что это ты тут про меня такого наплёл, – нахмурился на Витёка Ильич, – и бездомный я, и верующий?

– А чё, надо было похвастать, что у тебя особняк в трёх уровнях и ты помощник Жириновского, а бутылки сюда так пришел собирать, для коллекции? – с издёвкой прищурился Солнышко.

– Вообще-то дома у меня и впрямь нет, – виновато сник старик, присев на грязный продавленный диван, стоящий возле покосившейся постройке.

– Ясно дело, – согласно кивнул мужичок, восприняв заявление Ильича как само собой разумеющийся факт.

– Вот только сын меня из него не выгонял, – продолжил начатое откровение Ильич, – сын меня попросту забыл. Как вышел лет двадцать назад в большие начальники, так и забыл и меня, и мать – жену мою. Жена-то померла два года назад, так он и на похороны не явился, хоть и сообщали. У нас трёхкомнатная квартира была. Пока с женой пенсию получали, хватало за квартиру платить, а как жены не стало, – задолжал я. Вот и решил трёхкомнатную продать, а себе однокомнатную купить. Чёрт меня дернул по объявлению, через посредника делать, хотел побольше денег получить, а в итоге оказался на улице без гроша, и не докажешь ничего.

Солнышко открыл, было, рот, но Ильич предупредил его.

– И не спрашивай, что и как, даже вспоминать не хочу. Жив остался – и то, слава Богу. Лето мыкался по знакомым, да так, где придётся.

- А к сыну? – встрял всё-таки Витёк.
- Нет его у меня, – зло вскинул голову старик, – помер он вместе с женой.
- Как – помер? – удивился мужичок.

– Для меня он мёртв, раз даже мать свою схоронить не сподобился, – ударил, как обрубил, по разбитому дивану Ильич. – И всё, хватит об этом.

- Ну, а в милицию, собес?
- Где только не был, – с досадой отмахнулся Ильич. – Документы мои вместе с квартирой накрылись, а без них я кто? Никто! Тля я без бумажек этих...

– Это точно, – понимающе подтвердил Солнышко, – по себе знаю. У наших, что тут живут, почти у всех так. И что ты дальше думаешь?

- Не знаю, сдохну, наверное, в эту зиму.
- Ты вот что, оставайся у нас. Тут и с голоду не умрёшь, и выпить всегда найдётся, да и крыша над головой какая-никакая.

Так Ильич и прижился на свалке. С утра на промысел – то бутылки собирать, мыть, сдавать, то продукты выброшенные сортировать, продавать, то металл, то запчасти. Да мало ли чего на свалку выкинут. Зимой Ильич с Витьком худо-бедно прокантовались, а по весне, когда уже теплом запахло, простудился Ильич на сквозняке, в горячке промучился недели две и помер однажды под утро.

– Отстрадался, сердешный, – посочувствовала Ильичу Софочка и повернулась к Солнышку. – Что делать со стариком-то будем? Сообщить в милицию от греха подальше, пожалуй, надо бы. Может, родственники какие объявятся. У него документы-то есть? Посмотрел бы по карманам...

– Да нет у него ничего, слямзили документы. И родственников нет, сын только. Так он даже мать не схоронил, а Ильича и похоронено не будет.

– А ты всё ж проверь, может, какая бумага и завалялась.

Солнышко нехотя стал проверять карманы стариковской одежды. Проверил пальто, принялся за пиджак и вдруг за подкладкой, напротив сердца, нащупал какой-то свёрточек. Витёк суетливо надорвал подклад, отцепил от булавок мешочек, прикреплённый к пиджаку, и, вспоров его, вывалил содержимое на фанерный ящик.

– Ни черта себе! – раскрыла в изумлении гнилой рот Софочка! – Вот это да!

На ящичке поблёскивала кучка орденов и медалей времён Отечественной войны. Солнышко дрожащими руками заморожено принялся сортировать Ильичёвские награды.

– Орден Славы, два ордена Красной Звезды, орден Ленина, Отечественной двух степеней, медаль «За отвагу»...

– Целый иконостас, – поражённо прошептала Софочка.

– Зови мужиков, – в волнении прохрипел толстухе Витёк, – да побыстрее!

Через несколько минут все обитатели «жилой площадки» собрались возле Солнышкиного сарайчика.

– А Ильич-то геройский мужик был, – уважительно перешёптывались они. – Это ж надо, столько наград заслужить!

– Да-а... Кем же он на фронте был?

– Кем бы ни был, но то, что герой из героев, это точно.

– Что делать-то будем? Надо бы властям сообщить, такого человека с почестями хоронить полагается.

– А может, продадим ордена? Они ведь бабок бо-о-льших стоят!

– Я вам продам, я вам сообщу! – возмущённо задохнулся Солнышко. – Я, итить вашу, любого замочу, кто хоть вякнет кому, что мы тут сейчас увидели.

– А ты что предлагаешь? – с интересом уставились на Витёка бомжи.

– А вот что, – закурил сигарету мужичок. – Не будем мы ничего никому сообщать. Если такой человек при жизни этим властям не нужен оказался, то после смерти и похоронено им он ни к чему. Сунут, как бомжа, в общую могилу, а ордена запарят и продадут.

– Это точно, – закивали мужики.

– Мы его сами похороним, – затушил сигарету Солнышко.

– Где, на свалке, что ли? – хихикнул кто-то.

– Нет, не на свалке, – ожёг всех взглядом Витёк. – В роще за свалкой. Пусть у нас будет своя могила героя, свой неизвестный солдат.

– Правильно, Солнышко, – заплакала вдруг Софа. – Ильич – душевный старик был, да ещё и герой, уж я-то за его могилой каждый день присматривать стану.

– А награды куда денем?

– А награды вместе с ним схороним, – строго ответил Витёк.

– Верно, Солнышко, правильно, – одобрительно раздавалось со всех сторон.

– И кто на ордена, не дай Бог, позарится – тому не жить. Понятно? – пылал глазами Витёк.

– За кого ты нас удержишь?

– На куски искромсаю, кто могилу Ильича тронет.

– Солнышко, с этим понятно, вопрос в другом. Могилу-то не скроешь, обнаружат её – надругаться могут.

– Я это уже продумал, – согласно кивнул Витёк. – Мы не станем делать настоящую могилу – холмик там, крест, оградка. Мы Ильича под липой похороним. Помните – там, в роще, на полянке?

– Ну.

– Похороним и кострище на том месте разведём, чтоб знать, где точно лежит. Чужим невдомёк, а мы приходиться будем, поминать. Костёр разведём – и Ильичу тепло, и нам благостно.

– Молодец, Солнышко, всё верно, – согласились бомжи.

Весь день население «жилой площадки» с энтузиазмом готовилось к погребению Ильича. Сколотили гроб из досок от ящиков, обтянули его чёрным материалом, завалявшимся у одного из обитателей свалки. Софа Ильича обмыла, передела в чистое бельё из своих запасов, Солнышко укрепил на груди героя награды, и вечером, когда стемнело, траурная процессия двинулась к выкопанной могиле. Гроб опустили в яму, быстренько засыпали землёй, тщательно притоптали и тут же на скорбном месте развели костёр.

– За Ильича, – поднял кружку с суррогатом Солнышко. – Пусть земля ему будет пухом, – выпил он содержимое до дна.

– За героя! – застучали друг о друга остальные кружки...

ПОЭЗИЯ

Анатолий ГРЕБНЕВ

Анатолий Григорьевич Гребнев – родился в 1941 г. в с. Чистополье Котельничского района Кировской области. В 1965 году окончил Пермский медицинский институт, работал в сельской больнице Кировской области, продолжает работать врачом в Перми. Окончил литературный институт им. М. Горького (1970–1976). С 1978 года – член Союза писателей России. В 1972 году вышел первый поэтический сборник «Приволье», включавший и поэму «Бессмертник». За ним последовали «Родословная» (1977), «Зеленый колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Храм» (1991). Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ (2004).

Живёт в Перми.

Бушует вселенская вьюга...

Храм

Высокие рухнули своды,
И пылью взошёл к небесам
Воздвигнутый в древние годы,
Сиявший столетьями храм.
Растворов ли связи крутые,
Иль камень твердел от молитв –
Но тьме разномастных батыев
Не дался на щит монолит!
Вся Русь и в огне, и в порухе,
Но, подвигов ратных оплот,
Твердыней негленного духа
Сей храм в честь Победы встаёт!
Встаёт, чтобы славу и муки
Забвенью предать не смогли,
Чтоб чтили и ведали внуки
Святыни родимой земли...
Кто скажет, что храм уничтожен? –
Старинная кладка цела,
Фундамент глубок и надёжен,
Чтоб вновь вознеслись купола!

И словом, подвластным пока мне,
Я кличу товарищей рать:
Не время оплакивать камни –
Пора их опять собирать!

Фронтвик

И соседи давно уж не рады –
Снова сдвинулся Ванька, дурит:
Он костёр разжигает в ограде
И кричит: «Севастополь горит!»

Урезонивать Ваньку без толку,
В этот час его лучше не тронь.
В белый свет он палит из двустволки
И орёт: «Батарея, огонь!»

Он крушит, что попало, неистов,
По команде: «В атаку! Вперёд!»
Разобьёт подчистую фашистов,
Севастополь России вернёт...

Успокойся,
Баньку истопит.
Но, друзей вспоминая, твердит:
«Севастополь родной, Севастополь...»
Слышишь, друг, –
Севастополь горит!

Синайский воробей

Пожалуй, он нигде не оплошает,
До слёз родной проныра – хоть убей! –
Смотрю, как сладко финики вкушает
На финиковой пальме воробей.

Наверняка по-русски разумея,
Чирикая, он сел на пляжный тент.
– Да ты не из России ли, земля?
Или с двойным гражданством, диссидент?

Спасибо, ты мне Родину напомнил!
Пускай она отсюда не видна,
Хочу я, чтоб и ты душою понял:
У нас от Бога Родина одна.

Здесь нет зимы,
а там твои собратья –
Их греет и в мороз родимый дым!
Могу тебя на Родину забрать я –
Давай-ка завтра вместе полетим!

Владимиру Кручину

Не в те ль времена Святослава
В моём древнерусском краю
Я вижу,
Как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.

Бескрайней подхваченный волей,
Держа в узелочке обед,
Бежит он по жёлтому полю,
Которому тысячи лет.

Известно уже мальчугану
Зловещее слово – война.
Отец его –
В битве с врагами,
Мать – в поле
с темна до темна.

Той давней,
Но памятной яви
Я, видно, забыть не смогу.
Не я ли тот мальчик,
Не я ли
В страду к своей маме бегу?

Не я ли тем августом ясным,
Хоть ростом всего с полснопа,
Стараюсь завязывать свясла
И ставить снопы на попа.

Не я ли,
У дня на изломе,
Колосья зажав в кулаке,
Уснул в золотистом суслоне,
Как в сказочном том теремке.

И мать,
моя мать-Россия –
Солдатка,
горюха,
вдова –
Над будущим пахарем-сыном
Склонилась в слезах у жнитва.

Друзьям-детдомовцам

А мы завидовали вам,
В село глухое привезённым, –
Казённым вашим башмакам,
Суконным курточкам казённым.

Поскольку – тут не до затей, –
Форся своей обувкой древней,
Не вылезала из лаптей
Послевоенная деревня.

Тогда казалось мне спроста,
Что разница неуловима:
Друг Юрка – круглый сирота,
Я – сирота наполовину.

...Собрало – помню как сейчас, –
В дому гостей большим
Престольем.
И друг-детдомовец у нас
Сидел за праздничным застольем.

– Ты ешь-ко, дитяtko, да пей! –
Мать Юрке голову погладит.
А бражный дух среди гостей
В который раз уж песню ладит.

И грянул песенный куплет
Да с неподдельной болью тою,
Как на чужбине с юных лет
Остался мальчик сиротою.

И я подтягивал, как мог.
А Юрка голову склоняет
И в недоеденный пирог
Слезу солёную роняет.

– Да что с тобой? –
А он молчит.
И вот я вместе с ним тоскую.
Не с тех ли пор
Душа болит
И чувствует
Слезу
Мирскую?

Последняя родня

В своём селе на склоне дня
С попутки спрыгну, ног не чуя:
Хоть ночь одну переночую –
Встречай, последняя родня!
Я сам с усам и с хлебом-солью,
Бросаю в сенках чемодан.
Дай, обниму тебя, братан!
И развернись, как встарь, застолье!
Я нашей встрече рад не рад!
Хоть зря, быть может, разошёлся:
Ведь нас – раз-два да и обчёлся!
За всех, кого уж нету, брат!
Давай, нам будет веселей,
Когда под всхлипы старой хромки
Польются нежно и негромко
Напевы матери моей.
Я, к ней душою унесён,
Рванусь, но скажут:
«Завтра, милый...
Не ходят ночью на могилы.
Не надо их тревожить сон».
Ну что ж, излейся, сердце, в песне –
До утра мать дождёт меня.
Гуляй, последняя родня,
Когда ещё мы будем вместе!
...Пою, не поднимая глаз, –
Мне и за песней нет покоя.
Душой предчувствую такое,
Что видимся в последний раз...

А мне, когда глаза закрою –
Родное мне
Ещё родней:
Она всегда передо мною –
Могила матери моей.

Там, за оградкой,
Две рябины,
Скамейка, что всегда пуста,
И синь со стоном голубиным
За колокольней без креста.

Не знаю, что с моей страной,
Но я живу во мраке дней
Тем, что она
Всегда со мною –
Могила матери моей.

Помню, в детстве упал я в траву
И, впервые,
В беспомощном плаче,
Содрогнулся душою ребячьей:
Я узнал, что я тоже умру.

Поседел я теперь, но однако,
Горе горькое знавший не раз,
Я бы снова об этом заплакал,
Но уже
не умею
сейчас...

Метельный вальс

Не ангелы в душу слетели,
Не к Богу душа поднялась –
Щемящим порывом метели
Ударил свиридовский вальс!

И боль, и мольба, и рыданье,
И ропот смертельных разлук –
В такие пределы страданья
Уносит божественный звук!

И сам я не знаю,
Куда я
В метельном круженье лечу –
К могилам родных припадаю,
Обнять всех живущих хочу.

Как искры в сплошной круговерти,
Пронесётся мысли во мне
О собственной жизни и смерти,
О собственной горькой вине.

Бушует вселенская вьюга,
Сливаются в хор голоса...
Плечом я почувствую друга,
Очнусь
И открою глаза.

Увижу – стакан мой не допит.
Мы с другом в застолье одни.
И шепчет услужливый опыт,
Что лучшие прожиты дни.

Сошли с карусельного круга,
Исчезли, как тени, скользя,
Прекрасные наши подруги,
Старинные наши друзья.

И мы покаянно итожим
Всё то, что ушло навсегда:
Мы даже заплакать не можем,
Как в юные наши года.

Но всё же до слёз потрясают
Небесные звуки, скорбя.
И вера, как свет,
Воскресает
В душе у меня и тебя.

И где бы и что ни случилось
Отныне с тобой и со мной,
Но будет нам тайная милость
У края дороги земной:

Слетятся, как ангелы, звуки.
Над миром
Душа различит,
С какой упоительной мукой
Мелодия эта звучит!

Жаворонки

Неужто поле пахарей не помнит,
От века здесь ходивших за сохой?
И я спросил у жаворонка в поле:
– Куда они ушли,
в предел какой?
– Ты подожди,
постой ещё,
послушай, –

Журчащим словом
он ответил мне. –
Не жаворонки –
землепашцев души
Поют и оживают
По весне!

Осенней родины простор.
Дымится иней на отаве.
И листья падают в костёр
И к звёздам
звёздами взлетают.

Земля становится родней,
Когда сырой осенней ранью
Омёты выкошенных дней
Плывут в оглохшие туманы.

Поля, остывшие уже,
И чёрный лист на ветке голой –
Во мне,
в живой моей душе,
Всё отзовется смутной болью.

И у погаснувших осин
Я буду слушать долго-долго,
Как журавлями плачет синь
Среди осеннего раздолья.

Дышать мучительно легко,
Когда шуршит лесная опадь,
И видно очень далеко,
И холод
Стаи птиц торопит.

Такое время подошло –
Последний лист летит отвесно.
В душе
И тихо, и светло,
Как в облетевшем перелеске.

Сыплет искры звёздный всполох
Карусельным колесом!
В сеновал,
сухой как порох,
Бьёт огнём
Зарничный всполох!
Ты меня пустила в полог.
Неужели это сон?

Эти хлынувшие ласки
Мы не в силах превозмочь.
Будет снится мне,
как сказка,
Удивительная ночь.

Этих звёзд июльских спелость,
Эта страсть до забытья.
И застенчивая смелость,
И отчаянность твоя...

Где меня ты целовала
В расцветающей тиши,
Нет ни дома-сеновала,
Ни деревни,
Ни души.

Там, где длится,
Не стихает
Наш сливающийся вздох,
Нежно,
Горько полыхает
Яростный чертополох!

Среди вокзальных катавасий,
Среди перронных передряг
Нам всё труднее расставаться.
Нам всё труднее.
Это так.

Но всё ж мы чтим
с тобой за милость
То, что у нас произошло.
И что бы дальше ни случилось,
Нам в самом главном повезло:

Ведь ничего не исковеркав,
Мы всё ж друг друга обрели.
Вокзалы, гулкие, как церкви,
Нам обручиться помогли.

В избушке забытой пробудем
С тобой мы всю ночь напролёт.
Пускай в полумгле нам Погудин,
Как ангел печальный, поёт.

Подбросим в белёную печку
Весёлых берёзовых дров.
А света нам хватит от свечки,
А чувства нам хватит без слов.

Глаза твои запоминаю,
Твой аромат и голос твой.
До забытья целуя,
Знаю,
Что мы расстанемся с тобой.

О, как меня ты обнимаешь,
Ласкаешь в краткий час ночной,
И, всё забыв на свете,
Знаешь,
Что ты расстанешься со мной.

Подбросим в печку дров беремья,
И – никому нас не разнять.
Люби! Люби!
Ещё не время
Нам друг о друге вспоминать.

Не будешь ты моей судьбою,
Но я люблю твои глаза.
Как на качелях, я с тобою
То вниз лечу,
То в небеса.

На миг владея целым светом,
Стараясь руки не разжать,
Я обнимаю только ветер,
Который мне не удержать.

Прощай! Я с болью представляю
Твои небесные пути.
Но я тебя благославляю –
Лети, любимая, лети!

И небо над нами сияло –
И запад сиял, и восток.
И ты среди луга стояла,
Как редкий небесный цветок.

И вправду,
Ты с неба слетела!..
Распахнуты, как небеса,
На стебле упругого тела
Твои неземные глаза.

А в сердце – восторг и тревога,
И трепет, и ропот любви:
«Не трогай, не трогай, не трогай!
Не рви это чудо, не рви!»

...Ты где, дорогая подруга?
Зачем же, до нынешних дней,
Небесным цветком среди луга
В душе ты сияешь моей?

Лодка

..Сломалось мое кормовое весло,
И нас по теченью легко понесло.
И ты лопасёнки откинула прочь.
И нас поглотила июльская ночь.
Всё ведала лишь хитрованка-луна,
То в купах берёз, то под лодкой видна.
Блуждала в уремных река берегах,
И хор раздавался во мгlistых лугах:
О чём-то счастливом, что скоро пройдёт,
Звенел-заливался пернатый народ!
И как же с тобой были счастливы мы
В наплывах певучей сияющей тьмы –
И речке родимой «спасибо» шептать,
Забывать обо всём,
На судьбу не роптать,
В ладони небес из волны зачерпнуть,
Чуть-чуть остужая горячую грудь...
Порой, притихая под взглядом твоим,
Завидовать ласточкам береговым,
И втайне жалеть,
Что уже никогда
Не свить, не завить своего нам гнезда.
Любили мы, нет ли,
Я знаю одно:
Что было с тобою – не канет на дно.
Закрою глаза – лодка – вон, вдалеке –
Уносит с тобой нас
По вечной реке.

Вербa

Обо всём я забыл бы, наверно,
С неизбежностью сердце мира.
Ну, зачем ты,
Наивная верба,
Расцвела вдруг
в конце октября?

Веришь ты,
Будто чудо возможно,
Будто снова к нам лето пришло?
Ненадёжно оно,
Ненадёжно,
Кратковременно это тепло!

Лес без листьев
безжизненно-жалок.
Пробирает смертельная дрожь.
Ты, пуховый надел полушалок,
Всё чего-то по-девичьи ждёшь.

Знаю я – не вернётся былое,
Только нету предела любви.
Постою я здесь рядом с тобою –
И для нас
запоют соловьи!

Припевка материнская
Из памяти всплыла:
«Стаканчики гранёные
Упали со стола».

Подтянут бабы-вдовушки,
Печали не тая:
«Упали и разбились,
Разбита жизнь моя!»

Разбита на осколочки –
Тоска, тоска, тоска.
Пустые щи бессолье –
Житьё без мужика.

Одной на свете маяться
До смертного креста.
Поразлетелись деточки
Во дальние места.

...Во мне, во мне ты, матушка,
В душе моей – светла!
Стаканчики гранёные
Упали со стола.

Вон парнишка бежит босиком
Дальним полем, тропой луговой.
Он с былинкою каждой знаком,
Золотой весь от солнца и воли.

Это я – на заре бытия –
Мне понятны и глуби, и выси,
Птичий щебет и пенье ручья,
Трав и листьев зелёные мысли.

За привычным и зрелым трудом
И за поиском призрачных истин
Мне всю жизнь будут сниться потом
Этот луг,
Это солнце
И листья...

Божий адамант

Нехотя
вспомнишь
и время былое...
И.С. Тургенев

Пора уже было выходить из дома: ехать далеко, а в предновогодний вечер, как известно, транспорт курсирует редко, тем более ударил мороз, и столбик уличного термометра заметно укорачивался. Илья Кардемонов поторапливал свою Галочку. Она нервничала и даже начинала злиться: готов он, видите ли, выходить, а ей-то надо ещё и себя привести в порядок, и рыбный пирог никак не допечётся. Праздничный всё-таки пирог, его нельзя испечь плохо, тем более что с ним в гости ехать. Тесто долго не хотело подниматься, а когда спешишь и нервничаешь, выходит, как на грех, всё наоборот.

Несколько лет подряд новогоднюю ночь праздновали дома, спокойно, а нынче пятерым друзьям студенческих лет пришлось в головы вновь, как в прежние времена, собраться семьями, вскладчину, и встретить последний год тысячелетия вместе. Такая дата, символ!.. Всем было уже под пятьдесят, дети выросли и отделились в свои компании.

Пригласил к себе Гриня Лапшинский, художник-авангардист, бывший преподаватель литературы, освоивший новую профессию. Он сумел на шуметь, создать вокруг себя ореол мученика, непризнанного гения-скандалиста, ловко провоцировал разговоры о себе; и его раскрепощённое в духе времени искусство расходилось так хорошо в последние годы, что он стал очень известным и популярным в миллионном городе человеком, модным художником. И слава его, хотя не так скоро, как хотелось ему, но расплзалась всё дальше.

Знать, не пропало даром разрисовывание в пору студенческую на лекциях конспектов, поля и страницы которых тесно загромождали разные кикиморы, ведьмы, вурдалаки, скелеты, рогатые бесы, всевозможные чудовища и прочая изобретательная галиматья. Новые русские покупали его изощрённый авангард и для жилья, и для офисов, и для дач. Неплохо служило Грине и его природное красноречие; словно оправдывая свою фамилию, лапши на уши навешать он мог кому угодно, умел, как говорится, железнодорожное колесо воздухом накачать.

Гриня разбогател, только что обзавёлся новой просторной квартирой, и места, чтобы собраться старым друзьям с жёнами, хватало.

Виталий Анатольевич Богомолов – родился в 1948 г. в г. Тавда Свердловской обл. Прозаик, публицист. В 1978 г. окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета. Работал в университете, затем в книжном издательстве, позже во вневедомственной охране и грузчиком, корреспондентом газеты «Сельское Прикамье». Член Союза писателей России с 1990 г. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина (третья премия; 1998 г.), областной премии в сфере культуры и искусства (1999 г.)

Живёт в Перми.

К тому же два года назад, как подобает всякому известному и модному художнику, Гриня оставил прежнюю семью и женился заново. Его молодая супруга была оперная певичка с хорошим голоском и недурна собою. Перспективная. Некоторые из Грининых друзей-однокурсников ещё не видели её, потому что пятёрка их боевая не собиралась вместе уже лет шесть.

Так что Грине было что показать друзьям: и жену, и творчество, и квартиру, уже хорошо обставленную. Среди всех товарищей своих он добился наибольшего успеха. Остальные приспособились, кто где сумел: учителями, газетчиками, подёнщиками рекламных бюро... Вася Степун, тот вообще переучился на трамвайного вагоновожатого.

А Грине один богатый меценат, известный среди «братвы» под кличкой «Паша», подарил с помпой целый выставочный зал в собственности – для постоянной экспозиции. Здесь же у Грини размещалась и мастерская, в которой он махал энергично и неутомимо кистью, создавая свои яркие и темпераментные шедевры, по двадцать – тридцать штук в месяц. У него вообще-то был девиз: каждому дню – свою картину! Он разработал целую теорию и подвёл под неё собственную философию, правда, слепленную из кусков, нахвачанных в буддизме, даосизме, конфуцианстве, агни-йоге, теософии, умудрясь подтянуть эту крошку ко Христу и Богородице. А потому о нём как о ярком и оригинальном в среде интеллигенции человеке писали часто в газетах, брали интервью. Он был экстравагантен и напорист, убеждённый в том, что имя его должно быть постоянно на слуху. Без этого – какой успех...

Но сторонники и ценители классических традиций только усмехались такому успеху, считая его дутым. Кто-то даже сказал – и это разнеслось неприятно, подобно испорченному воздуху, – что Гриня обнаглевший невежественный выскочка, художник-авантюрист, совершенно не умеющий рисовать. Профессионалы не принимали его напрочь, и втайне Гриня очень от этого страдал и мучился. А на людях бодро и убеждённо говорил: «Завидуют!»

Тяжело опираясь на грубую палку, бомж медленно тащился по пустынному скверу Сибирской улицы, мимо дома, построенного в самые последние годы, который заметно выделялся среди других своею добротностью и внешней непохожестью. Но кто из бомжей не знает, что в этом доме живут самые важные персоны города и в их числе губернатор.

«Эх, Фома, Фома, неправильно ты живёшь!» – бормотал с укоризной бомж себе под нос излюбленную фразу.

Все окна ярко светились, в некоторых взгляд замечал разноцветное сияние наряженных ёлок, по ним бегали, празднично вспыхивая и переливаясь, огоньки гирлянд. Кто-то, наверное, уже и к столу припарковался, провожая уходящий год... Томился город последними часами ожидания наступающего года и последними приготовлениями к его встрече. Но сколько до полуночи оставалось времени, бомж не знал, а спросить было не у кого – морозная улица совсем обезлюдела в этот поздний час.

С утра весь день стеной валил густой липкий снег, но к вечеру он живописно поплыл лебединым пухом, и вот совсем прекратился. Оттепель резко сменилась морозом. Уральский злодей иванович набирал клящую силу, пушистый свежий снег уже пронзительно взвизгивал под каждым шагом закованного бомжа. Обутый в рваные калоши, привязанные бечёвкой к валенкам, носить которые, казалось, совершенно невозможно, ковлял он с трудом на распухших, плохо гнущихся ногах, медленно продвигаясь вперёд.

«Видите вы эти освещённые бельэтажи, – вслед своей мысли хрипел несчастный обитатель подвала, и нечленораздельные звуки гасли в его огромной кудлатой бороде, всклокоченной и грязной, как и сам он весь. Борода служила бродяге и защитой от холода, и прятала его опухшее синее лицо, и наводила разбойничьим видом устрашение на интеллигентных людей. Мало кто выдерживал цепкий и дерзкий взгляд запавших глаз бродяги. – Здесь всё живут мои товарищи, – продолжал он бормотать, слегка мотнув головой в сторону губернаторского дома. – А я, наиболее из них пострадавший,

бреду пешком к Большому театру, в квартиру подозрительной же-енщины... Да. Женщины-ы...»

Он даже приостановился, делая вялые мыслительные усилия, но дальше не мог вспомнить слов из романа Достоевского, которые когда-то любил и умел произносить театрально и так эффектно, что всегда забавлял этим своих друзей, если собирались компанией.

Место, где бомж остановился, было рядом с великолепным зданием, возведённым в форме огромного корабля с башней, на штоке которой обвис неподвижно в луче света бело-сине-красный флаг. Лицо бомжа презрительно скривилось. Электронные часы на фасаде показывали двадцать два с тремя минутами. Вот они автоматически переключились на показание температуры – минус двадцать девять. Но это возле стены, где, конечно же, всегда чуточку теплее.

«Корабль» делили администрация района и банк, название которого крупно светилось затейливыми жгуче-красными буквами, заметными в ночи, наверное, даже с самолёта: «Банк Москвы». Почему банк Москвы, если их город совсем не Москва, дрябло возмутился бомж: всё, на чём лежала печать благополучия, раздражало его, вызывая протест.

На высоком и раскидистом дереве, стоящем в ряду других деревьев сквера ближе к «кораблю», была наброшена целая сеть беспорядочных цепочек из мелких золотых огоньков, издали удивительно похожих на нитки крупного светящегося бисера. Бомж с любопытством посмотрел на это диковинное и прихотливое украшение уличного дерева, которое в свете такой гирлянды имело вид необычный, не в зимний сон погруженного, а дерева засохшего и мёртвого.

Но мороз и голод помешали бомжу удержать на этих выкрутасах внимание дольше нескольких секунд, и он, ещё раз глянув равнодушно на табло часов, двинулся дальше, в сторону площади Карла Маркса.

«В квартиру подозрительной женщины, – вновь прохрипел он вслед за тягучей мыслью, с тщетной натугой стараясь воскресить в памяти всю тираду генерала Иволгина. – В квартиру подозрительной же-енщины-ы...»

Когда-то неплохо знал он классическую литературу, отменная память, облагороженная университетским филологическим образованием, хранила из многих произведений великолепные отрывки, которыми он в подходящих случаях блистательно украшал беседы и дружеские застолья. Умный, ироничный и острый на язык, в те времена бывал он всегда в центре внимания.

Лет двадцать пять назад его бы назвали БИЧом, и это было бы точнее – бывший интеллигентный человек. Но по теперешним понятиям он – бомж: без определённого места жительства. Что тоже верно; выходило, что он и БИЧ и бомж одновременно. Брёл он действительно к женщине, да только никакой квартиры и у неё не было. Звали женщину Нинкой и обитала она вместе с ним, своим законным мужем Фомой, в подвале старого дома, невдалеке от площади Маркса.

Подвал. Местечком этим они дорожили трепетно и очень боялись его потерять, ибо в страшное для бомжей зимнее время – сие грозило верной смертью от холода. А выкурить из подвала могли в любой момент, стоило только жильцам дома пожаловаться в домоуправление или в милицию. Тем более что после осеннего шухера с террористическими актами в Москве и Ростове подвалы были под особым вниманием. Поэтому Фома с Нинкой старались быть неприметными для жильцов, не доставляли им никакого беспокойства, никого не водили к себе в гости, сами в подвал спускались по тёмноте... Но вышарить могли и свой брат – бомжи-конкуренты.

Конечно, в подвале у них всегда темно и не совсем сухо – парили проржавевшие трубы, но в том углу, где Фома с Нинкой обитали в эту зиму, уютно и тепло. Здесь проходила горячая оголённая труба и, настелив на землю коробочных картонок и тряпья, можно было сесть или лечь, привалясь к трубе спиной, и, впитывая от неё живительное тепло, спать, не опасаясь, что во сне околечеешь и уже не проснёшься. Правда, крысы иногда досаждали: если оставалось съестное и не подвесил повыше – сожрут. Такие наглые и поганые твари, отвратительнее которых встречать в природе не доводилось. Да ещё с водой было плохо: если не запасёшься, то приходилось собирать в

баночку снег во дворе, где почище, и таять на горячей трубе, когда с похмелья изводила жажда...

В затасканной сумке на ремне, переброшенной через плечо за спину, позвякивали порой несколько пивных бутылок, подобранных Фомой в разных местах. Но все они были облеплены снегом и всяким прилипшим и примёрзшим к стеклу мусором урн, из которых Фома их извлекал. В таком виде их не сдать, не возьмут, а то б хватило на буханку хлеба. Если Нинка в охоте по мусорным контейнерам не накнокала ничего съестного, то, видно, жребий нынче провести новогоднюю ночь на пустое брюхо... И без капли спиртного. Эх, если бы погоду потеплее...

В тёплые дни Фома с Нинкой насобирают бутылок и на хлеб, и на два, а то и на три пакетика «Блеска», «Родничка» или «Яратона». Разведённый технический спирт, упакованный в полиэтиленовые кульки по 250 граммов. Химики гонят его с хитрым назначением: для очистки и обезжиривания стёкол, посуды... Но уж Фома-то знает, что покупкой этого пойла стоимостью буханки хлеба доход торговцам приносят алкаши да такие вот, как он, бомжи. Себя алкашом он, конечно, не считал. О-о, не будь «Блеска», и жизнь покажется совсем тусклой. Два пакетика – и у Фомы с Нинкой чудесное настроение, спокойная ночёвка, глубокий сон... Однако вряд ли припасла сегодня Нинка хотя бы пакетик. Уби-ить её мало! Пуговица кальсонная. Эх, невыносимо хочется жратеньки: кишки словно моток скрученной ржавой проволоки. А Новый-то год через два, значит, часика. Фома утомлённо зевнул.

* * *

Наконец-то пирог был с трепетным волнением извлечён из духовки, тщательно осмотрен и выложен на стол, чтобы хоть короткое время понежиться и остыть. Галя, покрыв готовуюстряпню полотенцем, выдала Илье задание – придумать быстро, как упаковать пирог для перевозки, чтоб не помять в дороге, и пошла одеваться.

Илья, в растерянности приподняв уголок полотенца, склонился над румяным и аппетитным кулинарным шедевром из судака, невольно сглатывая слюнки, потому что желудок его был пуст: склонный к полноте, он приберегал место для праздничного затыжного застолья. Илья тёр напряжённо переносье пальцем, хмыкал и гадал, как ему получше исполнить повеление своей строгой в этот час супруги, чтоб её настроение окончательно не испортилось ближе к празднику. Работёнка в школе не из весёлых, и нервы у Галочки с годами начали заметно сдавать, хотя и достигла она возраста «ягодки».

Тут Илье удачно вспомнилось, что в кладовке валяется невысокая коробка из толстого картона, в которую был когда-то упакован светильник. Вытащил, снял крышку, приложил к пирогу: коробка, к счастью, оказалась будто для этого и сконструирована, подходила и по высоте, и по длине и ширине. На сей раз Галя осталась довольна изобретательностью своего супруга, когда он вложил пирог в коробку.

Затем эта коробка была опущена на самое дно просторной хозяйственной сумки. Фанерка, применяемая для раскатывания теста, тоже оказалась подходящих размеров, её постелили на коробку с пирогом, и теперь сверху можно было смело поставить и кастрюльку с салатом, и миску с холодцом, и бутылку шампанского, и бутылку водки, и бутылку вина. В оставшиеся пустоты Галя впихнула кульки с фруктами, с конфетами и разные забавные сувенирчики, которые предполагалось преподнести каждой семье дорогих друзей...

Но самым бесценным подарком и сюрпризом для всех она считала сохранившуюся весёлой новогоднюю двадцатилетней давности семейную стенгазету, в которой были наклеены фотографии всех тех, кто составлял их неразлучную компанию в то давнее время, и каждому было сочинено шутовское и остроумное пророчество, кем он станет, что его ждёт через двадцать лет. И вот прошёл назначенный срок. Вряд ли кто-то из друзей помнит ещё эту газету. А пожелания в ней, когда их Галя перечитала, и то, что вышло в действительности, просто потрясло...

И Галя была уверена, что такая неожиданность станет гвоздём их вечера, и предвкушала это. Она проложила фрукты многослойно газетной бумагой, чтоб не

подморозить в пути, бережно поместила рулончик стенгазеты поверх всего, и подчёркнуто строго предупредила о том Илью, чтоб не помял.

Когда Илья, задёрнув молнию, взял за ручки и взвесил поклажу на руке, сумка оказалась довольно увесистой. «Для дам – неподъёмная! Придётся нанимать негра», – изрёк он, произведя губами звук выдернутой пробки, и пальцем ткнул себя в грудь.

Часы показывали десять с минутами, когда Кардемоновы подошли к автобусной остановке. Площадь Карла Маркса, брадатого отца классовой вражды, была местом пересадки с одного маршрута на другой, и потому Илья и Галя мало удивились, встретив здесь чету Петровых, своих друзей, едущих в одну с ними компанию, ко Грине Лапшинскому. Петровы тоже припозднились, они жили на окраине, в спальном районе, ехали издалека.

Сразу пошли предпраздничные разговоры шуточные. Настроение было приподнятым. Оказалось, что Петровы прибыли на остановку всего пару-другую минут назад и что автобус в сторону Грининого микрорайона ускользнул буквально у них из-под носа. Это значило, следующий придёт теперь не скоро.

– Жаль, пирожок остынет, – посоветовал весело Илья. – Зато водке и шампанскому на пользу.

– Разогре-ем. Да ты поставь сумку-то, Илюша, вон на скамеечку, – предложила заботливо Галя. – Тяжело ведь держать.

Илья театрально воскликнул:

– Всё исполню, как душе вашей будет угодно! Извольте только приказать!

И поставил увесистую сумку, куда ему было велено.

Приятеля филологи, женатые на своих однокурсниках, дружно засмеялись давно обкатанной шутке.

– Исполнительный. Как золотая рыбка, – сказал Петров поощрительным тоном.

Остановочный павильончик был небольшой, с застеклённой задней стенкой, в которой целыми оставались только два стекла из трёх толстых и, видимо, довольно прочных. Знать, потому и была на них опробована кем-то сила удара ног или рук. С одного бока к павильончику примыкал сигаретно-водочно-пивной ларёк, другая боковина красовалась подсвеченной изнутри рекламой сигарет с препошлейшей надписью: «Ночь твоя – добавь огня!», ниже которой было присовокуплено: «Министерство здравоохранения предупреждает: курение опасно для вашего здоровья».

«Какой гнусный цинизм!» – подумал Илья бессчётный раз с возмущением, понимая, что толку от его возмущения, как от собачьей шерстинки, выпавшей на дорогу.

– Всё хорошо, но морозец крутоват, как бандитский рэкет, – подсадовал Петров, передёрнувшись. – Лихо подхлещётся, однако.

– Ну, знаешь, Саша, это лучше, чем снежное месиво вчерашнее, – возразила ему жена Танечка, – в оттепель ходить совершенно невозможно.

Нужного автобуса не было долго. Ноги, руки и лицо скоро начали мёрзнуть, пришлось приплясывать, топтаться, переминаться, взмахивать руками и тереть коченеющие носы и щёки. На двери ларька был приклеен скотчем листок с запрещающей безграмотной надписью крупными буквами: «Греться в Павельён не заходить».

Досадным было и то, что стрелки часов неотвратимо двигались в сторону полночи, и по сути-то уже надо бы сидеть за праздничным столом. Остальные все, наверное, давно собрались у Лапшинских, договаривались к десяти, чтоб ещё успеть и пельменей домашних налепить. Да, некрасиво получается. Теперь раньше одиннадцати ко Грине не поспеть. Машину поймать, конечно, не проблема, но – не по карману, да и заломят в предновогоднюю ночь втридорога, а траты на праздник и без того истощили карман, доходы же... Ой, какие там доходы у нищего интеллигента-гуманитария. Галя Кардемонова уже вся тряслась в своей шубке «на рыбьем меху». Илья в китайской курточке на синтепоне тоже скрючился от мороза. Петров был точно в такой же, как близнец, но бодрился, словно в медвежьей шубе стоял. Татьяна его была одета немногим лучше Гали.

Наконец, желанный «Икарус» подкатил, скрипя шинами о снег, по которому влочили резиневые лохмотья рваной «гармошки», соединяющей прицепной салон с основным; промёрзшие двери его открылись с трудом.

Обрадованный Илья бойко повернулся к скамейке, чтоб ухватить сумку, и остолбенел.

– Ни фиг-га себе! – воскликнул он. – Увели, что ли?!

Практичный Саша Петров в несколько секунд оценил ситуацию, бегло осмотрев немногих людей, собравшихся в этот час на остановке; даже забежал и глянул за ларёк, метнул взгляд на пустынную улицу и сказал безапелляционно:

– Всё! Простись, Илюша, и забудь! Поехали!

Он порывисто двинулся к автобусу.

– Хы! – Возмутилась Галя. – Нич-чего себе: забудь! Там же... всё-ё...

– Пошли, пошли! – поторапливал грубо Петров ошеломлённых Галю с Ильёй, подсаживая свою полненькую Танечку и поставив ногу предусмотрительно на ступеньку, чтоб не закрылась дверь, поскольку водитель явно не был настроен – поджидать их.

– Да поехали! Пой-ехали же! – крикнул Петров настойчиво и требовательно, гребанув с раздражением рукой воздух. – Тот, кто взял, – далеко ушёл... Где искать? Хватит у нас и выпить, и закусить. Поехали!

– Или входите, или выходите! – объявил сердито водитель по динамике.

– Ну что, Галя, – вздохнул растерянный Илья и робко предложил: – Пошли?

Ни одна жилочка не дрогнула на окаменевшем лице Галы, но глянула на своего супруга она с таким промораживающим укором – Эх, Кардемонов! – что заочневший Илья съёжился ещё больше, ему стало совсем плохо. Проворонил. Виноват безмерно.

* * *

К Лапшинскому прибыли уже в одиннадцать с минутами. В подъезде нового высотного дома, к удивлению гостей, их встретил охранник, учтиво поинтересовался, к кому идут. Это было неожиданно и любопытно: дорого ведь охрану содержать. И жалко стало молодого парня, что в такую ночь и – на работе.

На этаж поднялись лифтом.

– Ох-хо! – удивился Илья, первым выйдя из кабины.

С площадки вход к квартирам был от потолка до пола перегороден стальной решёткой, дверь в ней оказалась запертой.

– Да-а, – пропел задумчиво Саша Петров. – Раньше мы, кричат, жили за «железным занавесом», однако никто из нас его не видел. Теперь вот настала полная свобода, а на каждом шагу мордой в решётку реально упираешься, как в тюрьме. Что лучше? – озадачил он всех вопросом.

– Не дай Бог пожару случиться! – заклинающе произнёс Илья и покрутил опасно головой. На него иногда накатывались приступы клаустрофобии, он начинал панически бояться замкнутого пространства, если выход из него был затруднён, ограничен и легко мог быть перекрыт. Тут уж он ничего не мог поделать с разыгравшимся воображением, услужливо рисуящим картины ужаса. Илья по возможности избегал ездить в лифте, говорил, что это склеп, который легко закрывается, но никогда не знаешь, откроется ли.

На звонок появился за решёткой Лапшинский с ключом в руках, масляно блестя глазами, открыл дверь:

– Заждались, заждались-ись!

– Гриня, кто из нас за решёткой: ты или мы? – оgoroшил сходу Петров хозяина вопросом.

– Мы все! – ответил Гриня неопределённо, и как-то взъерошенно рассмеялся.

Он провёл их в прихожую, познакомил со своей миниатюрной супругой, Эльвирой. Она вела себя приветливо и удивительно свободно. Театр. Выдержав политес, упорхнула обратно на кухню. Супруг проводил её взглядом, любясь ею с показной горделивостью.

Сразу бросалось в глаза, что теперь Лапшинский живёт в достатке, квартира была и отделана добротнo, и обставлена хорошо. В прихожей покоились на вешалках три такие роскошные шубы, что при виде их у Гали Кардемоновой и Петровой Танечки дух перехватило, а лица вытянулись: две норковые, богато-просторного и модного

покроя, третья – енотовая. Не хуже были и мужские пальто... В их компании так никто не одевался, это чужаки; облачение своих узнать можно безошибочно, выглядело оно весьма скромно и даже располагалось как бы в стороне, отдельно, на другой вешалке. Танечка и Галя были обескуражены, растеряны, взволнованы, переглянулись, обменялись гримасами, понимая друг друга без слов, и, раздеваясь-разуваясь, попутно бросали на всё пытливые и оценочные взгляды.

В просторной квартире было светло, нарядно, радостно и шумно. В углу стояла живая ёлка, благоухая смолистым ароматом свежей хвои. Остальные гости были в сборе; женская половина заканчивала на кухне романтическую лепку пельменей и щебетала там небольшим птичьим базарчиком, а мужчины, уже слегка возвеселённые пробными рюмками, стоя возле стола в гостиной, шумели о чём-то своём. Двое из них не были знакомы ни Илье, ни Саше. Важная осанка, неторопливые движения и добротная одежда говорили, что принадлежат они к новому состоятельному словию.

Ещё не совсем понятно было, к кому ближе находился теперь и Гриня Лапшинский: к ним или своим старым друзьям, которые себя чувствовали в этой роскоши и в присутствии вальяжных особ как-то не очень уютно, и оттого говорили возбуждённо и больше, чем предписывала ситуация; видимо, хотели казаться друг перед другом непринуждёнными, но было заметно, что именно это и не удаётся. Они комплексовали, что прекрасно понимал умный и тонкий Гриня Лапшинский, на лице которого непрестанно блуждала улыбка неопределённого значения.

Самая современная акустическая система ненавязчиво приветствовала гостей изящной лёгкой музыкой. Как оказалось, это был Моцарт.

«Продался, похоже, Гришенька-то наш!» – шепнул незаметно Петров Илье, уловив момент, и крепко стиснул ему руку выше локтя.

«Вот это техника жизни! Нам такую не освоить», – также шёпотом отозвался Илья.

– Знакомьтесь, ребята, – Гриня раскинул руки в картинном жесте, ладонями почему-то вниз.

Он представил друг другу своих старых и новых друзей. Незнакомцев звали Лёва и Яша.

– Троицкий и Свердлов уже прибыли! – шутливо картавя, объявил задиристый Петров.

Лёва и Яша сдержанно рассмеялись, деликатно опустив очи долу.

А Петров не унимался:

– «Перекуём мечи на орала!» – воскликнули большевики. И вот... появился ораль-ный секс...

Танечку, как вошла, сразу заинтересовали белые, голубые и розовые ангелочки, во множестве украшающие ёлку. Замысловатые, любовно и аккуратнo вырезанные из разноцветной бумаги, они стояли на веточках и были сантиметром по семь высотой, очень изящные, с крыльями во весь рост, в руках ангелы держали трубы, поднесённые к устам. Она вспомнила, что сегодня наступает последний год тысячелетия, да ещё високосный; и ей при виде этих ангелов стало тревожно: что-то принесёт им этот год?..

И спиртное, и холодные закуски, украшающие стол, – всё было, как говорится, на высшем уровне. В центре стола возвышалась трёхэтажная пирамидка сантиметров семидесяти, выложенная отборными яблоками, грушами, апельсинами, бананами, а верхушку её символично венчала превосходная гроздь винограда, живописно свисающая и словно только что срезанная с лозы. Никто, кроме хозяина, не знал, что фрукты сегодня утром прислал директор центрального рынка.

Но пронизательный Петров как будто почувствовал это и поддел Гриню:

– Чай, сам Махарадзе презентовал?

Лапшинский смутился и заметно покраснел, пытаясь отделаться громким смехом.

Илья, приняв из рук Лапшинского сугревнo-приветственную рюмку, наполненную дорогой смирновской водкой, принуждая себя откуда-то изнутри к внешнему веселью, в мыслях отметил грустно, что из его украденной сумки, пожалуй, только

шампанское могло бы как-то смотреться здесь, на этом столе. Ну, может быть, ещё пирог; правда, о нём он подумал уже с сомнением, хотя его жена славилась непревзойдённым умением печь рыбные пироги. И, опрокинув рюмку без обычной своей шуточки – «Что это у вас? Водочка? Можно, я рюмочку выпью?», – он теперь не так остро жалел о пропаже, как в первый момент.

А Гриня, глядя на друга с неизменной блуждающей улыбкой, но как-то жалостно, подумал: «Хотя посмаковал бы Илюха. Будто каждый день пьёт он водку “Смирнов”». И поднёс гостю тарелку, на которой прижались плотно друг к другу изящные бутерброды с янтарно-красной икрой, выложенной на сливочном масле зёрнышко к зёрнышку; и в каждый бутерброд была всажена крохотная пластмассовая двузубая вилочка.

Илья с улыбкой повёл головой, ухватил бутербродик и тоном между ехидством и восхищением изрёк:

– Се-ервис!..

– Утончённо! – Петров со значением потряс пальцем, воздев руку выше головы.

Через несколько минут женщины закончили пельменную стряпню, все перешли в гостиную и начали устраиваться за столом. Пошла весёлая болтовня, обмен впечатлениями жизни, расспросы...

И только Галя, удручённая потерей сумки да ошеломлённая до обиды роскошью, в которой очутилась, оставалась подавленной и угрюмой. Более всего её настроение испортила эта нелепая пропажа. Конечно, и денег столько потрачено на всё, и сколько трудов было вложено напряжённых и нервных, а обернулось бесполезностью... Ну, и неловко, само собою, что они единственные пришли с пустыми руками, на хлебниками. Однако больше всего было жаль стенгазету... Так жаль, что даже сердце сжималось невольно... Бесценный экспонат. Двадцать лет хранила... Двадцать лет!

И своей печальной задумчивостью Галя сразу привлекла к себе внимание всей компании. Особенно после произнесённых Лапшинским с вопросительной интонацией лермонтовских строк:

*Но в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена.*

– Да-а, Галя у нас что-то нынче грустная, будто замуж выдают, – вздохнул протяжно Коля Гарипов.

Пришлось поведать о таинственном исчезновении сумки. История, сочно, с гиперболами и художественно пересказанная ироничным Петровым, понравилась всем, самая-де рождественская и весёлая. Её принялись обыгрывать, общувивать, утешали смущённых пострадавших.

– Да бросьте вы, наконец, представлять из этого мировую трагедию! – воскликнул тоном укоризны Петров. – Всего лишь сгорел пре-до-хра-ни-тель! Через пустяковую эту пропажу Бог от вас, может быть, отвёл пострашнее беду, чем банальная потеря сумки. Так что не жал-ле-ейте!

– Умный, как Библия! – усмехнулась нервно Галя. – Ничего себе, пустяковая!..

С возмущением и обидой она дёрнулась было перечислять, что в сумке лежало, но муж своим вмешательством уберёт её от этой мелочности.

– А что, может, какой-нибудь несчастный сиротка бомж, – с юмором и своей неповторимой в таких случаях интонацией комика заметил Илья, – выпивает, закусывает и поминает в эту минутку нас добрым тихим словом...

Весело засмеялись все.

– Вот именно! – подхватил задорно Лапшинский. – Молодец, Илюха! Пожалуй-ста, выпивайте и закусывайте, гости дорогие, и пусть вас не волнует этих глупостей!

На знакомую хохму из «Одесских рассказов» Бабеля застолье отозвалось новым взрывом смеха.

– Кстати, о бомжах, мужики! – всех перекричал, щёлкая бесцеремонно и грубо пальцами, Вася Степун, уже более других приложившийся к спиртному. Всё-таки

работа в трамвайном депо накладывала свой отпечаток на его поведение. – Недавно... Надесь стою...

– «На полустаночке, в цветастом полушалочке», – шутливо ввернул Петров слова из популярной когда-то песни, и все опять захохотали.

– ...Не, ну, в натуре, мужики, стою на остановке – бомжара, вижу, канает мимо, колоритный такой, – продолжал невозмутимо Степун. – Я так, знаете, от нечего делать прицелился к вывеске – Фома Теплов.

– Да ты что?! – удивились за столом единым возгласом все, кроме новых Грининых знакомых да их жён, и наперебой стали расспрашивать про Фому-бомжа.

Пока заботливые дамы неторопливо раскладывали по тарелкам пикантно украшенные закуски, Вася Степун, громадой возвышаясь над столом, коротко и энергично поведал историю Фомы, тоже их однокурсника и друга, о котором многие слышали, что спились он и Нинка его и даже вроде бы квартиру потеряли, но никаких подробностей никто не знал.

– Фома, это ты, что ли? – рассказывал Степун о своей встрече. – Он меня узнал сходу (сами видите – молодо выгляжу). «Васёк, дай, – говорит, – на хлеб».

– И ты дал? – воскликнул Лапшинский высоким голосом, с опереточным удивлением.

– Дал, конечно! – возбуждённо заверил Вася Степун. – Червонец. Да какой там хлеб, – поморщился он. – Ему на водяру надо. «Монитор» весь синий и распух.

– Если б на водяру, – возразил брезгливо Петров. – На какой-нибудь «Летний сад», или там «Родничок».

– Ну, поговорили. Пообщались. Невесело мне стало, ребята, – признался Степун.

– Родничок в летнем саду – штука неплохая, между прочим, – отозвался философски самый малоразговорчивый из друзей, Коля Гарипов, уже пробно налегая на закуску: он любил поесть, и выдержка ему изменяла.

Только Лёва и Яша, смеясь вместе со всеми, ворковали между собой о чём-то своём. А вот супруги их внимали разговору с большим любопытством.

– Да-а, когда-то Фомка был потрясающего ума человек! – восхитился Илья.

– А красавец-то какой был! – напонила Танечка Петрова.

– Если б Фомка захотел поднатужиться, – продолжал Илья, – делать нечего – схватил бы «красный диплом». И что поразительно, парень был из простой рабочей семьи; отец у него, правда, здорово закладывал... А Фома – эрудирован, начитан...

– Такой начи-итанный, начи-итанный! – съехидничал игриво Лапшинский, щелкнув себя по горлу пальцем, и поинтересовался: – Он тебе рассказал, как это у него вышло?

– Ой, – закатила глазки Надя Степун, – Гришенька, восхитительно!

– Та-а, это ж просто! – опять поморщился Степун и, похоже, больше на реплику своей супруги-пигалицы. – Видимо, что-то не складывалось в жизухе, как хотел. Ну, начал вышивать. А когда, говорит, преодолел «звуковой барьер», тогда уже... Короче – работу потерял, потом фасон, потом уплыло и жильё... Смотреть на него, ребята, и больно, и страшно. Полностью выпал в осадок! Тут ещё, видишь, Нинка-то... Если б она, шалава, не спилась, так, может, и его бы тормознула. А семейно – с ба-альшим ускорением это происходит. Как трамвай с горы без тормозов...

– Ну, а-а жильё-то у них, извините, куда делось? – спросила с недоумением Галя, забывшая даже на какое-то время о пропавшей сумке.

– У Фомы родители когда, говорит, умерли, он с Нинкой стал хозяином аж трёхкомнатной квартиры. Правда, на первом этаже. Кстати, это и сыграло, может, роковую роль. Детей у них что-то не завелось. Однажды, когда совсем не на что стало опохмелиться, подошли – будто по заказу – два джигита и попросились на квартиру, месячишка на три. Платить, говорит, пообещали хорошо. Тут же и задаток предлагают, деньги достали...

– Знали, к кому идут. Отслеживали, – заметил убеждённо Коля Гарипов.

– ...трясут ими перед носом. У Фомы с Нинкой жаба горела, всё дрожало – выпить надо, а их такими деньгами дразнят...

Квартиранты оказались щедрыми, расплачивались каждые десять дней. Если не

хватало, – давали и в долг, обратно не требовали. Фома-то всё про большие деньги говорит. Но, я думаю, не были они такими, если уровень притязаний уже до стеклоочистителя упал.

– Стеклоочистителя досыта, значит – большие, – хихикнула Танечка Петрова.

– Да-да, Таня! – энергично согласился Степун, выбросив одобрительно в её сторону руку и потрясая указательным пальцем. – Через пару месяцев эти джигиты неожиданно собрались съезжать, дали окончательный расчёт, да ещё с «премией», за гостеприимство.

– На десять литров стеклоочистителя? – съюморил Илья.

– Возможно. Фома с Нинкой и «загудели», как рой на пасеке. Пили где-то неделю. А когда воротились домой – увидели, что их жалкие пожитки, мебель валяются у подъезда. Ну, какая там мебель – сами догадываетесь. В квартиру войти не могли, замок в двери стоял уже другой, и никто их не пустил.

Ночевать пришлось, говорит, в подъезде на тряпье. Стали, конечно, жаловаться соседям. Дело дошло до вызова милиции. Но оказалось, что Фома с Нинкой квартиру продали. У джигитов имелись на руках документы, оформленные по всем, разумеется, правилам. Фомой и Нинкой подписаны, нотариусом заверены.

Алик этот тычет Фоме бумагу: «Твой подпис?»

Фома только руками разводит: «А деньги-то за квартиру тогда где?»

«Денги ты палусил. Расписька – вот, – Алик ему в ответ потрясает невозмутимо бумагами. – Ушёл с ним к Шурику-мурику свайёму. Можьит, тибя аграбьли там».

Милиция видит: тут дело не её. Уехала. Фома с Нинкой бросились к Шурику, другу и собутыльнику.

– Сопакетнику, – уточнил иронично Петров.

– Тот, разумеется, никаких денег в глаза не видел и о продаже квартиры впервые от них слышит. Но временно приютил. «Надули вас эти алики, как презерватив использованный, и даже ниткой не завязали», – просветил их Шурик.

Он когда-то на зоне побывал, ну и вынес оттуда привязанность к выражениям крепким, солёным и шокирующим.

Люди советовали Фоме и Нинке подать в суд, пока не поздно. Однако Алик с товарищами успели бывших владельцев квартиры припугнуть, что если они «насънут поднимают шума», их «никада и ниде не найдут. Продана, зносит, продана. Ест бумаги».

– Денег у пострадавших нет, в суд подавать, – продолжал рассказчик. – Да и видок у них, извиняюсь, не в их пользу, такой, что к сочувствию не располагает. Да и запашок, наверно... В общем, попустились делу. Сколько-то пожили первое время у Шурика этого, а потом тот неожиданно сожительницей обзавёлся, и она их на улицу вытурила. Мыкаются вот по подвалам, где придётся. А в квартире их теперь магазин. Этаж-то первый. Удобно.

– Да-а, – угрюмо проговорил Петров, покачивая задумчиво склонённой головой. – Вес-сёлая, Вася, история, самая новогодняя. Как старик Некрасов говаривал: «Довольно, ямщик! Разогнал ты мою неотвязную скуку!»

– По большому счёту, надо человеку немного. Но у него обязательно должно быть место, где он мог бы, как говорится, голову приклонить. Угол свой должно иметь. Пусть голый, пусть обшарпанный, но сухой и тёплый, – изрёк Гриня Лапшинский с пафосом, и для убедительности даже пальцами прищёлкнул, на манер Васи Степуна. Но вышло резонёрски.

– Так, но... Сами всё-таки виноваты, – возразил неуверенно Илья. – Жа-аль, мощный потенциал-то, главное, Фомка имел и... Не нашёл вот себя. Обидно даже за него. Помочь бы как-то, а?

– Чем? – спросил жёстко Вася Степун. – Здесь, практически, всплыть уже не-возможно!

– Нет, можно! – горячо возразила Танечка Петрова. – Если характер есть.

И она чуть заметно скосила глаза на своего Саню.

– Татьяна-а, – с укором произнёс её супруг. – Ну, какой характер! У алкаша? Характер?

Лапшинскому было уже совсем неловко перед заскучавшими респектабельными новыми приятелями, далёкими от подобных проблем, что его старые друзья затянули всех в совершенно неуместный разговор про какого-то бомжа и этих джигитов. Память назойливо крутила фразу из Ильфа и Петрова: «Понюхал старик Ромуальдович портянку, аж заколдобился».

– Господа! Господа! – воскликнул Гриня торжественно. – До Нового года остаётся каких-то двадцать минут! А мы ещё не сумели проводить старый! Давайте-ка простимся с ним, расстанемся со всем неприятным, что было в пройденном пути!

И, плутовато подмигнув, он оглушил застолье резким, как выстрел, хлопком раскрученной незаметно за разговором пробки шампанского. Так ловко стрелять шампанским в их компании умел только Гриня; вино при этом, даже тёплое, никогда не хлестало пенистой струёй, а оставалось в бутылке неподвижным. Он знал какой-то секрет с наклоном бутылки под определённым углом.

Варенька Гарипова, захваченная эмоциональным рассказом Васи Степуна, даже взвизгнула от неожиданности, чем и позабавила всех других.

«Продался Гриня, продался, – подумал опять невольно Петров и тоскливо вздохнул. – Конъюнктурщик».

Было ясное очень ощущение, что это последняя их совместная с Гриней встреча: они слишком отстали от него... Да и дороги разошлись жизненные...

– Гришенька, восхитительно! – порывисто и с завистливым придыханием издала вторично нелепый свой возглас Надя Степун.

Зашумело весёлое новогоднее застолье, все принялись чокаться, пить шампанское и про Фому сразу забыли.

Гриня с нетерпением то и дело поглядывал в дальний угол, где у него были приготовлены и прикрыты полотнищем картины, которые он вслепую – кому что выпадет – хотел подарить своим друзьям в полночь, сразу после новогоднего тоста. Пока ещё тверёзые и соображают, чтоб удивиться. Правда, Лёвке и Яше картины у него специально подобраны. Но тут случай особый...

* * *

После Фома изумлялся себе, откуда у него столько прыти взялось, когда он докостылял до остановки на площади и наметанным взглядом изголодавшегося волка мгновенно засёк на скамейке стоящую без присмотра сумку.

Стараясь полегче скрипеть снегом, Фома крадучись обогнул ларёк, и со стороны задней стенки павильона, в которой, знал, было высажено стекло, прихватил увесистую сумку и поначалу, за ларьком, потихоньку, а потом уродливо-быстро пошкандыбал к углу ближайшего дома и скрылся за ним.

Сердце у него бешено колотилось от волнения, страха, неожиданно охватившего его воровского азарта и зыбкой надежды на удачу. А тут ещё задняя дверь ларька, мимо которой он пробирался, внезапно распахнулась, так что душа от страха едва не выскочила, и на снег, чуть-чуть не угодив в Фому, выплеснули из ведра дерьмо и мочу...

Загибая за угол, он всё же не выдержал (поймают – убьют) и оглянулся: никто за ним, однако, не гнался. Все люди на остановке по-прежнему пялились в ту сторону, с которой ожидали автобус. Фома шумно вздохнул с облегчением – «Ф-фу-у!» – и пошёл медленней, бормоча себе под нос укоризненно: «Эх, Фома, Фома, неправильно ты живёшь!»

Вдруг рядом с ним, за спиной, раздался выстрел. Начав было успокаиваться, Фома от испуга так вздрогнул, что едва не выронил сумку, замер, ожидая окрика «Руки вверх!» Но вместо этого грохнуло уже спереди, под самыми ногами. Только тогда он сообразил, что кто-то забавляется и бросает петарды. Ещё несколько петард одна за другой упали и разорвались рядом с ним. Фома поворотил голову вправо и, с усилием перекосив туловище, глянул кверху. И увидел сразу, откуда они летят. За окном, на подоконнике которого горела свеча, стоял мальчик, он подносил петарды к огненному язычку, поджигал и ловко метал их в распахнутую форточку, стараясь с третьего этажа угодить в Фому.

Обидно стало за мальчика Фому, и он двинулся дальше, скорбно бормоча: «Аз есмь человек. Значит, во мне имеется душа. А в Евангелии, между прочим, сказано: душа дороже всех сокровищ мира. Значит, мне цены нет. Божий адамант*! Вот какой силлогизм. А ты в меня... петардами. Злодей».

Чтобы выйти к своему месту обитания, ему теперь пришлось сделать незапланированный крюк. Но добыча – Фома был уверен, что она праздничная – придавала силы, даже мороз в этот момент не воспринимался, и скоро Фома пролезал неуклюже через небольшое техническое окно в подвал.

Проволочка на дверце оказалась отмотана, значит, Нинка уже «дома», оттаивает. Он аккуратно прикрыл дверцу поплотнее и подпёр её изнутри своим посохом, чтоб не открылась по какой-либо случайности; стал пробираться на ощупь к своей берлоге.

– Фома, ты где шляешься! Таракан мадагаскарский! Наверное, уже Новый год начался! – встретила его ерепенистая Нинка и сразу пообещала с нарочитой веселостью: – Сёни хрен сосать придётся. Мороз, как в Якутии. Хавать нечего.

– Сама ты рудимент! – огрызнулся беззлобно Фома.

Обречённости в её тоне он, однако, не почувствовал.

Действительно, она запаслась полбуханкой хлеба и разжила пакетиком «Блеска», но разыгрывала Фому, поджидая момент, чтоб преподнести ему с эффектом новогодний сюрприз.

– Ещё нет. Щас начнётся, – пообещал хрипло Фома. – Щас начнётся. Свечка там оставалась где-то?..

И по его возбужденному дыханию и обещающему упоминанию о свечке Нинка безошибочно уловила, что пришёл Фома сегодня с промысла тоже с какой-то праздничной добычей.

Если б рядом с ними оказался в подвале обычный домашний человек, он бы сразу почувствовал, какой тошнотворно-тяжёлый и непереносимый дух исходит от этой берлоги и её давно не мывшихся обитателей...

Когда толстый, чуть не с кулак, свечной огарыш, подобранный на мусорке, был извлечён из недоступного крысам места и зажжён, Нинка с интересом стала наблюдать, как Фома трясущимися руками с трудом разомкнул молнию на большой и хорошей хозяйственной сумке – про себя отметила, что волнуется он – и принялась извлекать из неё то, что приволок, складывая на заботливо подсунутую Нинкой коробочную картонку.

Было тут от чего задиристой Нинке обомлеть: дорогие конфеты, фрукты, какие-то безделушки забавные, водка, шампанское, бутылка вина, миска холодца, кастрюлька салата, пирог... Откуда вся эта забытая, давно недоступная им роскошь?

– Ой, Фома-а, ты где это урвал?! – нараспев прошептала заворожённая Нинка, от волнения её даже затрясло всю мелкой дрожью.

– Бог послал фарт! – загадочно выдохнул очумелый от увиденного Фома и после паузы добавил: – Своим рабам многотерпеливым.

– А тута что? – осторожно дотронулась Нинка до бумажного рулончика.

Она поняла, что Фома где-то удачно спёр эту сумку.

– Хрен его знает, – отозвался пренебрежительно Фома, совсем ошалев от такой неожиданной добычи.

Он торопливо свинтил пробку с бутылки и алчно приложился к ней, высосав несколько глотков водки. Но, стервозная в таких случаях, сейчас Нинка словно не заметила этого.

– Ух ты-ы! Вот эт-то да-а! – извергла она возглас такой силы удивления, что Фому это заставило даже от бутылки оторваться и пристально взглянуться в раскатанный рулон, обклеенный фотографиями, под которыми шли многословные подписи, украшенные старательно и замысловато нарисованными виньетками. Фотографии сразу показались ему пронзительно знакомыми.

– Фома, да ты хоть знаешь, у кого сумку-то сдул?.. – спросила Нинка с радостью открывателя.

* Адамант – старинное название алмаза и бриллианта.

– Это ж... Это-о... – припадая ближе к фото, задохнулся взволнованно Фома, узнавая своих друзей, Нинку и себя двадцатилетней давности... – Нич-чего себе! Дорогая редакция, я – в шоке!.. – произнёс он шёпотом.

Забыв про снесь, они с жадным радостным любопытством, какое присуще лишь счастливым детям, принялись вчитываться подряд в то, что было написано под фотоснимками. Бережно освещая раскатанный рулончик, Нинка держала и передвигала свечку так, чтоб не капнуть нечаянно на газету парафин, расплавленный фитильком. Дойдя до своей фотографии, прочитав шутивное пророчество, составленное два десятка лет назад, Фома погрузился в угрюмое молчание, поникнув задумчиво головой и кусая грубые обветренные губы.

Чёрная страшная пропасть разверзлась между тем, что было ему обещано друзьями, и тем, что вышло... И не было никакой жёрдочки между берегами, и уже не будет... В этой пропасти, где-то на ледяном и холодном дне, валялась его в куски изуродованная жизнь, которая начиналась когда-то на земле так светло, красиво и так празднично легко...

И опять в голове его провернулись слова излюбленной его приговорочки «Эх, Фома, Фома, неправильно ты живёшь!», но в этот миг они наполнились совсем иным смыслом, противоположным наигранному укору, с которым их Фома всегда произносил, – уничтожающим смыслом.

И принесённые сейчас, разложенные здесь роскошные яства его друзей кричали об этом же!

Должно быть, проглоченная натошак водка расслабила Фому чувства: в его глазах непрошено засочились слёзы, накопились, потекли обильно, срываясь в рыжую кудлатую бороду.

Нинка всё поняла, душой почувствовала, сердце её сжалось, она обхватила мужа, бережно и успокоительно похлопывая его рукой по плечу.

Но Фома от этого участия своей спутницы судьбы – только громче завсхлипывал, клонясь всё ниже, ниже. И вдруг он резко уткнулся головой в фотографию и утробно завыл по-звериному протяжно, бессознательно загребая и комкая раскатанную перед ним их прошлую жизнь...

Предатель

Максим Иванович проснулся и сел, оглядывая место нахождения, как сквозь туман, руками продирая слипшиеся глаза и силясь понять, где он оказался. Под ним – кучка серой прошлогодней слежавшейся соломы, над ним – возвышались голые, с набухшими почками липы. С пригорка, где он находился, видны были широко раскинувшееся поле и дорога. Но где он, Максим Иванович никак не мог сообразить, и как сюда попал – совершенно не помнил. Словно нечистая сила занесла его сюда. Во рту всё стянуло, в гортани пересохло, одеревенелым шершавым, как наждачная бумага, языком невозможно было даже пошевелить, невыносимо хотелось пить.

С трудом поднялся и тяжело побрёл к дороге. Она была пустынна. Солнце висело, пламенея, на закате. На северной стороне дорожного полотна в кювете лежал ещё пласт грязного снега, и стояла лужа талой воды, покрытой чёрной плёнкой выхлопной машинной копоти. Максим Иванович склонился, разогнал плёнку левой ладонью, сделавшейся сразу чёрной и жирной, а другой ладонью, зачерпывая воду, напился, размачивая себя.

И тут ему вспомнилось – он же в военкомат ездил, за юбилейной наградой. Глянул на пиджак и обомлел, судорожно кинул обе ладони на грудь, всё в нём похолодело – пусто, ни одной награды: три ордена Славы, медаль «За отвагу», орден Красной звезды, два Великой Отечественной войны – первой и второй степеней – всё исчезло,

будто листочки с осеннего дерева осыпались. Собираясь в военкомат, надел самые главные, самые дорогие для него награды, а все юбилейные оставил дома. Не было и медали, которую вручили ему сегодня.

Максим Иванович, забыв про своё состояние, не по возрасту проворно взбежал обратно на взгорок. Осмотрел место, где спал, полянку с примятой прошлогодней травой, где не осталось никаких следов пиршества, про которое теперь вспомнилось ему. Даже в соломе порылся. Подобрал свою неожиданно обнаружившуюся фуражку. Дошло до ума ветерана, что ушлые паренки напоили его и бессовестно ограбили. Подарил он им, выходит, свои бесценные боевые награды за пару стаканов. Пропил. Та-ак, какая же у них машина-то была?.. «Жигули», вроде? А цвет? Не помнилось. Вот так разведчик. Наверное, ещё своими подвигами хвастался им, каким отважным и отчаянным был разведчиком?.. А они вот где-то теперь над таким простодырым «разведчиком» потешаются...

Горько, ох, как горько было в эту минуту Максиму Ивановичу. Тяжесть такая навалилась, будто землёй после взрыва присыпало...

* * *

Он ездил в райвоенкомат получать юбилейную медаль, отчеканенную к пятидесятилетия со Дня Победы. Там он встретил знакомого из села Шляпники, можно сказать – приятеля. Получив награды, бывшие фронтовики тут же завернули в закусочную и «обмыли» их; и на автостанцию Максим Иванович пришёл уже совсем хорошеньким. Выпить он любил, и с неопределённо давних пор – уже без всякого повода, а тут, как в народе говорится, сам Бог велел. Награда!

На автостанции его и заметили эти ребята, трое их было. Один из них, не привлекая внимания других людей, разговорился «невзначай» с дедом. Максим Иванович был большой охотник пообщаться, особенно когда бывал под хмельком, как сейчас. Паренёк ему сразу понравился – открытый такой и внешним видом симпатичный, статный, одет хорошо, видно, что не какой-нибудь там прощельга, уважительное внимание выказал к фронтовику, сигареткой хорошей угостил, вопросы серьёзные задаёт... И даже на «ты» он обращался не панибратски, а как-то располагающе.

Узнав за разговором, куда старик едет, парень сказал:

– Ху, так нам по пути! Мы тебя, батя, прямо до дома подбросим. Неужели ты думаешь, мы героя войны оставим на дороге, – добавил он возмущённо и очень весомо.

Ветеран был польщён. Глядя со стороны на беседу старика с молодым человеком, можно было подумать, что это разговаривают отец с младшим сыном, или дед со старшим внуком.

Потом они пошли к «Жигулям», сели и уехали. Никто и внимания не обратил. В эти часы на районной автостанции всегда толпилось много народа, подъезжали-отъезжали машины, автобусы, встречали-проводжали.

Километров через десять-двенадцать, парни остановились, их было трое, молодые, крепкие, энергичные, живые и весёлые.

– Пикничок, дед, организуем здесь в честь твою!

С пустынной дороги отошли в сторону, поднялись на холмик к липовой рощице. Расстелили из газет «скатерть-самобранку» – так её называл уже знакомый Максиму Ивановичу Сергей, выставили пиво, бутылку водки, хорошую колбаску, свежие в эту пору (что и удивило Максима Ивановича) помидоры, солёную рыбу. С продуктами в деревне было хреновато, а у них откуда что только взялось?..

С пригорка здесь открывался живописный вид, место выбрали высокое, просторное, уже хорошо и щедро прогреваемое весенним солнышком. Небольшой липовый островок прикрывал удачно пригорок с северной стороны.

Сергей (друзья его называли Серый), наполняя стаканчики, сказал:

– Я предлагаю тост за фронтовиков! Если бы не они, мы сегодня парились бы под сапогом фашистов. У меня отец воевал, Днепр форсировал, на Курской битве сражался, израненный весь пришёл. Пять лет назад его не стало. Его за Днепр к Герою представляли, но ранило на плацдарме, в госпиталь попал, и все документы затерялись.

– Такое бывало! – подтвердил со знанием дела Максим Иванович, покачав огорчительно головой.

– А у меня дед погиб под этим, как его... – наморщил лоб чернявый и остролицый паренёк по имени Толик, сияясь вспомнить какой-то город.

– Кёнигсбергом, – подсказал находчиво Сергей.

– Вот-вот, под ним! Никак не могу сразу сказать это нерусское слово, – засмеялся он весело.

– За тебя, дорогой фронтовик! За твоё здоровье, Максим Иванович, за твою «отличную» награду! – вновь вступил в разговор Сергей.

Он уже многое успел вызнать ещё на автостанции у подвыпившего, простодушного и доверчивого в разговоре ветерана, который не сумел бы и предположить, что братки просто умело его «разводят».

Третий парень, водитель, в беседе участия не принимал, стакан со всеми поднял, молчаливо чокнулся, но пить не стал – за рулём. Понятное дело.

А Сергей и Толик с интересом расспрашивали ветерана о войне, восхищались его подвигами полкового разведчика, который не улавливал ни фальши в их восторгах, ни поддельного интереса, расхваливали, угощали его, щедро подливая водку, поднимали за него тосты и язвительно подначивали, если Максим Иванович выпивал не до дна. Он уже не замечал, что сами они теперь не пьют, а только делают вид.

– А вот скажи честно, дед, убивать-то тебе приходилось? – спросил Сергей.

– Хо-о! Конечно! Много раз. Война, – выдохнул Максим Иванович. И повторил устало: – Много раз... Но вот один-то случай до сей поры стоит в глазах. Неповторимый. И снится, бывает. Правда, сейчас редко. Пятьдесят пять лет всё-таки прошло после войны. Редко. А первые-то годы часто меня мучил этот сон. Послали нас тогда в поиск вчетвером, в ближний тыл к немцам. Взяли мы двух. Очень удачно взяли, как и не мечтали. Нечаянно, можно сказать. В доме у нашей русской женщины. Подошли осторожно, пронаблюдали, проверили. В окошки посмотрели. Удостоверились, что безопасно, бабёнка одна в доме, на спицах вяжет, сидит под лампой. Я ещё удивился, помню, откуда она керосин-то на передовой взяла? После-то понял, конечно. Вошли, чтоб выспросить что знает. У неё пешки на лоб: наши, говорит. А потом затарахтела, руками замахала: уходите, уходите, скорей, у меня немцы на постое, два офицера, сейчас прийти должны. (Вот откуда и керосин...) Мы – на улицу, а постояльцы-то идут. Нам уже незаметно не уйти, обнаружим себя, деться некуда, тут секунды уже всё решают.

Двое из нас обратно в избу сунулись, возле двери по сторонам встали, двое так же – у двери в сенках. Первого в сенках они должны были пропустить, а второго взять. Но только не раньше того, как мы с лейтенантом в избе этого первого начнём крутить.

Слышим, заскрипел снег уже на крылечке. Тут уж нервишки-то – о-о! Если б они с фонариком оказались – могли бы ребят в сенях увидеть, и все бы планы наши смяли. Ну, скрутили мы их, связали голубков, пасти им заткнули, обмотали «языков» простынями, чтоб не чернели на снегу под осветительными ракетами. Сами-то мы в масках халатах...

– А простыни-то где вы взяли?

– Да у бабёнки этой... Немецкие, наверно... В деревне в те годы какие простыни!.. Поволокли мы «языков», значит, к своим. Под горку в низину стащили легко. А дальше дело пошло на подъём, тяжело-о, выбиваемся из сил... Но всё же самое опасное место, вроде, миновали. А там колючая проволока шла, и в одном месте была канава, овражек небольшой. Ход этот мы заранее разведали, когда к поиску готовились. Вот по этой канаве нам под заграждением, как в бутылочное горлышко, оставалось пролезть. И в этом месте, как на притгчу, у одного фашистюги кляп изо рта выпал, вытолкнул он его как-то. Вот и заорал, гадина, во всё горло на своё, конечно, языке. Из немецких окопов сразу фейерверк, ракеты в небо – светло, как днём, и пошла балалайка играть, затренькали пулечки вокруг... А нам ещё до своих почти через всю нейтралку. И на взлобке находимся. Я ему рот зажимаю, не даётся, орёт, гадина, башкой крутит. И кляп-то хрен его знает, где. Криком наводит огонь на нас. Что делать? Или я его кончаю, или нас сейчас всех перебьют... Раздумывать некогда. Ну, я ему в глотку

нож – на, собака! Кровища хлынула, захрипе-ел... А мужик-то рослый он был, красивый. Это я ещё в избе, на свету заметил, когда свалили его. Жалко даже. И вот этот запах-то тёплой, живой-то крови, близко, рядом с собой, я почувствовал... Эт-то... Это, ребята, потом очень тяжело, оказывается... Не забудешь никогда! А второго языка мы допёрли. Важный был офицер. За это мне и первый орден выписали тогда.

– Да-а, это так... Запах крови... – медленно и задумчиво проговорил непонятно к чему Серёга, сразу посерьёзнев. Потом как будто вздрогнул, встрепенулся: – Ты же за нас, Максим Иванович, кровь-то эту проливал...

– Мешками! – отворотся в сторону, бормотнул с ехидной усмешкой Толик.

– Интересно, а с той женщиной немцы что сделали?

– Кто его знает, – дёрнул в неопределённости плечами ветеран. – Могли потом и укокошить, конечно, – вздохнул он.

– Столько «языков» перетаскать! – восхитился Сергей. – Это правда, что почти полсотни?

– За всю войну сорок восемь. Вот те крест! – Максим Иванович перекрестился. – Не один, конечно, в группе всегда... Я очень удачливый был!

– Говоришь, полный кавалер Ордена Славы приравнивается к Герою Советского Союза?

– Да! – категорично подтвердил Максим Иванович, потряхнув резко головой для большей убедительности.

– Ранения были?

– Три! Два-то, правда, не опасные. Одно – тяжёлое, очень. В грудь. Пулей разорвало лёгкое... Вынесли ребята, спасибо им, не бросили.

– А какое звание у тебя?

– Да звание-то небольшое, – хохотнул он. – Старшина. Слава – это орден солдатский. Офицерам его не давали.

– За доблестного Героя, значит!

– Спасибо! Хорошие вы ребята! Молодцы!

Максим Иванович вышел на дорогу. Приглядевшись к месту, он по основным лесопосадкам, раскинувшимся за дорогой, уже сориентировался, где находится. А вот и столбик километровый с цифрой 11. Значит, от райцентра они отъехали на одиннадцать километров. До дома ещё почти двадцать. Автобус вечерний до их села то ли прошёл уже, то ли нет ещё? Часов у него не имелось. Он их давным-давно пропил. Деньги, документы не тронули архаровцы, всё лежало в карманах. Правда, денег-то у него оставалось только до дому на автобусе добраться, этот мизер им нечего было и трогать... Тем более после такой добычи, как его награды...

Он мучительно прошагал около километра, когда его нагнал автобус и подобрал. На его счастье, не прошёл ещё, оказывается. В автобусе было полно знакомых, односельчан. Тёзка, Максим Терентьевич, присматриваясь, стал допытываться у него, откуда он шёл, как оказался на этом месте, в поле?

– На попутке подбросили до отворота на Глубокую Яму, – соврал Максим Иванович. – Там, думал, ещё кто-нибудь догонит, да вот не подвернулось, пехотой пришлось топтать.

– В больницу, что ли, ездил?

– В больницу, – с лёгкостью согласился Максим Иванович, качнув головой на выручающий вопрос.

– То-то, я гляжу, невесёлый ты шибко, туча тучей, – проговорил Максим Терентьевич и, перейдя на шуточный тон, добавил с лёгким смехом: – Ну, до Победы-то юбилейной доживёшь?

– Кто его знает, – ответил горестным тоном Максим Иванович и задумчиво отвернулся со вздохом.

– Доживё-ёшь! – уверенно проговорил Терентьевич. – Чего там, уж меньше недели остаётся.

– Кто его знает, – повторил Максим Иванович так печально, сквозь слёзы, будто плакать собрался.

Максим Терентьевич даже наклонился тревожно, чтоб получше рассмотреть лицо собеседника. Таким обречённым и подавленным он его ещё не видал: никакого в нём вечного куража и ломанья как и не бывало сегодня. Видать, и верно – мужик серьёзно чем-то болен ...

* * *

Восьмидесятишестилетний старик Василий Петрович не любил День Победы. Он хоть и числился участником войны, но ни на какие торжества его сроду не приглашали. Да и пригласили бы, так всё равно ни за что бы не пошёл. В этот тягостный для него день он старался ни радио не слушать, ни телевизор не смотреть. С утра придумывал какую-нибудь посильную работу по хозяйству подалее от избы.

Сегодня Василий Петрович поправлял в огороде за баней навес для дров. Не спешил, хотел растянуть это пустяковое занятие на весь день. Часто перекуривал. Сядет на скамеечку к стене, на солнышко, положит руки на колени, склонится на них и так сидит, попыхивает неторопливо сигареткой, думает свои думы разные. На его сторбленной спине проступают сквозь рубаху косые крест-накрест продолговатые бугры, будто жилы невероятно и уродливо вздулись, или как будто на спину под рубаху насовали ему, как попало, обрывки разных верёвок. В банные дни Василий Петрович мылся исключительно в одиночку и рубаху при людях никогда не снимал, чтоб не привлекать ничьёго внимания страшным видом своей спины. Жена, и та за долгую с ним жизнь видела спину мужа со счёта раз. Эти жуткие «гостинцы» Василий Петрович принёс из немецкого плена, где его за побег избивали до полусмерти плетьюми.

На войну он добровольцем ушёл на третий день после её начала. Было ему тогда двадцать шесть лет. И поскольку он прошёл недавно действительную службу, то на фронт угодил сразу, уже через неделю был на передовой. Он да Иван Зарубин, два односельчанина, оказались в одном взводе и, надо сказать, сильно радовались этому. Но радость их была недолгой. Немцы напирали, давили на отступающих, не давая ни-где зацепиться.

Ранило их обоих в одном бою, в один момент, от разрыва мины. Василия задело легко в ногу, он сразу же сделал себе перевязку и мог бы уйти, чтоб не попасть в окружение, да Ивана-то ранило тяжело в живот. А бросить земляка и односельчанина посреди чужого поля Василий не мог, они в самом начале друг другу обещание дали клятвенное, что в случае чего, так не оставят один другого, помогать будут. Хорошо, что Василий был крупный, здоровый, рослый, а Иван заметно поменьше, и Василий его понёс на себе. Так и угодили оба в плен.

Почти три дня в изнеможении голодный Василий тащил на себе Ивана, всё яснее и яснее понимая, что подходит им обоим конец. В третий день всех раненых, за исключением лёгких, как Василий (про его рану только Иван и знал), немцы отделили от разросшейся колонны. Было объявлено, что всех раненых увезут и станут лечить. Здоровых угнали вперёд...

Скоро Василий понял, что пока есть силы – надо бежать, иначе останется только сдохнуть. С пленными немцы обращались безжалостно, хуже, чем со скотом и почти не кормили. Свободолюбивая душа Василия не хотела никак мириться с таким положением. Ему стало ясно, что если они так со здоровыми, то уж с теми, кто был ранен, и остался на дороге... Их теперь и в живых-то уж точно нет. Остаться в плену – смерть, убежишь да поймают – тоже смерть. Но ведь надежда хоть остаётся, что не поймают. А тут – никакой уж тебе надежды.

При первой же возможности Василий убежал. Но поймали его очень скоро. Почти как в кино «Судьба человека». Это единственный фильм про войну, который он посмотрел за все годы после войны. Только собаки не рвали его. Вешать его в лагере в назидание другим не стали, это смерть лёгкая. Его уложили в центре лагеря между пленными, разделёнными на две половины, и стали на виду у всех полосовать плетьюми. Видеть, что происходит от зверских ударов с живым обнажённым телом – не у

каждого нервы выдержат, но и отворачиваться не позволялось, и некоторые падали даже в обморок. И немцы, видимо, считали это лучшей прививкой от побегов. Били даже после того, как потерял сознание.

Но выжил Василий.

Выжил, так ведь неймётся дураку, решил на второй побег. Видел он, как люди здесь ломаются, боялся, что с ним тоже будет. Он пока держался только тягой к родине, понимая, что здесь он, в этой поганой неметчине – никто, пыль на чужой дороге. Только стоит смириться и всё, конец, погибнет. Но и второй побег закончился тем же...

В последний побег он пустился вдолгих после второго, уже из Германии. На сей раз повезло. Василий к той поре научился немного лопотать по-немецки. Женщина одна, с которой он кое-как объяснился, показав ей свои увечья на спине, ужаснулась деяниям своих соотечественников и сжалась над русским. Она его спрятала, несколько дней кормила, подобрала ему подходящую одежду, а его лагерное тряпье сожгла, снабдила продуктами, показала на школьной карте, где он сейчас и куда ему надо идти. И в одну из ночей, долго прислушиваясь и приглядываясь к улице, к соседним домам, выпустила русского в дальний путь. Её дом стоял на окраине. Василий пошёл. Шёл ночами, не попадаясь людям на глаза. И миновал удачно Германию, и Польшу почти всю прошёл. Здесь были уже свои, почти родня: славяне, а опасность удесятерит чутьё и нюх, и несколько раз Василий рисковал доверяться таким людям, которые помогали ему продуктами. Но и эта попытка бегства всё равно закончилась неудачей. Но вот что диво: и теперь ведь остался в живых. На роду ему, что ли, было так написано мучиться.

* * *

Освободили Василия в западной Германии американцы в начале 1945 года. Но к тому времени он считал, что уже сломался. Вместе с другими бывшими военнопленными он был передан советскому командованию и сразу же их всех поместили в проверочно-фильтрационный лагерь. Начались изнурительные допросы и дотошные проверки. Кто он, откуда призван, в какой части воевал, как, где, при каких обстоятельствах сдался в плен, где, в каких лагерях находился, чем занимался, сотрудничал с немцами или нет, кто из бывших военнопленных может конкретно подтвердить то, что он рассказывает, кого из пленных сам знал по фамилии, имени, отчеству, кличке, что о них известно ему, и так далее и тому подобное. Так же допрашивали и других.

Из всех этих перекрёстных допросов сплеталась, он понимал, многоячеистая сложная сеть, которой вылавливали власовцев, прочих предателей. В этой фильтрационной сетке должно было определиться и его окончательное место. Бояться ему, он был уверен, нечего – его совесть была чиста. Ранение обследовали врачи, осматривали они и следы немецких истязаний, которые доказательнее всего свидетельствовали в пользу Василия, что с немцами не сотрудничал.

Действительно, скоро Василий получил заключение о невинности, был направлен в госпиталь, а оттуда, спустя короткое время, в действующую армию на Дальний восток, где после начались военные действия против Японии.

Второго сентября 1945 года война для него закончилась; вскоре он был демобилизован. Домой приехал с цингой и туберкулёзом. Отец с матерью не чаяли его в живых, ещё в сорок первом они получили извещение, что их сын пропал без вести. И только после объявления Победы получили вдруг письмо от Василия, что жив и, как он в письме утверждал, здоров.

Никогда бы не подумал он, что послевоенная его жизнь, мирная жизнь в родном селе обернётся для него страданиями хуже фашистского плена. Там он жил надеждой освобождения, надеждой возвращения на дорогую родину. Здесь, на родине, от состояния унижения бежать уже было некуда. Разве что в могилу. Вот когда он понял – ничто так не язвит сердце, как напраслина. И вот когда он понял, что сломался – уже окончательно. Полный край!

А всё из-за соседа, до войны – Макси Ванькина, теперь – Максима Ивановича. С войны сосед вернулся раньше, летом 45-го, вся грудь в наградах. Геройский мужик, один на всё село такой. Три ордена Славы имел, полный кавалер. В разведке воевал,

ранения имел. Но судьба с ним обошлась милостиво. Вот он однажды пьяный и заклеил Василия предателем. Пока жив был отец Василия, Пётр Емельянович, перед ним Макся не смел куражиться. А после смерти его в 47 году и пошло, как пьяный проходит мимо дома Василия, обязательно под окнами остановится, зубами скрежещет злобно и кричит на всю улицу: «Предатель! Мы воевали за родину, кровь проливали! А ты шкуру свою поганую у фашистов спасал! Гнида! Встретился бы ты мне на фронте, я б тебя!..»

Привлекая своими выходками внимание односельчан, он тем самым как бы говорил: вот – предатель Васька, а вот – я, герой. Сравняйте, люди, кто чего стоит! И пока не натешится Максим – не успокоится. Только потом отправится спать.

Трезвый пройдёт мимо усадьбы Василия и не глянет в сторону его дома, а пьяный никогда не минет. Пил же Максим с годами всё чаще и больше. И особенно любил он поизгаляться и покуражиться над Василием в День Победы, возвращаясь с какого-нибудь чествования, с торжественной встречи, на которые его неукоснительно приглашали. А ведь знал, собака, подлинную историю соседа и его невиновность.

От обиды, от непереносимой напраслины Василий, который был на восемь лет старше Максима, уходил, уединялся, прятался. Жена боялась, не наложил бы руки на себя, тихонько подкрадывалась к тому месту, где муж отсиживался. Страдальческий взгляд его – был громче всякого крика, столько в нём было мученической усталости, прожигающей душу, какой-то невыносимо-смертельной тоской, и не раз видела, как он плачет.

После страдал он особенно за детей своих – сына и дочку, когда их дразнили сверстники тем, что отец предатель. Маленькими, дети жаловались, плакали, подросли – переживали молча. Мать утешала их, как могла и умела. Отец отворачивался, молчал. Но бывали такие минуты, когда повзрослевшим уже детям говаривал: «Какие бы сплетни о тебе ни распускали, самое главное, чтоб твоя совесть не глодала тебя. А обиду надо перетерпеть, никогда нельзя на себя руки поднимать, судьбу свою надо нести по жизни...»

Пьяным Василия не видали, работал он добросовестно.

И ведь вышли его дети в люди, выучились, специальности получили, семьи добрые сколотили, внуков ему нарожали хороших. Любят они все его, отца своего, деда своего. Очень уважают. Хоть в этом его сердце успокоено.

Судя по времени, сосед-герой уже должен был сегодня пройти, «отмитинговать» возле дома Василия Петровича, смориться, угореть. И Василий Петрович свернул свою работу, побрёл потихоньку домой.

– Не было сегодня змея-то! – как бы между прочим известила его жена. Она помолчала, словно раздумывая над чем-то и, видимо, решила открыть и то, о чём думала, что знала: – Сказывают люди, потерял свои ордена. Видно, пропил. Нечем трясти-то больше, вот и не кажется. Теперь вот, говорят, лежит болеет, не встаёт даже.

Действительно, за какие-то считанные дни Максим Иванович весь осунулся, почернел и похудел, будто пиявки его иссосали, будто черви его изглодали. Себя он обманивал тем, что на сырой земле поспал...

В какой-то момент он кликнул слабеющим голосом свою старуху, которая про жизнь с ним говаривала: «На мне ведь, бабоньки, только печь не бывала!» Люди понимали её слова без перевода: бил он её всем, чем можно бить женщину в деревенской избе. Побил бы и печью тоже, если бы только смог печь поднять.

– Настя! – позвал он теперь жену, худющую, словно засохшее дерево.

Она подошла, глядя на него безучастно и молча.

– Настя, ты меня прости! Неправильно я жил с тобой. Прости! Ума не было, – проговорил он уже с трудом, обречённо.

Ей в эти слова не поверилось. Она невольно скривилась. Жизнь загубил, а теперь – на тебе: «Прости»... И всё? Как дешёво-то жизнь её оценил...

Был вечер, на тумбочке возле постели, в которой лежал на спине Максим Иванович, горела настольная лампа. И тут Настя заметила, как свет лампы отражёнno заиграл в крупных каплях слёз, наполнивших глазницы её мужа. Она застыла, как заворожённая. Максим и чтобы плакал?!

Вот теперь Настя поняла, сердцем вздрогнувшим почувствовала, что супруг подводит последний итог своей жизни. И уже не врёт. Теперь слова его получили особую цену...

И всё равно так ей горько стало в эту минуту за всю свою изуродованную жизнь, напрочь искалеченную этим клеймённым самодуром, что захотелось огреть его чем-нибудь так, чтоб расплатиться с ним сразу и за всё – за бесконечные пьянки, за гулянки, за несчитанные побои с издевательствами; закричать хотелось во всю мочь, завывать волчицей на всю округу. Эх, да теперь этим ничего уже не поправишь и на одну кошачью шерстинку!

Комок встал в горле, разрывая его, закупорил дыхание. Она долго молчала, не имея сил даже шелохнуться и сделать вздох, пока комок этот не ослаб. А когда он, наконец, ослаб, рассыпался, провалился куда-то в нутро, то ли в лёгкие, то ли в желудок, то ли в самую прямую кишку, только и смогла, хватив воздуха, скорбно выдавить из себя общепринятое:

– Бог простит!

– Ты у Васьки... попроси... за меня... прощенья, – промычал он медленно. Помолчал, набираясь сил, и добавил: – Через меня... он страдал... Я много ему горя...

Тут Максим Иванович, то ли всхлипнул, то ли икнул и замер уже навсегда.

Детей у них не было, родни никакой не осталось, и хоронить спившегося героя, так нелепо окончившего жизнь, пришли всего несколько односельчан. Но глава поселения, называемый по старинке председателем сельсовета, произнёс короткую речь. А присланные военкоматом прапорщик и два солдата с автоматами Калашникова трижды так бабахнули в три ствола, что пронзительными холостыми залпами напугали кладбищенскую тишину. Скорбным эхом отозвались эти выстрелы.

От неожиданности вздрогнули люди над свежей могилой бывшего отчаянного солдата-разведчика, навсегда опущенного в весеннюю землю, ещё не протаявшую в глубине, в свою землю, которую он много лет назад отвоевал у злобного и сильного врага.

Спорили, перепирались

Председателем нашего дачно-садового кооператива был человек со стороны, из бывших пожарных, у которого здесь даже участка не имелось. То есть, строго говоря, наёмный работник. Тем не менее, он лет десять проработал председателем. В летний период получал зарплату от наших взносов, и пусть не ахти как, но что-то делал: по крайней мере, за водоснабжением для полива следил, насос в рабочем состоянии поддерживал (а это дело наиглавнейшее; место у нас высокое, на горе, без полива ничего не вырастишь), латал и жуткую дорогу, засыпая выбоины и разбитые места; то щебня машину привезёт, то гравия, то шлака. А однажды вообще какой-то дряни завёз несколько машин, что-то наподобие угольной пыли, золы и всё перемешано с берёзовыми прутьями. Будто старых мётел распотрошили не одну сотню и туда добавили... Отходы какого-то производства. Ох и поругали его... Но зато дешёво.

И вот на очередном годовом собрании, которое проходит в мае, в начале сезона, Пётр Спиридонович, как полагается, отчитался за свою работу в прошедшем году и отказался быть дальше председателем, по причине возраста и болезней. Сложил обязанности, как говорится. Возраст у него действительно перевалил далеко за семьдесят. Аргумент неопровержимый, сами понимаете.

Поблагодарили дружно Петра Спиридоновича за многолетний труд, делать тут больше нечего, и стали гадать, кого избрать. Махмудов предложил Кабанчука. А что, действительно, задумалось собрание, мужик он хозяйственный, у него на участке полный окей, к тому же крупный, крепкий: руку если, здороваясь, тиснет – неделю

пальцы «парализованными» остаются, не действуют, и видный, горлопанистый, умеет командовать. А что ещё надо-то на этой должности? У него дело, наверняка, пойдёт неплохо. И предложение все дружно поддержали. Кабанчук не отказался, и его избрали.

Прошёл год, и последнему глупышу стало ясно, что Кабанчук – никакой не председатель, а только зарплату получать. С водой ещё с горем пополам перебивались, за лето насос два раза перегорал, и на ремонт дополнительные деньги спешно собирали... А дорогу он до такого состояния довёл, что все стали даже вспоминать мифическую фразу о двух бедах на Руси, одна из которых, все знают – дороги. Оценили теперь объективно и бывшего председателя: хлопотун, оказывается, он всё-таки был, зря его ругали, хотя и за глаза; пожарный, а вот на службе своей не спал, и работу незаметно делал. Сам на цистерну взбирался, а это метров шесть будет, заглядывал в горловину, как водой заполняется. А Кабанчук заставлял старуху сторожиху взбираться на высоту... Правда, делать это она категорически отказалась. И правильно сделала, а то б непременно убились...

Кого же, однако, избрать вместо Михаила Залменовича? Желающих на соблазнительную должность председателя что-то никак не находилось в кооперативе. Но ясно же, что без председателя выжить кооператив не сможет.

Спорили, перепирались, даже поругались... Никто не хотел быть председателем. Никто. У каждого были свои непреодолимые причины: кто работал, кто не имел уже сил по возрасту и здоровью, кто не обладал способностями организаторскими, кому-то семейное положение не позволяло и так далее, и тому подобное.

Один отец Андрей (священник, значит) не принимал участия в горячей перепалке. Всегда с живым и весёлым выражением глаз, сейчас он с лёгкой усмешкой смотрел на происходящее и слушал перепалку, вороша одним пальцем свою густую бороду. Кто-то возьми да и спроси собрание, вроде как в шутку:

– А может, батюшку вон председателем-то выбрать?

Все сразу замолчали и повернули взгляды в его сторону. Он усмехнулся, как показалось, не противясь.

– А что, батюшка, может, и верно, вас? – спросил всегда самый активный на собраниях и деловой в советах Онуфриев, у которого, у единственного во всей округе, над домиком на высоком флагштоке развеивается трёхцветный флаг России.

Отец Андрей вздёрнул брови, собрав на лбу складки, кинул глазами взгляд исподлобья в правую сторону и кверху, и, опустив очи долу, ответил смиренно:

– Можно попробовать.

Ему давно стало ясно, что председателя среди присутствующих всё равно не найти, некого, ибо каждый думал: кого бы ни избрали – только бы не меня.

Проголосовали за батюшку единогласно, и с облегчением и радостью разошлись: слава Богу, свалили ношу на попа, пусть бородатый теперь поворачивается...

А дел оказалось много. Участок дороги более километра был совершенно непроезжим: довели, разбили. В те дни, когда земля от весенних талых вод, как кисель, и когда ездить совершенно недопустимо, каждый, у кого есть машина, обязательно тащился на своей машине на дачу. Пешком, что ли, идти?.. Кроме того, в косогоре, на подъезде к дачному кооперативу, в одном месте тальми водами размывало дорогу, и образовалась яма, да такая, что объехать её можно было с трудом, и если её не завалить сразу – размочет летними дождями ещё больше, и тогда здесь появится уже целый овраг...

Трубы, разводящие от цистерны для полива воду по участкам, в трёх местах зимой порвало замёрзшей водой: не спустили осенью, а председатель Кабанчук не контролировал.

И вот попу, на которого спихнули всё это хозяйство, предстояло теперь что-то срочно сделать, было сухо, и все дачники уже тревожно кричали о поливе грядок...

Здесь надо сказать, кто такой отец Андрей, на которого повесил кооператив свои заботы. Ибо человек этот в некотором роде особенный. Лет шестнадцать я невольно наблюдаю за ним. Если рассказывать, как он в кооперативе нашем садовом появился, так эту историю, коренящуюся в одной жуткой трагедии, надо начинать шибко издалёка...

А потому скажем коротко. Кооператив наш был создан в 1993 году. Участки нарезали, землю раздали людям. А в стране такой бардак в то время был и такая после-революционная разруха, что многим оказалось не до участков. Ведь чтобы работать на участке земли и что-то выращивать, надо хотя бы сарайку поставить... Ну, кто сумел средствами разжиться – баньки, сарайки, списанные вагончики, домики садовые навтыкали. Но многие участки оказались в заброшенности. И земля здесь на некоторых участках, надо сказать, не земля, а ПГС – песчано-гравийная смесь. Цемент горсть кинь – бетон будет, взлётно-посадочная полоса... Но место невероятно живописное: две большие уральские реки сходятся перед Камской ГЭС, и с обрывистой высоты мыса обе видны. Такой водный простор – душа от радости заходится, к примеру, у меня, лесного человека. Чудесное место! Любуйся, не хочу. А какие восхитительно дивные здесь закаты! С тех пор, как мост через реку Чусовую открыли, поглазеть на всё это тащится на мыс поток «туристов» с апреля до ноября. Больше-то всего они, пожалуй, и разбивают нашу дорогу в непогодь своими внедорожниками...

Одна благодарная прихожанка отца Андрея – Галина – рядом со своим участком такой же, в десять соток, но заброшенный, купила в 1999 году и подарила отцу Андрею. У неё была мечта поставить на этих сотках со временем часовенку. А участок выходил на берег Камы, и вид с него открывался – ахнуть только: широченная уходящая вдаль река, холмистые хвойные леса за нею, и очень живописные просторы неохватные.

Отец Андрей – священник необычный, молодой, энергичный, сил не меряно. А целечат. Это значит, что хотя он и не монах, но жениться после принятия священнического сана уже не может, такой обет дал Богу. Детей нет, жены нет, куда силы и энергию девать? Он и в храме в городе служит, и требы на дому ездит исполняет, куда ни позовут... А силы всё равно ещё остаются.

Ну и взялся он в двухтысячном году от Рождества Христова строить часовенку на подаренном прихожанкой участке.

Прихожане его городские, конечно, стали ему помогать, кто чем мог. Любили они батюшку за его весёлость, за лёгкость нрава, за доброту и отзывчивость.

Женщины огород раскопали, картошки, овощей разных прочих насадили, зелени, за всем ухаживают. Наезжая. Мужики блоков бетонных привезли для фундамента, брусев на стены. Стали храм возводить. Небольшой, конечно, метров пять на шесть, не считая крохотного алтаря. Родитель батюшки престарелый, овдовевший человек, продал свой дачный участок (зачем он ему одному, да и ездить старику туда всё равно далеко), а деньги отдал сыну на постройку храма. Сам помогает ему по плотницкому делу, дети прихожан помогают посильно. Но больше всех батюшка сам работает. Отпуск на это положил. И бетон месит, и пилит и рубит, и строгаёт... Никакой инструмент из рук его не валится.

За лето поставили на фундамент стены из бруса, к осени загнали под шиферную двускатную крышу, проконопачили. Батюшка откуда-то бэушного кирпича раздобыл, старинного производства, печника где-то в селе нашёл хорошего, молодого, но мастеровитого. И тот ему такую печь-голландку сложил – красота: дров потребляет немного, а обогрев даёт хороший. За печкой трапезный закуточек получился.

Кто-то из прихожан старый палас привёз, кто-то старый ковёр отдал, кто-то половики натащил. Всё по-простому в храме: иконки в иконостасе и на стенах – бумажные, врата и царские и диаконские – всё из б/у (кто-то в квартирах двери заменял, старые выбросил, пригодились). По весне следующего года на Пасхальной неделе освятили престол в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник» (рядом с храмом, под кручей в сторону Камы – единственный в округе родничок), освятили весь храм. И служба началась. И то ещё как-то чудно сошлось, что праздник этой иконы переходящий, не в числе, а всегда – в пятницу Пасхальной седмицы, или на светском языке – недели.

Поначалу храм числился на полулегальном положении, и благочинный что-то топорщился. Но после отцу Андрею удалось как-то всё уладить с мудрым и отзывчивым архиепископом Афанасием.

Служба в храме бывала не часто: два-три раза в месяц, когда у отца Андрея выпадала возможность служить здесь помимо основной его занятости в храме, к

которому он был приписан и восстановление которого тоже отнимало у него немало сил.

Зимой дороги к дачному храму нет, только тропочка, которую деревенские прокладывают, да и та – одно название: в два-три следочка, а после метели и того не бывает. Деревня-то вымерла, тоже в дачи превратилась, постоянных жителей один-два и обчёлся. Кооператив наш садовый как раз к деревне примыкает и с нею практически сливается. От железной дороги с электрички идти два километра. Но прихожане к отцу Андрею в храм иконы «Живоносный источник», когда там служба, из города едут, детей на себе волокут, все молодые, энергичные, но некоторые уже в среднем возрасте и за...

Сам он приезжает накануне, печку накопечгарит, чтоб к утру было тепло в промёрзшем храме. Справа от входа соорудил под потолком полати, чтоб тут же и спать. Иной раз кое-кто и из прихожан стали с вечера приезжать и оставаться ночевать в храме. Ночуют, а утром на службу. Сами на клиросе и читают и поют, детей своих к этому приобщают. Пусть не очень-то стройно выходит, да зато от души и искренне: с любовью, верой и надеждой на спасение.

Шли годы, кто-то из прихожан отпадал от прихода по самым разным причинам, кто-то появлялся вновь, но в целом приход постепенно и незаметно ширился, увеличивался числом и качеством. Батюшка за эти годы заслужил авторитет, уважение, доверие; у него появились богатые меценаты в городе. Или на церковном языке – жертвователи. Постепенно он связями обрастал, появились влиятельные знакомые. Оптимистический его характер располагал к нему людей. Служил он легко, с весёлостью, исповедовал с улыбкой, а иногда и с шуткой. Но за всем этим чувствовалось самое серьёзное отношение батюшки к человеку и его грехам, к вере, к Богу, к богослужению. У него благоговение такое было: не угрюмое, не от страха, а лёгкое, от любви. Это, наверное, и располагало к нему верующих. Иначе бы люди возле него не удержались за пустоту, отшатнулись бы. Их ведь не обманешь. У них своё чутьё.

Пожертвования какие-то шли. Он обшил храм изнутри вагонкой, правда, самой дешёвой, со множеством дырок от выкрошившихся сучков. Но к роскоши батюшка и не стремился, у него всё было просто.

Лет через шесть отец Андрей купил старого «жигулёнка», ему теперь много приходилось ездить по требам (молва о нём ширилась и приглашали всё чаще): то на дому отпеть усопшего, то особоровать болящего, то квартиру или дом освятить и тому подобное. На городском транспорте умотаешься... А «жигулёнок» выручал. Ещё года через два, когда научился хорошо водить, практику получил, он заменил его на «Рено Логан», иномарку, которая не намного превосходила стоимость наших новых «жигулей». Замена этой способствовало не столько желание, сколько опять же нужда.

Новый владыка, назначенный взамен умершего, оказался человеком грозным, с тяжёлым взглядом исподлобья, властный, деспотичный и жёсткий. Он по какой-то неизвестной причине невзлюбил отца Андрея: из прибыльного городского храма перевёл его служить в посёлок за сорок километров от города. Но батюшка не огорчился, смиренно, как и должен человек верующий, принял новое назначение и слова худого нигде про владыку не произнёс, наоборот, как мог, укреплял его авторитет. Говоря, что всё нам посылается от Бога по нашему духовному состоянию, и если мы хотим, чтоб кто-то был лучше, надо стать лучше нам самим...

Прихожане отца Андрея, однако, очень огорчились такими переменами: ездить на его богослужения за сорок километров от города было накладно и для многих просто невозможно. Беспокоились, сможет ли он теперь служить и в дачном храме, который им очень понравился и куда приехать всё же и проще и дешевле. Вот тогда отец Андрей и приобрёл «Рено», чтоб ускорить свою перемещаемость из одного места в другое...

В летнее время к дачному храму съезжались машины, прихожане с трудом уже вмещались, очень много было детишек. Со своего огорода, который обрабатывали прихожанки во Славу Божию, то есть безвозмездно, и на котором урожаем вырастал очень даже неплохой, батюшка щедро всё им же и раздавал: и ягоды, и овощи, особенно тем, у кого не было своих огородов. Как-то легко он жил, служил, работал...

Уже на второй день после избрания батюшки председателем садового кооператива

он нашёл сварщика, сына сторожихи – вдовы бывшего сторожа, и организовал ремонт труб. На третий день вода пошла. А через неделю батюшка и промойну на дороге камнями засыпал. Не сам, разумеется, а опять же – организовал это дело.

В очередную субботу, когда все на дачах, взял батюшка бухгалтера кооператива Светлану Борисовну, женщину сорока с небольшим лет, и пошли они с внезапной проверкой посмотреть, не ворует ли кто электроэнергию: счётчик на трансформаторе показывает уж очень большой её расход, жутко не совпадающий с расходами по индивидуальным счётчикам. А возмещать-то чуть не десяток тысяч рублей придётся из общих взносов. Кто-то, выходит, у своих ворует. Кто это крысятничает? Зброшенные участки были, но свободных уже не осталось, всё было распродано. И цены на участки поднялись в десятки раз.

Подключение к линии, минуя счётчики, обнаружили сразу у нескольких человек, у которых стояли мощные обогреватели. В том числе у бывшего председателя Кабанчука. Он аж позеленел, что его пришли проверять и уличили в таком неприглядном воровстве. Возмутился, что не поставили в известность, а навалились внезапно и подло, как одесские налётчики...

Отец Андрей вежливо и твёрдо попросил Кабанчука исправить всё, как полагается, и больше подобного не делать, и пообещал, что публичной огласке дело не придаст. Пока.

Кабанчук проводил гостей молча, угрюмый и злой.

Когда вышли от Кабанчука, Светлана Борисовна была страшно возмущена низким поступком бывшего председателя и спрашивала у батюшки, почему это он решил не придавать огласке воровство?

– Пока ограничимся такой мерой, – проговорил батюшка. – Не будем позорить пожилого человека перед всеми. Ничего, он теперь исправится. Ничего.

– Как это ничего, батюшка!? – возмутилась Светлана Борисовна. – Ну, как это ничего? Он же украл! У нас с вами, у всех!

– Господь уравнивает: здесь он украл, значит, в другом чём-то потеряет в десять раз больше.

– Потеряет он или нет – это ещё ба-альшой вопрос. А вот мы уже потеряли.

– Ничего! – повторил уверенно батюшка. – И вам Господь воздаст за вашу потерю какой-нибудь удачей. Хотя вы, может быть, и не поймёте этого.

Прошло сколько-то времени, и Светлана Борисовна прибежала к батюшке вся взволнованная.

– А вы правильно сказали, батюшка. У меня – удача. В «Вивате», значит, тому, кто сделает за один раз покупок больше чем на пятьсот рублей, дают купон на участие в розыгрыше призов. Акция проходила. Вот я на такой купон и выиграла ноутбук. А там ещё туристическая путёвка в Турцию разыгрывалась и крутой мобильник. А нам так надо было ноутбук сыну-студенту, а денег никак не выкраивалось. И вот на тебе...

– Я ж говорил вам, Светлана, Бог всё уравнивает.

– Да-а. А вот интересно, батюшка, вы ведь говорили ещё и про то, что Кабанчук вдесятеро больше украденного потеряет?..

– Ну, об этом не надо думать, Светлана. Если мы хотим быть гражданами Неба, а не только земли, нам следует Бога молить о милости, а не о возмездии.

От батюшки к своему домику Светлана Борисовна шла, однако, крепко задумавшись о его последних словах и о том, а себя-то ей к каким гражданам теперь отнести?..

Тайна за многими печатями

Очень рано вышла Валя замуж, чуть ли не в пятнадцать лет. Ой, как мать бунтовала-а – вулкан: дым, огонь и камни летели! Но своевольная Валя всё равно ушла ко Грише, влекло её к нему, как присушенную. Три года жили просто так, гражданским браком, а по достижении Валиного совершеннолетия

заключили брак законный. Мать со временем смирилась. Куда денешься – Мишка рос уже, внук...

С годами Вале становилось всё понятней, что муж её – несусветный ревнивец, тиран и деспот. Лет двадцать терпела она от него побои да измывательства. Устала, измучилась невероятно. Кляла после свою дурость, что выскочила замуж преждевременно. «Рано выскочила, ох – долгой жизнь покажется!» – повторяла мать, огорчённая жестоким отношением зятя к дочери. И пеняла, что-де не послушала мать, вот и нарвалась. А теперь матери давно в живых не было, и захочешь, да не пожалуешься – некому.

Когда сыновья выросли, силы терпеть от мужа гестаповские истязания у Вали иссякли. Она крепко задумалась, как ей дальше быть. Уйти, развестись – Гриша не даст, либо изуродует во хмелю так, что сама жить не захочешь, либо совсем убьёт. Много горьких вздохов обронила.

И тут (в мученических страданиях после очередных побоев) в памяти её всплыл неожиданно, как лягушка из молока, давний бабушкин рассказ, который она слышала ещё в детстве; это была история о том, как жена многострадальная снарядила и отравила мужа своего, видимо, тоже самодура, на тот свет. Бабушка и её гостя беседовали о чём-то своём, а на маленькую Валюшку и внимания никакого не обращали. Она в своём уголке сидела, прислушивалась к их разговору да перебирала куколок. Сейчас Валя поразились тому, что случайно услышанный рассказ во всех подробностях столько времени дремал в каких-то неведомых уголках её памяти...

С этого дня Валя уже не могла избавиться от тайной, волнующей и страшной мысли; эта мысль была подобна подружке, которая знает, что желанна, а потому не советится своей надоедливости.

Но что за травка, как выглядит, где растёт – ничего этого Валя не ведала, запомнилось только забавное её название. Расспрашивать людей, она понимала, не следует, можно навлечь любопытство – почему она ищет эту травку. А сделай она то, что ей задумалось, – подозрение тогда сразу на неё и падёт.

Однако, чем бы Валя теперь ни занималась, а мысль опять и опять наводила её на рассказ бабушки.

Будучи как-то в городе на рынке, Валя остановилась случайно возле газетно-книжного ларька – поражало обилие бесстыдных картинок, выставленных напоказ. И тут внимание её привлекла книжка «Лечение травами». Дорогая была книжка, не по Валиным доходам. Но лечебник она купила. Прямо в автобусе по дороге домой Валя всю книжку жадно пролистала и разочарованно сникла – не было в книге травы под таким названием, какое она помнила. Жалко стало потраченных денег...

Но через эту опрометчивую покупку подхлестнула Валю догадка, как можно найти травку: надо выкроить будет время, чтобы наведаться в районную библиотеку и там полистать разные подобные справочники лекарственных растений.

Так она и сделала. Страшно смущаясь непривычной обстановкой, сидела в библиотеке и листала книжки о лекарственных растениях края; прочитывала названия, особенно обращая внимание на народные названия, выискивая нужное. Сильно утомилась, потеряла столько времени напрасно. И вдруг сердце её подскочило и затрепетало – наткнулась. Запомнившееся ей в детстве название травы оказалось именно народное.

Был помещён рисунок растения, совсем невзрачного, дано его описание, где растёт, когда собирать... Но ни слова не было сказано в справке о тех свойствах травы, которые интересовали Валю. То ли из предосторожности опасные сведения были опущены, то ли трава не имела тех свойств, которые нужны были Вале.

Работница библиотеки сделала Вале платную ксерокопию красочного рисунка из книжки, только чёрную и очень низкого качества.

Выждав нужное время года, Валя вся в сомнениях отправилась на поиски травы. Как раз поспела малина, и Валя уходила в лес под предлогом сбора малины. Не один десяток километров отмерила она по лесным низменным зарослям, пока наткнулась на предполагаемое растение. Когда разобралась в нём, сверила с описанием и рисунком, то скоро убедилась, что встречается трава хотя изредка, но гораздо чаще, чем

она думала. Трудно искать, пока не увидишь, как трава выглядит натурально среди других растений. А после этого замечаешь уже легко.

Валя принесла домой небольшой пучок травки, высушила её в тени. В намеченный день сделала отвар. Всё остальное было как всегда. В субботу она истопила баню. Настало время идти. Приготовила чистое бельё и мужу, и себе, пошла проверить ещё раз, хорошо ли баня выстоялась. В предбаннике взяла собачью плошку с приготовленным отваром, вошла. Сердце заколотилось: получится-нет? Она плеснула из плошки на каменку и сразу вышла.

Воротясь в дом, сказала: «Можно идти, Гриша. Я в первый жар сегодня не могу, у меня... месячные».

«Не можешь – не ходи», – буркнул презрительно Гриша и отправился париться. Он был любителем похлестаться в жаркой бане.

Вале действительно не здоровилось, и первый жар в такие дни она не выносила, ей становилось худо, Гриша знал. После того, как однажды Валя свалилась в обморок, перепугав мужа, он её принуждать ходить с ним в первый жар не стал. А в этот день она с самого утра жаловалась на недомогание.

В бане Гриша почувствовал какой-то неведомый ему аромат лёгкий. Подумал, что это пахнет приятно так от блошицы, небольшой пучок которой лежал на лавке. Когда у малых детей нарушался сон, их частенько парили блошицей, чтоб крепче спали. Забрался на пол, растянулся, стал прогреваться, потеть.

В это время Валя, жалуюсь детям на слабость, прилегла на кровать. Сжалась вся: ведь если получится, то что будет-то? Страшно как-то. В напряжённом ожидании прошло не меньше часа.

– Ребята, – сказала она. – Сашка, ну-к сходи ты, проведай отца, ладно ли, чего-т долго нет его, не угорел бы. Я чего-т совсем раскисла сегодня...

Детей у них было двое, сыновья. Старший, Мишка, только что пришёл из армии, отслужил, младший, Сашка, готовился идти служить отечеству. Был младший вылитый отец родной, а потому Гриша его любил, потакал ему во всём. А Валя наоборот – недолголюбивала младшего. Сашка поморщился кисло на просьбу матери, с большой неохотой сдвинулся с места, пошёл в баню проведать отца. Через три минуты он влетел в избу, как ошпаренный кипятком, и закричал:

– Папка умер!

– Да ты что?! – вскочила Валя с кровати в неподдельном изумлении.

Втайне она, конечно, надеялась, что это произойдёт, но всё же сомневалась в таком исходе.

Сыновья вытащили мёртвое тело в предбанник. Мишка бросился в сельсовет, вызывать «скорую». Пока он добежал, пока дозвонился до района, пока «скорая» одолела девять километров просёлочной дороги – около получаса прошло...

Увезли в морг. Вскрытие показало, что смерть Гриши наступила от внезапной остановки сердца. Может, перепарился в жаркой бане. Да и водкой сердце было, видимо, надорвано, пил много, частенько. Это знали все. Винить тут было некого. Похоронили тихо, мирно, стали жить дальше. Мишка устроился на работу в колхоз электросварщиком, а Сашка вскоре ушёл служить в армию.

Младшего сына Валя не любила не только потому, что внешне он был копией отца, в отца он был всеми своими замашками, с ним она никак не могла поладить, и уже сейчас виделся ей в сыне второй будущий Гриша.

Так оно и вышло через несколько лет: спокойная после смерти Гриши жизнь оборвалась. Отслужив в армии, как-то скоро втянулся Сашка в пьянку, а хмельной он становился особенно вспыльчивым и необузданным, циничным, жестоким, иногда – просто зверем. Всех беспричинно задирает, самому – словечка не скажи против. А если кто-то в разговоре за его спиной рассмеялся – будет бит. Потому что Сашка такой смех оценивал однозначно как насмешку в его адрес. Отношения у Вали с младшим сыном портились всё больше. Копилась, нарастала их взаимная неприязнь, не подвластная уже им самим. Не однажды набрасывался Сашка на мать, избивал её.

Несколько раз Мишка схватывался с младшим братом, бился с ним смертным боем, учил уму-разуму, что мать – это свято и поднимать руку на мать – самое последнее и гадючье дело.

Был Мишка покрепче телом, сильнее. Но жилистый и упрямый Сашка не уступал ему и с азиатской злобой поклялся отомстить брату за то, что ударил тот его. Валя была уверена, что выждет время – отомстит, тут уж ничего не поделаешь, это родова, калёным железом не выжечь; и горько думалось ей, что будущую жену Сашкину ждёт горькая участь самой Вали. Жизнь, хуже собачьей...

Вскоре Сашку обнаружили в бане мёртвым. Вскрытие показало – внезапная остановка сердца при наличии большого количества алкоголя в крови.

Конечно, вторая смерть в одной семье поразила односельчан своей одинаковостью. Сплетен разных поползло много. Но судмедэксперты никакого криминала не нашли. А Валя говорила всюду с горечью, что, может быть, какое-то ещё влияние оказывает и шлакоблочный фундамент бани... Да и ставили её, помнится, в високосный год... А, говорят, нельзя. Конечно, бабушкины, как говорится, запуги, но...

Срубили новую баню, поставили на другое место, а старую раскатали по брёвнышку и на дрова испилили. Сплетни сами по себе со временем поумирали и забылись. Мишка женился удачно. Жизнь наладилась. Хорошая, полноценная, радостная жизнь.

Прошло ещё несколько лет. Отец невестки – сват, значит, Вали – жалея, что пропадает такое добро (Валя при спокойной жизни похорошела, стала женщина видная), решил просватать её за одного знакомого ему вдовца, вышедшего недавно в отставку военного, то ли майора, то ли даже подполковника. Невест разных вдовцу предлагали уже с десяток, но ни одна из них не подходила ему по всем статьям: непростое, видимо, это дело – в зрелые годы выбрать человека по душе, не ломая своих привычек...

Сватовство проходило так. Подготовив с обеих сторон почву, привёз сват бывшего военного, представил его – Валентине, Валентину – ему, и оставил их на какое-то время наедине, пусть, мол, сами договариваются, как умеют, не маленькие. И отъехал куда-то якобы по делу на своих «Жигулях».

Василий Петрович, жених, разглядывал с любопытством сорокадвухлетнюю невесту – ещё хороша собой, всё при ней, подвижная, крепкая и симпатичная. Но сколько их предлагали ему?.. То кто-нибудь из друзей-доброжелателей, то сами они подплывали, подобно акулам, чующим поживу... Он скептически вздохнул протяжно и шумно. Э-э – одна трата времени на эту канитель. И говорит он тут Валентине с язвительной такой усмешечкой:

– Я, хм, Валентина Даниловна, человек, это-о, очень занятой, очень. Я частным предпринимательством теперь увлёкся. Мне времени нет тратить на ухаживания. А потому я тебе прямо скажу, – тут он на секунды замялся, дерзко собрав на лбу морщины, – хэ-хэ, может быть, и грубо, но решительно скажу: если за пять минут сумеешь удовлетворить меня – женюсь...

– Сумею, – ответила она спокойно и уверенно на его речи, не давая и договорить ему до конца.

Он, признаться, рассчитывал, что после таких циничных его слов женщина смутится, на том сватовство и закончится; и назойливый сват останется удовлетворённым, и проблема женитьбы навсегда будет решена: в конце концов, переспать он всегда найдёт, с кем, если захочется.

Как Валентина его удовлетворяла и чем – то между ними осталось тайной за многими печатями. Видимо, почувствовала она что-то такое, судьбу, что ли, свою...

Живут они вместе вот уже лет тринадцать, притёрлись друг к другу, Василий Петрович постепенно воспылал к Валентине так, что пришлось ему даже планы свои жизненные корректировать: перебрался он к ней в село на жительство. Нашёл и здесь, куда приложить ум, талант и деловитость, развернул свой бизнес, а Валентина Даниловна ему помогает. Она супругом радоваться не может.

О своём первом и уродливом замужестве лишь изредка вспоминает. Но как вспомнит – невольно вздрагивает: сердце у неё тогда ёкает и сжимается...

В такие моменты она замирает неподвижно, лицо её каменеет от каких-то тайных мыслей. Какой груз носит Валя в душе, что думает – только Бог один ведаёт. Но относится она к тому поколению, которое в Бога верить не научено.